

С. Л. Бринкер

ИСТОК БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Светлана Бринкер
Исток бесчеловечности

«Издательские решения»

Бринкер С.

Исток бесчеловечности / С. Бринкер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960439-2

Тебя и твоих близких ожидает великое и ужасное наследство. Кажется, ты сам его себе и оставил. Конкуренты, убеждённые, что сокровище должно принадлежать могущественным людям или никому, выходят на охоту. Рискнуть всем или отказаться от перемен? Любить или признать родство? Нужно ли быть живым, чтобы участвовать в дележе? Действие происходит в мире железнодорожных троллей, котов-телепатов, театральных демонов и бубликов-гоблинов. А могло бы и в нашем. Более того: одно не исключает другого.

ISBN 978-5-44-960439-2

© Бринкер С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	25
Глава 3.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Исток бесчеловечности

Светлана Бринкер

Побеждённый непобедим.

К. Понедельник

*И долго я стоял у реки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»*

Д. Хармс

Иллюстратор Анатолий Дубовик

Редактор и корректор Ольга Иванова

© Светлана Бринкер, 2019

© Анатолий Дубовик, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-0439-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Зверь из ямы

1.

Рен Штиллер, ключник, возвратившийся из обязательного для его цеха кругосветного путешествия, вежливо постучался в ворота столицы, города Лена Игел.

Широкие Тролльи Ворота сразу, без размышлений, отворились, и Рен облегчённо выдохнул. Лена оказалась не против, старая ведьма! Значит, там, внутри, в городе из плоти мёртвой колдуньи, неустанно следящей за своим последним великим творением, для молодого мастера имелось жильё. Хорошо бы не подвал. Пусть маленькая, но уютная комната с балконом или с видом на Запретные Воды... Ладно, не всё сразу. Со временем надо будет поколдовать в этом направлении. Ключник оставил Вокзал за спиной, шагнул внутрь, и ворота, не нуждающиеся в охране, захлопнулись.

Вряд ли кому-то ещё сегодня удастся провернуть подобный фокус. Торговый люд пользовался Зрячей Дверью, расположенной ближе к пристани. Там их видел Глаз Государя, можно было с порога уплатить пошлины, передать сообщение, оставить товар под присмотром. Родичей ленаигелские встречали у ворот, заботливо удерживая двери, чтоб те не поддали по копчику. Мастеровые прикладывали к стене, серой и шершавой, как кость, свои цеховые перстни. У Штиллера тоже был такой. Собственно, так ему и стоило поступить: приложить и войти. Но нельзя же было не испытать судьбу! Постучи, рассказывали люди, и ведьма слегка пробудится от своего смертного сна, и примет решение: позволить пришельцу распоряжаться частью её плоти или отказать.

Чем же ему, новоиспечённому ключнику, удалось заинтересовать Лену Игел? Хорошо, если его не приняли за кого-нибудь другого...

Гость с нервно подёргивающимся ртом, предполагая у себя на лице доброжелательную улыбку, крепко сжал сумку с бесценными инструментами. Он пересёк пустующую в тот день базарную площадь, зашагал вверх по улице, названия которой не запомнил, на ходу превращаясь в жителя столицы. Куда идти прежде всего? На легендарную Треугольную Площадь с дворцами и особняками Островитян? Над косыми, похожими на сцепленные пальцы, крышами их было видно издалека в мягком закатном сиянии. Чудеса древности больше не напоминали пряничные домики: они подавляли, наводили на мысли об окаменевших чудовищах. Хотелось приблизиться к тёмным гигантам медленно, благоговейно, рассмотреть внимательно и представить себе, как эти шедевры зародились и росли. В Подмостье, весёлый квартал над водой, стоило сходить, когда в карманах вновь заведётся плотва: путешествие совершенно истощило запасы наличности, оставалось немного на ужин и сон. «Именно о них стоит позаботиться», – ненавидя сам себя за унылую практичность, решил ключник.

И немедленно оказался в трактире «Слепая рыба». Если не обманывали бродяги в Приводье и в Сухоземе, это местечко само по себе заслуживало статуса столичной достопримечательности. Тут назначали неформальные встречи мастера всевозможных гильдий – как признанных, так и незаконных. Еду подавали недорогую, вкусную и разнообразную. Порой даже редкие дары Вод. Владели таверной Ларс и его невидимая спутница Ребекка. Рассказывали: только засидишься в «Рыбе» – и туда заглянет вор, разоривший вашу фамильную сокровищницу, или незнакомка, навещающая во сне, сбежавший должник или сам Король со свитой. Штиллер, хоть и повидал мир, но в пути почти не поднимал глаз от инструментов, заковыранных замков и редких ключей. А в «Рыбу» зашёл – сам не понял, зачем. За чудом, что ли. Чтобы услышать: «Вот наконец-то и ты!»

Дверь в таверну он попытался распахнуть с самоуверенным видом повидавшего мир бродяги. Но, поборовшись с медной ручкой в виде щучьей головы, сообразил: тянуть, а не толкать – и возник на пороге, скорее, как одержавший нежданную победу.

Перед немногочисленными посетителями предстал молодой приезжий невысокого роста, темноволосый и по-провинциальному коротко стриженный. Его правильные, непримечательные черты лица располагали к доверию – или свидетельствовали о том, что их обладатель сам склонен беспричинно доверять людям. Тёплая потрёпанная куртка без капюшона, штаны без модной вышивки, старые рыбацьи сапоги убеждали, что приезжий вырос на Побережье и привык не к роскоши, а к непритязательному удобству. Впрочем, цеховая сумка на плече – дорожная, серая с зелёным тиснением – позволяла предположить, что плотва в карманах гостя всё-таки водится.

Выдающейся оказалась только улыбка новоприбывшего. Когда и без того широкий рот его безо всякой видимой причины разъехался в стороны, показывая здоровые зубы, весёлые глаза прищурились, на подбородке обозначилась детская ямка – всё круглое лицо гостя выражало замечательное удовольствие. Такие умиротворённые физиономии встречались, кажется, только у старомирских храмовых зверей. «Да и у тебя тоже всё в порядке! Правда-правда!» – убеждала такая улыбка.

Чужака охотно поприветствовали, но приглашать за свой стол не торопились. Такой до неприличия радостный тип мог оказаться и ночеградским мошеником, торговцем шушунами.

Получив ароматную дымящуюся тарелку легендарной ухи, избавляющей от усталости, душевных ран и некоторых проклятий, Штиллер выбрал угловой стол с самым лучшим обзором. И предоставил желудку право знакомиться с чудесами столицы, пока ноги отдыхали под лавкой на брошенном кем-то мешке.

– Что, мастер-ключник, всё Приводье объехал? – Ребекка, невидимая хозяйка, положила рядом с тарелкой ломоть свежего, тёплого хлеба. Рен кивнул, выражая восхищение повару, с опасной для жизни скоростью прихлёбывая суп.

– Так уж не торопись, на вторую тарелку у тебя ни плотвы в кармане, ни места в животе не хватит, – и прохладная призрачная рука хлопнула гостя по плечу. Он вздрогнул, как дурак, и решил, что обидел трактирщицу. Но Ребекка только хмыкнула покровительственно и отошла, сразу забыв о госте.

В «Рыбу», ослепляя золотыми жилетками и самоцветами на сапогах, ввалилась толпа гномов-ювелиров из Города Ночь. Те были, несомненно, старыми знакомыми хозяев и сразу отправились в погреб выбирать вино. На жаровню метнулась вырезка медвервольфа.

Ларс всё это время сидел напротив одной гостьи, как бы невзначай загораживая её от входящих. Рен заметил: на пороге время от времени появлялись посетители, вытягивали шеи, толкали друг друга в бока, мотали головами и даже стряхивали пыль с рукавов, что вроде бы должно умирать мелких бесов. И удалялись, тихонько притворив дверь.

Штиллер ел и пялился на гостью, виновницу всеобщего смятения. Ему вначале подумалось, что они встречались. Но этого, конечно, никак быть не могло.

Судя по вычурному наряду, модной змеиной коже в светлых волосах, дорогим перстням и редкой старомирской внешности без примеси нелюдской крови, дама принадлежала семье Островитян. Да что там, могла быть даже королевой инкогнито, будь его величество женат. Рен, потомственный ключник, ни с кем подобным дел не имел – пока, во-всяком случае. Он ещё сменит замки на Треугольной Площади и в каждой столичной гильдии! Тем не менее что-то в высокомерном, напряжённом лице женщины казалось знакомым и даже родным. Её хотелось обнять, как двоюродную тётку Агниссу. Вдруг гостя выглянула из-за сгорбленной спины трактирщика и подмигнула ему.

– Хей! – позвал насмешливый голос. – Иди сюда, молодой мастер. Погадаю!

– Оставь, Фенна, – услышал Рен мрачный, почти угрожающий ответ хозяина «Рыбы». – Паренёк – явно не тот, кто тебе нужен.

– Ларс, Ла-а-арс!.. – в пронзительном голосе гостя зазвучали гнусные, непристойные интонации портовой гадалки, торгующейся с рыбаками о пророчестве на ночь. – Он может явиться кем угодно. Чем угодно. Он может дюжину дней спать у тебя под лавкой и таскать корки со стола, пока я не замечу.

«Мешок» резко шевельнулся под ногой ключника, так что тот чуть ложку не упустил. Рен аккуратно убрал ногу и ждал удобного момента, чтобы заглянуть под стол.

– Да, да, Фенна, мы, персонал, в неопишемом восторге от твоего дара ясно видеть остатки вчерашнего обеда в кишках! – проворчала невидимая Ребекка, грохнув перед пророчицей пузатой бутылкой вина и блюдом с сыром. Дама и бровью не повела. – А вот гостям не слишком по душе такая пронзительность. Ты, считай, заведение на целую дневную выручку наказала: сегодня сюда никто носу не сунет. И завтра, если я что-нибудь понимаю в ленаигелских выпивохах. Народ надеялся, что тебя лет триста назад парализовало, оттого и новых пророчеств не слышать! А ты тут, здоровёхонька, такая радость.

Триста лет! Штиллер решил, что ослышался.

– Сочтёмся, – качнув змеиными головами в платиновой копне волос, отвечала Фенна. – А ты, вижу, в добром здравии. Извини, нет, не вижу. Но легко прозреваю: о, эти морщины, бородавки на носу, усы, пигментные пятна... Фу, Ребекка, тебе сказочно повезло с невидимостью!

– Спорим, не угадаешь, с какой стороны я тебе по уху? – деловито предложила трактирщица, а «мешок» под столом у Штиллера тихонечко хихикнул. Ключник отсел в сторону, стараясь не привлекать внимания. У того, внизу, были свои, несомненно, благородные мотивы оставаться незамеченным.

Ларс тем временем приподнялся, медленно выпрямился, опершись руками на столешницу. Этого оказалось достаточно, чтобы положить конец сваре. Шарканье туфель Ребекки удалилось за стойку. Послышался стук кастрюль и хруст яблок, нарезаемых для сидра. Фенна тоже замолчала, достала из кошелька некий свёрток, развернула и углубилась в свои таинственные пророческие дела, не забывая крошить сыр и рассеянно отправлять в подведённый кармином рот изящные кусочки. Ларс некоторое время, нависнув над столом, наблюдал за течением перемирия. Не дождавшись драки, он пожал широкими, как у тролля, плечами и отошёл к жаровне, чтобы перевернуть мясо. Рен как раз расправился с ухой, поискал краяху, чтобы и её прикончить, но заметил, что его избавили от этой обязанности. Из-под стола высунулась грязная детская ручка с обгрызенными ногтями, пошуршала около тарелки и пропала. Вот так ясновидение! Штиллер быстро глянул под стол.

Там обнаружилась человеческая девочка лет восьми: тощая, с неопрятной кудлатой косицей, босая и в страннейшем наряде.

2.

В Лена Игел нищих нет, знают все в Приводье. Относительно малоимущие люди встречались Штиллеру в деревнях Еремайе, в рыбацких сёлах, в Нижнем Михине, даже в Амао – городе богатом, драконьей вотчине. Но в столице он поверил бы скорее в лещей, торгующих сушёными гномами. Увязшим в долгах неожиданно доставалось небольшое наследство, сироты находили клады на чердаках, на разорившихся ремесленников сваливались дорогие заказы. Самый ленивый, переходя вброд Подмостье, вынимал из сапога костяную плотву, за которую на базаре давали не менее сотни монет. Домоседы давились золотом, невесть как оказавшимся на дне пивной кружки.

А между тем именно нищей, чудовишно обносившейся девчонка и выглядела. Её вязаное пальтишко сплошь покрывали узелки, стягивающие разорванные нитки. Словно некто отчаялся залатать худую ткань и старался по возможности скрутить торчащую гнилую бахрому, чтоб прикрыть дыры. Мрачное это было зрелище: и жалкое одеяние ребёнка, и весь его потерянный, горестный вид. Казалось, даже если вымыть и переодеть девочку, то стоит отвести от неё на мгновение взгляд – и кожу сама собой покроет грязь, а новое платье зарастёт узелками.

– Эй, – выговорил с трудом Рен, единственный сын своих родителей, не представляющий, как говорят с малышами, – ты прячешься? Или потерялась?

Девчонка помотала косицей туда-сюда и стала копать в узелках, медленно сплетая их в некую сложную конструкцию.

– А что домой не идёшь? Отец с матерью, наверное, ищут, волнуются?

Опять головёнкой покачала. Нет, значит, не ищут.

– Хм... Что это они так? – совсем расстроился Рен. – Есть хочешь? – он подвинул к себе плоску с остатками похлёбки, запустил в неё ложку и обернулся к хозяину «Рыбы». – Эм-м... Ларс! Мне бы ещё бы одну краюху, на доньшке поскрести.

Трактирщик подошёл поближе, вздыхая в ожидании неприятностей, и тоже заглянул под стол.

– А! – удивился он, явно обнаружив совсем не то, что опасался увидеть. – Ненка! Брысь отсюда! Сеструха заругается, что ты сюда одна ходишь. Знаешь, какой народ у меня бывает? А что я матери твоей обещал, помнишь? Давай, хоп-хоп домой, пока я добрый, а то за шкварник вынесу.

Ненка уставилась вверх из-под стола, округлила рот и принялась тоненько всхлипывать, что обещало вскоре перерасти в драматический рёв. Ключник решил, что с него хватит.

– Так, – он ловко, как настоящие мастера достают застрявший в замке обломок ключа, выудил девчонку из укрытия. – Слушай, что будет. Я тебя провожу домой и с сестрой побеседую, чтоб не ругалась. Хлеба тоже прихватим, раз дядя Ларс добрый. – Рен, сам себе удивляясь, свирепо уставился на трактирщика. Тот кивнул, глядя на гостя с недоверием и тревогой.

– Нет! – вдруг заговорила Ненка высоким уверенным голосом. – Не пойду домой! Мерре пропала, как мама с папой. Страшно дома теперь. Там Родигер вонючий сидит! С зубами. А мне узелки уже некуда завязывать! – и малышка, оттолкнув руку Штиллера, опять хмуро полезла под стол.

– Ах, это Родигер. Прекрасно, – едко и обречённо высказался Ларс. – Малышни не пожалел, – и трактирщик отошёл, будто сидящая под столом девчонка его больше не интересовала.

– Ну и что, что Родигер? – сердито поинтересовался Штиллер, ни шушуна не понимавший в местной политике. Ясно, что названный тип – не торговец цветами и пряниками. Но по настоящему серьёзные разбойники, кажется, не имеют дела с бедными маленькими девочками. Что возьмёшь с сиротки?

– Идём, по дороге расскажешь, заодно и покажешь, где живёшь. Не сидеть же тебе в кабаке под столом. Есть у человека дом, значит, там ему и жить! Ты вот – человек или гoblin какой?

Ненка обиженно фыркнула, а в пустоте над ней громко рассмеялась Ребекка. И невидимая трактирщица сунула девочке в руку небольшую единорожью колбаску. Гоблинами в Лена Игел (да и везде) называли оживающие предметы. Случай редкий, но не совсем уж невероятный. По мнению знатоков, происходило это из-за оговорок в заклинаниях, а порой и само по себе, просто так, ни от чего. Если поношенные сапоги стали жаловаться на судьбу, они – гоблины. Назвать этим словом человека – предположить, что он глупая говорящая табуретка.

– Нет, ты умный ребёнок, – авторитетно убеждал Штиллер, снова выживая Ненку из-под стола. – Давай посмотрим, что дядя Штиллер (это я!) сможет сделать с зубастым... Рудигером

или как его. Может, убежит, если я ему свои зубы покажу, – и ключник оскалился грозно, как мог.

Трактирщик уставился на обоих, разинув рот в изумлении, а Фенна уже некоторое время беззвучно колотилась лбом о столешницу, рыдая от смеха. Похоже, дебют Рена в столице имел успех.

Чтобы открыть мастерскую, у Рена попросту не хватало плотвы. Тех самых монеток из черепов ночеградских рыб – платёжного средства по всему населённому Новомиру. В Михине у ключника имелись кое-какие сбережения, в основном, в «глазках». Но те после неурожаев в Невере и отмены еремайской ярмарки катастрофически обесценились. Мастер Смо Риште, «Отворяющий Пути», как старик сам себя с чудовищным пафосом приказывал величать, предложил земляку решение этой типичной для молодого специалиста проблемы.

Глава Гильдии Ключников принял Штиллера у себя дома в Михине. «В столице, как стало известно, пропадают люди, – Смо послал неопытному коллеге многозначительный взгляд. – А значит, остаётся много пустых домов. Понимаешь, в чём опасность неправильно запертого жилья?» Рен сперва обиделся, как ребёнок: за идиота его держат, что ли? А потом осознал невысказанную часть Задания. «Эти дома надлежит запереть, как следует! – приказал Смо. – Причём ещё до холодов. Зимой из подвала лезет такое, с каким мне и самому встречаться желания нет». Риште носил накладную бороду и был напыщенным, толстым гномом. Но при всём этом – непревзойдённым Мастером. Вроде бы именно он в начальные времена запечатал Новомир, сотворённый Вёллем Маленьким, – да так, что ни трещины, ни шва. Как миры запечатываются, Рен ни малейшего понятия не имел. А потому учтиво поклонился и поклялся успеть до морозов. Вознаграждение обещало быть королевским.

И вот пожалуйста, прямо с порога Штиллеру подвернулся заброшенный дом. Потенциально заброшенный. В нём Рудигер сидит. С зубами. «Не нравятся мне они, – размышлял ключник, отсчитывая плотву в кармане, чтоб не позориться, выкладывая мелочь на стол. – Особенности такие зубы. С другой стороны: и что? Не хвост, не рога». И Штиллер, будто бы спасать сироток было для него делом привычным, подхватил сумку с инструментом, махнул Ненке, мол, «за мной!» – и двинулся к выходу.

– Погоди, парень... Он же нездешний, что вы, как язык проглотили! – раздался у него над ухом напряжённый голос Ребекки. – Стой, как тебя...

– Рен Штиллер, – ответил ключник с наигранной беззаботностью. Девочка крутилась сбоку, мотая узелками. Ноги у неё мёрзнут, наверное. Первым делом, как войдём в дом, обувь какую-нибудь поискать.

– Тебе совсем не интересно, кто такой Родигер? – с расстановкой, пытаясь поймать взгляд гостя, уточнил Ларс. Рен чуть не задал вопрос, которого от него ожидали. Но запрет на сбор избыточной информации, один из основных законов ремесла, остановил его.

– Пока не слишком, – соврал Штиллер. – Отведу девочку домой, вернусь – и побеседуем о нём. Не найдётся ли у вас комнаты на первое время? Скажем, на месяц?

Ларс обернулся к пророчице. Фенна, подчёркнуто не обращая внимания, склонилась над расписным свёртком. Осторожные, неуверенные движения её пальцев напомнили Штиллеру древнюю бабку-вязальщицу, мамину тётку. Вдруг он поверил, что гадалке в самом деле триста лет. Трактирщик кивнул и пошёл прочь, подхватил и спас подгорающее мясо. Из погреба шумно повалили повеселевшие гномы, в воздухе замелькали кружки, ножи и дымящиеся блюда. Сквозь поднявшийся гам Рен услышал обращённое к нему бормотание трактирщика:

– Заходи-заходи, парень! Если сегодня до полуночи явишься, будет тебе постель, горячая вода по утрам, завтрак – всё за три плотвы в сутки.

– Подойдёт, – степенно ответил Рен, мысленно переводя столичную плотву на привычные еремайские глазки. – Разрешите, я оставлю тут сумку с инструментами?

– Я за нею присмотрю, – руки вездесущей Ребекки забрали оттягивающую плечо дорожную торбу. Та воспарила над лестницей за стойкой и пропала. Ларс проводил сумку взглядом и буркнул загадочно:

– Может, и правда, он.

Ответа ясновидящей ключник ждать не стал. Он подтолкнул девочку к двери (гнусные узелки оцарапали ладонь), и оба торопливо выскочили из «Рыбы», словно копчёные лещи за ними гнались. Штиллер, к сожалению, успел услышать Ребеккино: «До весны предлагаю приберечь вещички, а потом можно и на Мокрую Ярмарку отвезти».

3.

– Веди! – бодро приказал Рен малышке.

Та увлечённо схватила ключника за палец и потащила вверх по узкой улице. Штиллер вертел головой, пытаясь рассмотреть на бегу удивительную, ни на что не похожую архитектуру города мёртвой ведьмы. Древняя чародейка Лена Игел была, говорят, задолго до своей метаморфозы больна или безумна. И теперь неустанно следила за порядком – на свой причудливый лад.

Дома не требовали ремонта, каналы очищались, народ послушных крыс контролировал рождаемость (хотелось бы надеяться, только свою). Вьюнки, оплетающие стены, благоухали и цвели с ранней весны до холодов буйно, роскошно, как больше нигде в Приводье. Кое-где, правда, попадались зыбучие травы, ядовитые фонтаны и дома-хищники, в сумерках прячущиеся под мостовую. Но внимательному, осторожному путешественнику легко было распознать подобные детские ловушки.

Штиллер причислял себя к осторожным и внимательным.

Нужно заметить, что покойная Лена о комфорте и безопасности имела особенное представление... а может, забыла о таких мелочах с тех пор, как умерла. Поэтому от воров и разбойников город охраняла гвардия, боевые маги. Конечно, королевское войско занималось в первую очередь серьёзными несчастьями вроде нападений запретноводных чудовищ на рыбацкий квартал. Или «сапфировой чумой» – проклятьем, разоряющим столичных ювелиров. О личной безопасности горожанам приходилось заботиться самостоятельно. Штиллер и Ненка взбирались по улицам и каменным ступеням выше и выше. Физиономии прохожих нравились ключнику всё меньше.

То и дело мимо, обдавая непереносимым духом чеснока и солянки, расхаживали железнодорожные тролли, аж по двое в ряд, так что приходилось вжиматься в стенку, чтобы не быть раздавленным и не перемазаться. Вскоре Штиллеру стало казаться, что он из цемента, носит рога и работает машинистом. В Михине тролли получали редуцирующий амулет сразу на воротах, и Рен считал это правильным. Данью уважения к местным жителям. Если бы он, например, получил приглашение в Депо, тайное троллье поселение, то загодя обзавёлся бы увеличительными чарами. Не потому, что боялся бы остаться незамеченным, а из вежливости.

Ещё хуже были коты. Штиллер слышал о кошачьей интервенции в Лена Игел, но масштабов «котострофы» себе не представлял. Купцы из столицы жаловались на хулиганских зверей-телепатов, плюющих на приличия со своего маленького роста. Но Рену нравились пушистые мохнолапы. Теперь же с ним то и дело сталкивались, почти сбивая с ног, вместо извинений вызывающе поблёскивая глазами, поджарые, гладкие (бритье?) котяры. Некоторые – с медальонами, перехватывающими тощее пузо. Выкрашенные оранжевым, а то и ядовито-зелёным. Складывалось впечатление, что коты нарочно кидались под ноги, стоило подумать об их дикой несуразности. Несколько раз Штиллера и Ненку разъединяли. Наконец малышка отпустила руку ключника и бежала впереди, подпрыгивая и почти не оглядываясь.

Обычные ленаигелские жители на глаза попадались тоже. Но из-за странной моды на плащи принцев-вампиров из Города Ночь не очень-то располагали к доверию. Порой мимо

прошмыгивал целитель в аккуратной зелёной мантии и традиционной старомирской шапочке-коробочке. Взгляд отдыхал на нём: похоже, везде, даже во Внешнем Пустоземе, доктора и их помощники выглядят именно так.

Но больше всего поражали не постройки или горожане, а яблони. Штиллер ни разу прежде не встречал этих редких растений и полагал, что им в Новомире выжить не удалось.

И вдруг увидел, проходя мимо, и не поверил глазам. Но отмечал их по пути, вспоминал описания, картинки, рассказы матери и постепенно убеждался: да, это старомирские яблони. На каждом углу. Рассказать в Михине – в нос харкнут и брехуном погонять до старости будут. Яркие спелые плоды назывались «яблонки». Надо обязательно рассмотреть поближе. Интересно, их разрешается рвать и есть?

Рен с трудом вспомнил о своей миссии, отвернулся от удивительного дерева и понял, что потерял свою спутницу. Он встревоженно перешёл на неловкий галоп и сразу заметил Ненку. Вокруг девчушки столпились какие-то безликие серые тени, но прикоснувшись к узелкам, отпрянули и сгнули в переулке.

– Далеко ещё? – спросил ключник, подходя и позорно отдуваясь. Крутые улицы напоминали о невыполненном обещании отцу. А именно: не реже раза в двое суток тренироваться в фехтовании.

– Не-а, недалеко, – буркнула Ненка, вытянула шею в направлении переулка, но тот уже опустел. Девочка ухмыльнулась с гордостью победителя ночных кошмаров. – Тут, за углом.

– Ты... три поворота назад... говорила... «за углом», – Рен остановился у статуи каменного вепря с топориком в боку, отдыхая на ступеньках чьей-то лавки. Ага, тут жил мясник. Ныне дом пустовал. Лавка была заперта «неправильно».

Ненка ждала, ковыряя мостовую голый пяткой, потом подошла поближе. Она не запыхалась и успела сплести из шести мелких узелков на подоле один, но массивный, напоминающий корабельный канат.

– Это кто были такие? – спросил Рен, мотнув подбородком в направлении переулка. Девочка пожала плечами и не ответила, только улыбнулась и высунула небольшой розовый язык лопаточкой в универсальном жесте презрения.

– Расскажи про сестру, про родителей. Куда все подевались? – попросил Штиллер, покопался по карманам и сообразил, что оставил фляжку с водой в сумке.

Ненка вздохнула, присела на ступеньку.

– Мерре недавно пропала, а мама с папой – давно. Они садовники были. У нас и сейчас очень красивый сад и самые вкусные яблочки. Мерре их продаёт... продавала, пока мы родителей ждали. А потом в саду из ямы полезло страшное, чёрное, – девочка вздрогнула и снова взялась за узелки. Рен, не раздумывая, накрыл её ладошку своей и остановил это бесконечное чудовищное рукоделие.

– Тут пришёл Родигер, – продолжила Ненка, вздыхая, как пожилая гномка над сыном, подавшимся в бродячие актёры, – порычал на эту страховину в яме, она и спряталась. Мерре его благодарила, благодарила! Яблочный пирог испекла. А куда ему пирог? В ухо?! – и Ненка ткнула пальцем в крепко стиснутые губы.

Штиллер хихикнул от неожиданности, но малышка оставалась не по возрасту серьёзной.

– Мы его потом сами съели.

– Родигера?

– Нет, пирог. Ты смешной, – произнесла девочка строго. – Это Родигер показал, как узелки вязать.

– Зачем? – поморщился Штиллер, хрустя плечами поочередно.

– Чтоб ничего не случилось! – нетерпеливо объявила Ненка. – Ничегошеньки-чего. Ни проклятий, ни злых чудищ, ни чёрного рогатого из ямищи.

– Хм. И помогает? – скептически уточнил Рен, увлекаемый вверх по улице.

Та вскоре закончилась тупиком, красивым двухэтажным домом из винно-красного камня. Такой редко встретишь в бледно-серой столице, городе оттенка обескровленной плоти. Ключник лишь скользнул глазами по широкой окованной двери. Он убеждал упрямую Ненку:

– Уже столько всего случилось! Мерре пропала, в дом страшно заходить, из ямы, небось, снова что-то лезет, так? – Девочка кивнула. Штиллер вдруг заметил, что они больше никуда не идут.

– Это что тут такое? А? Никакого сада с яблонками и чудищами не видать. Ты меня куда привела, мелочь?

– К наёмникам, – Ненка показала цеховой знак на арке. Гильдия выбрала простой и понятный символ: плотву в лучах солнечного света. – Может, Бретта дома. Возьмём её с собой. Она нам в саду помогала, пока её в учение не взяли. Теперь палочками острыми швыряется.

Поддержка наёмницы могла оказаться не лишней.

– В учение, говоришь? Сколько лет твоей Бретте? Двенадцать?

– Больше! – гордо заявила Ненка и тихонько стукнула кольцом в медную пластину. Звук толком и не получилось, но устройство снабдили, вероятно, дополнительным алармом. Дверь сразу распахнулась, как от тролльего пинка.

4.

– Приветствую вас, милостивые государи мои, на пороге прославленной Гильдии Наёмников!

Штиллер ошарашенно молчал, его спутница тоже. Из проёма глядел субъект пожилой, толстенький, невысокий, пёстро и многослойно одетый, похожий на безумную рыбу, а не на боевого мага. Кроме того, этот тип вещал! Не разговаривал, как люди, а именно декламировал. Оставалось изо всех сил надеяться, что всё это шутка.

– Вы пришли, несомненно, чтобы встретить удивительного мастера Ю! Нет, нет! – это была реплика Штиллера, но тот упустил возможность произнести её. – Увидеть мудреца не так просто! Сначала ответьте на вопрос. Вчера я купил на базаре хрюня: продавец клялся, что тот говорящий и способен повторить всё, что услышит. Но когда я принёс животное домой, тот не вымолвил ни слова и только почёсывался, хоть ему кричи, хоть песни пой. Против обманщиков у нас закон суров, поэтому потащил я хрюня назад на базар. Только плотву мне за него не вернули, потому что обмана никакого не было. Как это возможно, друзья мои?

Штиллер и сам не верил, что тратит время на подобную ерунду. Он скептически встретил торжествующий взгляд привратника.

– Хрюнь был глухой?

– Bravo! – заорал толстяк. – Милости прошу! – и чуточку посторонился. Неуёмный восторг сиял на пухлой, розовой, скверно выбритой физиономии. Даже жаль было разочаровать его.

– Нам бы Бретту. С Бреттой поговорить. Можно?

– Давайте попробуем, тогда и узнаем! – воодушевлённо предложил наёмник. – Бретта – это я, – привратник шагнул вперёд и обернулся юной светловолосой стриженной девушкой с агрессивным веснушчатый личиком. Дикий многослойный наряд остался неизменным. Штиллер сразу преисполнился уверенности, что, во-первых, завернись Бретта хоть в луковую шелуху, то и тогда смотрелась бы неотразимо. А во-вторых, пояись она сразу без маскировки, ключник бы с ней определённо не заговорил.

Он припомнил, как нежности юных соседок чуть не испортили его репутацию отпрыска почтенного михинского семейства. Но для Рена и девчонок это представляло собой, скорее, восхитительную игру, и он охотно тратил личную магию, чтобы ни одну из них не сделать

несчастной. Потом, в путешествии, ночеградки требовали непонятных вещей: ему следовало походить на вампира и дарить им гномьи диковинки. Еремайки подходящего возраста были поголовно замужними. Иногда статус подмастерья в пути, голодного и благодарного чужака, дарил Рену несколько случайных, ярких встреч. Он даже примерно представлял себе свою будущую супругу: милую, хозяйственную, надёжную. Разумеется, Штиллер слышал и других, необычных дамах. О буролесских чародейках-охотницах, об одиноких демоницах Пустозема, поедающих память и молодость путешественников. О тех, кого компетентные люди не советовали подпускать ближе арбалетного выстрела.

Опасность Бретты была иного рода. Ключник с изумлением понял, что если наёмница потребует, чтобы он дал по уху Королю... придётся подчиниться.

– Бретта! – Ненка с восторгом обхватила наёмницу, почти полностью скрывшись в ворохе юбок и шалей. – Вот, он идёт маму-папу искать. И Мерре! Родигера из сада гнать. Пошли с нами!

– Я... – ключник лишился языка, услышав весь план Ненки целиком.

– Смело! – произнесла Бретта с уважением, и Рен решил разубедить её попозже. – Я-то, конечно, схожу посмотреть на эту великую битву. Может, даже поучаствовать, как пойдёт. Не могу отказать, когда зовут порезвиться! И знаю, что мне простят, если кому из Островитян горшок злоязычных лилий у ворот переверну. Но больше никто мешаться не станет, у наших с некромантами нейтралитет.

– Ладно, – а что ещё тут скажешь? По всему Приводью к цеху могильщиков относились именно так: избегая любых контактов. – Родигер – он тоже некромант?

– Тоже? – наёмница округлила свои зелёные, как весенний лист, глаза. – Он не «тоже», а «Тот Самый Некромант». Понимаешь? Или из Михина приехал?

Это было чересчур.

– Именно. Оттуда. Пошли, Ненка. Закончим с этим делом поскорее, у меня были кое-какие планы на сегодняшний вечер, – объявил Рен и отвернулся от наёмницы. Мастеру-ключнику не подобает выслушивать оскорбления от подмастерьев-головорезов, будь они даже симпатичными девчонками. А если она продолжит в том же духе, он, возможно, успеет наложить на её ротик «Печать Тет», и Бретта заговорит в следующий раз аж в будущем году. А не успеет, то получит дротик в глаз. Но обязательно попробует...

– Извини, – Бретта вдруг качнулась вперёд, оказалась совсем близко, разноцветные лоскутки и крошечные платочки обнаружили даже в волосах девушки. Он застыл, пока не понимая смысла этого манёвра, а наёмница закинула тонкую мускулистую руку ему за шею и быстро чмокнула Штиллера куда-то между носом и правым глазом. Ключник сразу простил всё сказанное – и то, что она наговорит в ближайшие пятьдесят лет.

– Идём! Тебя как звать? – наваждение закончилось. Бретта обернулась, затворяя за собой дверь и придиричиво разглядывая тучи над крышей гильдии, обещающие вскоре пролиться дождём.

– Меня? Ре... Рен Штиллер.

– Встречала я одного Штиллера, он в Амао переводчиком с драконьего работал при дворе. Не родня?

– Нет, наверное, нет. Мы все ключники михинские, потомственные, аж со времён Вёлля Маленького.

– Надо же, – удивилась Бретта неодобрительно. – Взломщики, что ли?

Штиллер хохотнул.

– Нет, не воры. Мы двери открываем, если ключи потеряны. И если двери нет, а войти обязательно нужно.

Девчонки заспешили вниз по улице. Штиллер последовал за ними.

– Как это – если двери нет? – полюбопытствовала Ненка.

– Ну... нарисуешь мне дверь на камне – я её открою. Сможешь войти. Тут, конечно, имеется много всяких «если».

– Конечно-конечно, – ехидно заметила Бретта, не сбавляя шагу, – маленькие шустренькие «если», помогающие ключнику от работы уваливать?

– Вроде того, – не желая углубляться в тайны мастерства, уступил Штиллер. Специально провоцирует, что ли? Неужто он ей тоже понравился? – А ещё мы, конечно, запираем двери.

– От сквозняков?

Ах ты ж, лещ-косорот!

– Именно так. И от нечисти голодной, злой, что в пустых домах заводится.

– Узелки на замках завязываешь? – тоненьким испуганным голосом уточнила Ненка.

– Почему... а, узелки! – вспомнил Рен, бросив взгляд на изуродованную одежду. – Нет, мы, ключники, больше словом и железом работаем, иногда камешками, инструментами подходящими. В эти верёвки колючие я, если честно, не верю.

– А Мерре верит. Знаешь, они по правде немножечко помогают, эти узелочки, – Ненка солидно покивала. – Как мама с папой пропали, Мерре всего-всего боялась. Как ветер в окошко стукнет, как шушун под печкой загремит – аж под одеяло забивалась и днями не вылезала. И меня из дому не выпускала. А когда я заболела той весной – сильно болела, есть не могла, а соседи все посъехали, некому помочь, надо лекаря звать, так Мерре весь день у дверей простояла, так и не смогла меня оставить.

Всё это девочка выговорила на одном дыхании, ровно, словно рассказывая о повседневных вещах, вроде непогоды или котов. Штиллер постепенно погружался в чужую страшную сказку, какие охотно слушаешь поздним вечером у камина, зная, что всё закончится хорошо.

– Боялась, – объяснила Ненка, – что вернётся, а меня нет. И не было никогда. А как Родигер научил узелки вязать, всё полегче стало. Мерре снова стала яблоки продавать. Не «яблонки», а я-бло-ки, понял? Мы хоть хлеба поели.

Они свернули в переулочек, потом в другой, пробираясь между пустыми, нехорошими домами со слепыми и тёмными окнами, мимо которых даже идти было неприятно. Ни следа не отпечаталось в пыли на пороге, и всё же внутри слышались шорохи и шаги больших существ. Оттуда, из темноты, выглядывали опасные, злые, голодные глаза. Поэтому Рен с малышкой и наёмницей незаметно для самих себя всё ускоряли шаг и уже почти бежали по извилистым переулкам. Совсем перестали встречаться люди, редкие коты проскальзывали мимо, как тени. То и дело приходилось нырять под арки, в полную темноту. Но на той стороне возникал то кусок вечернего неба в рваных тучах, то заботливо привязанная к забору деревянная лошадка, то бесшумный фонтан с чистой водой – маленькие чудеса, помогающие идти вперёд. Пройденный путь становился всё длинней, поворот назад – всё бессмысленней.

Потом Штиллер поймал себя на мысли, что приключение вполне может оказаться ловушкой. Этакой примитивной, сделанной своими руками, из начального курса обучения ключников. Ловушкой, в которую лезешь сам, чтобы проверить, сможешь ли освободиться. Желудок михинца заблудился и мучительно искал выход наружу где-то между лопатками.

«С узелками как раз понятно, это довольно простой фокус, – думал он. – Рыбаки не ходят в море при полной луне, не то Бледная Дева позовёт на дно. Повитухи расплетают женщинам косы, чтоб роды были несложными. Погонщики бугоев, болотных демонов, ни в коем случае не станут использовать в присутствии всего стада слов на букву „О“. Все эти меры предосторожности побеждают страх, но не его причину. Если пренебречь ими, люди будут уверены, что сделали недостаточно, чтобы победить силы зла. Узелки – это местный некротанский фольклор».

– Кхм, рано темнеет здесь! – нарушил молчание Рен нарочито невозмутимо, хоть голос и подвёл его в начале фразы.

«Темнеет» Бретта услышала и обернулась укоризненно: что шумишь? Неподвижные дома и угрожающе замершие яблони, несмотря на раннюю осень уже лишённые листья, казалось, прислушивались и готовились к расправе, ждали подходящего момента, чтобы... Рен понятия не имел, чего ждать от порождений мёртвой ведьмы.

– Пришли, – прошептала Ненка.

5.

Впереди чернел высокий редкий забор с аркой без ворот. В ней виднелся скупо освещённый огромный, дичающий, очень старый сад. Яблони одного сорта и роста, похожие, как сёстры, соседствовали с клёнами, дубами, вишнями и другими старомирскими деревьями. Ствол примерно каждого десятого, зачарованный, светился в сумерках. Прямо за входом стоял невысокий дом, сараюшка, слишком маленький для людской семьи с детьми. Садовники бывали порой настоящими одержимыми, не нуждающимися вообще ни в каком людском жилье. Широкий старый пенёк вполне мог служить им постелью. Профессиональное чудачество! Ключникам не составляло труда в пути переночевать в собственной торбе, а рыбаки Запретных вод нередко отдыхали под водой. Ничего особенного.

Внутри обнаружилась крошечная комната с очагом, столом, стульями и постелью. Был виден проход в другую, ещё меньшую – кладовку, полную одеял и самодельных кукол. Где родители хранили свои запасы, утварь и одежду? Вероятно, на деревьях. «Жили непонятно как. А потом сбежали и детей бросили», – рассердился на незнакомых садовников Рен, осознавая, что, скорее всего, не прав.

– Где же этот тип с зубами? – спросил он, раздумывая, какой из мелких карманных инструментов мог бы в случае чего послужить оружием. Сама мысль о том, что придётся кого-либо протыкать, скажем, серебряной отмычкой Рей-Мо из Города Ночь, казалась нелепой, кощунственной.

– Не знаю. Ушёл, что ли? – пожала плечами Ненка.

Бретта прошла по комнате, прикасаясь к светильникам. Те уютно замерцали. На столе обнаружилась горка великолепных яблок – крупных, глянцевых, краснобоких, без единого пятнышка. Каждый схватил себе по паре и захрустел. Рен блаженно ухмыльнулся: старая дохлая колдунья Лена просто не смогла бы сотворить такое совершенство. Это было, наверное, личное волшебство Ненкиной семьи.

– У папы с мамой тоже из ямы что-то лезло? – любопытствовал ключник.

– Нет! – сердито фыркнула малышка. – И ничего не полезло бы, если бы они не пропали.

– Если б да кабы во рту выросли... – начала Бретта насмешливо.

– Гробы, – мрачно закончила Ненка. – Так Родигер говорит.

– Весёлый он дядька, я сразу заметил, – Штиллер присел за стол и стал катать яблоко из ладони в ладонь. Ему казалось, что эти волшебные кругляши способны на большее, чем просто быть съеденными, нужно просто испытать их. – Знаешь, насколько я могу судить, если это ваше пугало Родигер хоть что-то говорит, значит, с ним можно беседовать, Спорить, вразумлять. Истинно страшные вещи бьют без предупреждения, с ними перемирия не заключишь.

– Например? – уточнила Бретта.

– Скажем, шизофрения, – на Штиллера уставилось две пары изумлённых глаз, – или оомекский наоборотец. Испугаться наоборотца – нормально.

– Бояться глупо! – безапелляционно объявила наёмница. – Действовать надо. Бить. Или убегать. И возвращаться в хорошей компании.

– Да я не про такое. Возьмём шушунов...

– Буэ, шушуны, не надо мне, бери сам! – Бретта торопливо смахнула воображаемую пыль с рукавов, как делали суеверные прачки, отгоняющие призрачных рыб.

Ненка захихикала.

– Грязная мелочь, – наёмница вздрогнула и подобрала ноги в мягких сапожках, добротных, но знавших лучшие времена.

– Ага, – улыбнулся и Рен, – моя бабка никогда бы не заснула в доме, где завелись шушуны. Они, говорят, переносят чесотку. Увидеть шушуна вечером – к неудаче в игре, а поутру – к зубной боли...

– Шушуны съедят твои сны, – вспомнила Ненка.

– Точно! Они, говорят, ещё пьют кровь новорожденных, высасывая её из пяток, – он заметил, что Ненка закивала: тоже слышала. – Поэтому детям пеленают ножки. Шушуны омерзительны, этикие куколочки без глаз. А на самом деле эти малыши совершенно безвредны, «видят» всей кожей гораздо лучше нас. Мне, например, смешон и тот, кто при виде шушуна визжит да на стол лезет, и тот, кто за ними с метлой гоняется. А ты как, Бретта, бьёшь али за подмогой бежишь?

Бретта сумрачно повела носом, послала загадочный взгляд, означавший, видимо: «Стань шушуном – узнаешь».

– Тебе проще, ты превращаться умеешь, – вспомнил Рен толстяка и глухого хрюня. – Как ты это делаешь, кстати? Или от рождения полиморф?

– Сам полимор. Кто такой вообще? – девушка вгрызлась в яблоко.

Штиллер наблюдал, как она расправляется с глянцевым бочком и был счастлив непонятно отчего.

– Меняющий внешность, перевёртыш, – пояснил он.

– Нет, – помогала головой наёмница, – это всё гостевые ворота Гильдии. Они заколдованы так, чтобы не узнать, с кем говоришь. А, ясно, ты думал, я превращусь в бугоя или в Морскую Змею и всех спасу? Хе-хе... Твоя очередь. Рассказывай, зачем ты-то ввязался в это пропащее дело? Я, например, сестрёнки её, Мерре, лучшая подруга, родители их меня подкармливали, когда... Когда голодная была. А ты тут какой выгоды ищешь? По-ключниковски тебе разумнее было бы оставить всё, как есть. Дом с жильцами не запрёшь, за него тебе не заплатят, правду говорю?

– Не заплатят, точно, – Рен потёр лоб. – Что же теперь делать? Придётся, видимо, обойтись без вознаграждения и лечь спать голодным.

«Почему я здесь, в опасном соседстве с чудовищем из ямы? Как вообще люди принимают решения, что делать дальше?..»

Разумный человек остался бы, вероятно, в трактире, разведал обстановку, выяснил, кто в столице профессионально спасает сироток... Храм Морской Змеи, наверное. Наградили бы ещё за духовные заслуги. Брось, ты же прекрасно понимаешь, что не смог бы оставить дитя сидеть под столом. Нельзя жить дальше после этого. Так что ты просто позаботился, чтобы не пришлось возвращаться к столу и доставать из-под него малышку. Позже её там, чего доброго, не оказалось бы. Ничего ужаснее и придумать невозможно. Этот стол будет следовать за тобой неосяземо всю жизнь. В виде персонального призрака на четырёх дубовых ножках».

Объяснить эту мысль было непросто, и ключник промолчал. Бретта пожала плечами.

– Дело твоё. Держи при себе свои секреты. Обычно и мне чужие дела побоку, просто хочется примерно себе представить, насколько далеко ты планируешь пойти, чтобы вот этой девочке помочь.

– Понятия не имею, – признался Штиллер.

– Честный, – выдохнула Бретта. – Буду иметь в виду. Ненка, где у вас чайник? Чаю заварим, что-то у вас изо всех углов дует.

– Осень, – посетовала Ненка. Казалось, она сейчас пожалуется на ревматизм и ломоту в пояснице. – А чай мы в саду заваривали с мамой, на костре в яме. Мы там всё варили: суп грибной, картоху, мама такие корешки из земли вызывала – м-м, вкуснота! А теперь в этой яме уже ничего хорошего нету. Провалилась, и чайник туда, и кастрюли. Всякое страшное, чёрное, рогатое оттуда смотрит, даже днём. Мы с тех пор, как одни остались, ни разу даже горячего не варили.

– Как же родители пропали? – снова спросил Штиллер. История садовников казалась ему почему-то очень важной. Он больше не оглядывался на крошечное тёмное окошко и не думал, как ночь незаметно подползает к порогу. Тепло садовничьего дома, свет и ответственность за сидящих напротив девочек позволяли чувствовать себя необъяснимо сильным и спокойным.

– Могу и рассказать, – предложила Бретта. – Я сама тоже приезжая, из Еремайе. Но здешние говорят, этот сад был вдвое меньше до того, как садовники тут поселились. А потом яблони пришли следом, аж из самого Буролесья. Констант давал мне почитать... Ты читать умеешь? Не обижайся, откуда мне знать-то? И хорошо, что умеешь! Обязательно зайди в лавку «Книга Судьбы», там демон сидит... Увидишь! Так вот: я читала, что яблони в наших краях не бывают, потому что здесь чёл нет.

– Каких чёл?

– Чёлы, Рен, это такое маленькое летающее шушуньё. Наши чародеи их истребили, а за Бурым Лесом чёл разводят, там и яблонь хватает. Чёлы с дерева на дерево летают, превращают весенние цветы в яблоки. А родители Ненки с деревьями договорились и без чёл. Как те заплодоносили, остались столичные лекари без работы. Тех, кто по дороге домой срывал себе яблочко на ужин, никакая хворь не брала. Царапины и даже укусы вурдалачьи заживали в считанные часы. Урожай стали продавать в Невер и дальше по Приводью. Речной народ выменивал яблоки на потерянные под водой драгоценности. У твоих папы с мамой, Ненка, был бы сейчас самый богатый дом в столице, единорожий выезд и бригада помощников-троллей, если бы им вдруг не приспичило на Остров.

Рен вздохнул. Он уже догадался.

7.

Все серьёзные волшебники (и немало обычного любопытного народа) рано или поздно предпринимали попытку пересечь Воды и попасть на Остров. Обычно это заканчивалось фатально.

Остров – кусок суши где-то посреди Запретных Вод. Бытовало мнение, что там находилась то ли Школа высшего волшебства, то ли дом великих учителей Древности, эффекты от заклинаний которых воспринимались как буйство стихий или естественный ход вещей. Смерть, смена времён года, эпидемии, пожары, заболачивание водоёмов, нашествие неведомых существ и тому подобное являлось результатом взаимодействия или противоборства этих невообразимо могущественных созданий, островитян. Ещё рассказывали, что за водяной преградой бьёт некий Источник Магии, питающий чудеса. И если лично напиться из него, то... произойдут драматические перемены. От исполнения желаний до превращения в чудовище.

Врали, наверняка.

Беда в том, что Запретные Воды не пересечь на обычной лодке. И даже на необычной. Всё, что держится на воде, будь то пловец, предмет, шальная мысль, идёт ко дну примерно на расстоянии шести-семи тысяч гномьих прыжков от берега. Граница невидима, но ощутима. Чтобы понять, как она действует, каждый житель Приводья хоть раз в жизни да заплывал в «опасный» предел. Кое-кто из рискованных пловцов так и не вернулся, чтобы собрать лавры восхищения от сверстников и предостеречь младших братьев. Оставшиеся на берегу вырастали, становились опытными, скажем, ключниками. И со временем привыкали избегать всяческой сырости. Но и потом конструировали подзорные трубы, заглядывали в них всё дальше

и дальше. Видели нечто похожее на таинственные башни в рассветном тумане. Вечерами наблюдатели рыдали в кабаке и клялись, что Остров – просто миф. Жрицы Храма Морской Змеи утверждали, что это – иносказание, воплощение людских несбыточных мечтаний о всемогуществе и бессмертии. «Островитянами» называли себя богатые и влиятельные семьи. Король назначал щедрые награды за постройку моста хотя бы на шаг за пределы Запрета.

Конечно, мосты возводили. Сотни нелепых конструкций украшали, точнее, уродовали гавани и дикие берега. Некоторые причудливые сооружения облюбовали парочки для романтических прогулок и признаний над бездной. Распадающиеся навесы пришлось сломать: они угрожали обрушиться и потопить рыбацкие лодки. То и дело с холмов стартовали дирижабли, планеры, а также самоуверенные летуны безо всякого снаряжения. Тех, кто благоразумно снижал скорость перед невидимой границей, успевали вытащить из воды. Маленького Штиллера больше интересовали попытки подкопов. Оказалось, все подземные тоннели, достигнув определённой длины, обрушивались и наполнялись водой.

Тем не менее, кое-кто побывал на Острове. Например, книготорговец по имени Констант Понедельник. Тому, правда, недоставало репутации человека честного. Главным образом, потому, что Понедельник человеком не был. Остров на его демоническом языке мог оказаться чем угодно.

Родители Ненки и Мерре решили попытать счастья на свой садовнический лад.

– Они уговаривали деревья расти в Запретных Водах всё дальше и дальше от берега. С холма Лиода видно пару-тройку обломанных стволов, там пару лет назад ещё росла целая роща, – рассказывала Бретта. – Садовники поселились в древесных стволах на самой границе, заманивали растения всё дальше и дальше в глубину. Говорят, сам Король в лодке подплывал поближе, уговаривал обоих бросить эту безнадёжную и опасную ерунду, рассказывал про неудачные попытки пересечь воды в чреве китов и левиафанов. О детях напоминал... Одним грустным утром был шторм. Большинство деревьев вырвало с корнем и смыло, их вылавливали аж до Еремайе.

Супругов не нашли.

– Я люблю этот сад, – прозвучал незнакомый голос, пугающе-гулкий, нелюдской. – Деревья в нём обезумели, чёрные монстры лезут из-под земли. Великолепный рабочий кабинет для одинокого старого гробокопателя.

Рассказчица умолкла, будто ей заткнули рот.

На пороге стоял Родигер. Некромант не представился, но то, каким он был, как вёл себя, а главное, чудовищный, непереносимый запах гнилого мяса и разрытой земли, вонь, от которой слезились глаза, к горлу подкатывало и волоски на коже вставали дыбом, – всё это не оставляло места для сомнений.

8.

Родигер оказался совсем не стариком, а мужчиной средних лет с телосложением бойца, с пронизательным взглядом и ровной, вроде как сросшейся полоской неподвижного рта. «Говорил» он, как вся высшая нежить, с помощью «отдельной акустики», облекая мысль в колебания желаемого тембра и направляя их непосредственно в уши собеседников. Так речь некромантов получалась натуральнее и «живее», чем, например, у котов-телепатов. Рен тоже так умел, выучился ради развлечения, но пользоваться не любил. Мышечный спазм при этом ощущался в висках и нижней челюсти.

Ключник поймал себя на том, что не никак не испугается по-настоящему. Страх отделился от него и свернулся ручным зверьком где-то кармане.

– Не слишком хороший план, господин Родигер, если позволите мне высказаться, – ответил Штиллер некроманту благодушно, с видом знатока, отдавая себе отчёт, как нелепо это выглядит.

– Прошу, прошу, прямо-таки настаиваю, – подыграл тот.

Бретта, уже вскочившая с места, стоящая на одной ноге и сжимающая невесть откуда возникший букет высохших цветов в кулаке, покачнулась и плюхнулась обратно на стул. Глаза – размером с суповые тарелки в «Слепой рыбе».

– Я слышал в путешествиях, что некроманты не злодеи, а, скорее, художники по мёртвой натуре, как Виллем Хе... то есть... – Рен прикусил язык.

– Виллем Хеда, хотели сказать. Замечательное и необычное воспитание вы получили, юноша. Любопытно, кто были ваши учителя, – монотонно, без тени заинтересованности произнёс собеседник. – К этой занимательной теме мы вернёмся позже. Итак, по-вашему, я художник. Что же мешает творить мой шедевр именно здесь?

– Де... – Рен прочистил горло, – дети тут живут. Зачем же сироток обижать?

Штиллеру показалось, что он выиграл пункт, хоть и сболтнул лишнего. Интерес к Старомиру проявляют только опасные чудаки, предупреждал отец. Можно без последствий быть чудаком безобидным, таких жалеют и берегут. Неплохо живётся и опасным хитрецам, их уважают. Но позволить себе и то, и другое способны только очень могущественные и бесстрашные люди. За головами таких посылают армии. Рен уже размышлял, как бы ловко продемонстрировать свою наивность, но оказалось, она проявляется спонтанно, без усилий, успевай только подсчитывать убытки.

Раздался пронзительный крик Ненки:

– Не сиротки! Мы не сиротки! До Острова далеко, немножко подождать надо, – теперь она по-настоящему плакала. – Ты Мерре обманул! Эти узелки ничегошеньки не помогают! – Ненка дёрнула один из уродливых свалявшихся «хвостов» на подоле. Узел оборвался.

Родигер слегка вздрогнул. Штиллер мог поклясться, что это так. Ненка стояла напротив, уперев кулачки в бока. Это выглядело и тревожно, и комично.

– Мерре боялась, что со мной беда случится, пока я дома одна, а она на базаре. А тут ещё эти ветки психованные в окна лезут, чудища по саду топают. Это твои лошади дохлые и собаки, сам насрал, наверное. Я говорила Мерре, что не боюсь: кинешь в них камнем, они с места стронутся и тихонечко в землю лезут. А сестра: вот папка вернётся – не простит, если мертвяки тебе ушки во сне обгрызут. И тут ты с узелками! Чем больше я их вязала, тем реже Мерре домой возвращалась.

Ненка топнула ножкой и обернулась к Бретте:

– Придёт, завяжет, другие проверит – и снова в сад, в яме сидеть. Раньше Мерре эту яму боялась. А тут сама прямо в грязюку страшную лезет и сидит, только голова наружу. И спит. Я зову, а она... прямо как мёртвая.

Холод пробрал Штиллера до костей. Он понял: в эту холодную осеннюю ночь там, в саду, в тёмной яме сидит живой человек по горло в грязи. Маленькая отчаявшаяся девочка. И непонятные чужие существа тянутся, тянутся к ней снизу, из глубины. Он невольно почувствовал прикосновение мёртвых пальцев сквозь слой липкой, смрадной разрытой почвы. И сердце замерло, и обессиливающий ужас не позволял ни двинуться, ни крикнуть.

– Вот вернутся мама с папой, они тебе покажут! Из-под земли достанут! – Ненка всхлипывала, прижав ладошки к мокрым глазам.

– Всё, что под землёй, – моё, – ответил ей некромант странным мягким голосом. – Твоих родителей нет по эту сторону...

– Но и среди мертвецов вам их тоже не удалось отыскать, так? – внезапно догадался ключник, и Родигер быстро обернулся к нему.

В лице у того шевельнулось нечто, чего видеть ни в коем случае не хотелось. От чего лучше бежать и поскорее забыть. Высокомерная маска показного участия треснула. Порвалась, как элегантный костюм, скрывающий под собой матёрого разбойника. Изнутри на мгновение выдвинулась узкая длинная безглазая пасть. Вроде лезвия спрятанного ножа, внезапно появляющегося в ладони. Ненка не видела метаморфозы, стоя прямо перед чудовищем и не глядя вверх. Рен метнулся, чтобы перехватить её.

– В сторону! – с ненавистью крикнула Бретта, и в тот же миг некромант получил по меньшей мере шесть тонких длинных игл в шею и в ужасную морду.

Бретта была невообразимо ловкой, она выбросила первую порцию и теперь ждала результатов, пригнувшись, изготовившись к прыжку. Похоже, иглы составляли не весь арсенал наёмницы. Лезвия вошли в плоть на разную глубину, но ни капли крови не показалось из ран. Тогда Родигер что-то сделал: с комнатой, с самим собой или с нападающими. О том, чтобы остановить это, никто и подумать не успел. У Штиллера закружилась голова, и зрение расфокусировалось. «Вот так?» – подумал он о своей смерти со злостью – и с облегчением, что не больно. Потом колдовство закончилось, но он не умер.

И даже не оказался в бутылке, в кармане мантии мастера, вытирающего окровавленные руки. С маленькой Ненкой и Бреттой Родигер тоже ничего специального делать не стал, а ведь мог, мог бы, очевидно.

Вместо этого некромант, восстановивший человеческий облик, цепко схватил Штиллера за плечо, а другой рукой Бретту и Ненку за воротники одним захватом длинных костлявых пальцев. Малышка всхлипывала: «Отпусти! Уходи!», цепляясь за шали наёмницы. Та повисла в железной руке врага, как пескарь на крючке, и только ошалело глазами поводила, ещё не придя в себя от непонятного удара. Родигер без единого слова вынес их из садовничьего домика и толкнул в сад, лицом к обезумевшему сборищу диких деревьев.

– Смотрите! – гулко, как из погребца, прозвучал настоящий, собственный голос некроманта. Рот его приоткрылся, оттуда на затейливую вышивку воротника мантии упала белая, вздрагивающая мушиная личинка. Штиллер, наконец, увидел зубы Родигера: не волчьи, как он ожидал, а скорее, акульи, в несколько рядов, мелкие и острые, как бритвы.

– Смотрите, – повторил могущественный мертвец настойчиво, подтолкнув Рена поближе к хищным ветвям, – это, по-вашему, подходящее место для малышей?!

Детям тут, и правда, нечего было делать. Треск и невнятное бормотание раздавалось между стволов, ветки качались среди безветрия, вытягивались, подрагивая. Кроны вдруг резко вздымались вверх, одержимые яблони пытались вырвать собственные корни из земли и бежать из этого проклятого сада. А из огромной тёмной ямы, уже не прячась, лезло наружу, тянуло чёрные змееподобные лапы, выгибало толстое тулово, роняя комья земли, чудовище.

Бретта, неожиданно вывернувшись из-под руки Родигера, прыгнула вперёд изящно и невесомо, оттолкнулась ногой от кряхтящего ствола, оказалась на холме прямо над ямой. Блеснул топорик, наёмница сильно, с замаха рубанула вкось по замшелой чёрной длиннопапой лапе. Та треснула с таким звуком, словно бочке выбили дно, и из раны, из разреза выпала дрожащая тоненькая исцарапанная детская ручка.

– Мерре! – завизжала Ненка.

Штиллер, очнувшись, сбросил ладонь некроманта со плеча и тоже побежал к яме. Земля осыпалась и вздрагивала у него под ногами, как живая. Одна из мотающихся из стороны в сторону веток хлестнула Рена по бедру, рассекая плоть. Штангина сразу прилипла к ноге, боль рванула в пах, в глазах на миг потемнело. Он, чудом не растянувшись, выскочил прямо к вздыбившемуся над Бреттой толстеному брюху монстра – туда, где заметил глубокую продольную щель, поросшую бурой бахромой грязи. И, выхватив ломик (он же «ведьмин коготь», он же

«последний помощник», «если ключник применяет его, сынок, то расписывается в полном неумении!»), Рен выпустил чудовищу потроха.

9.

Оглушительный треск и стон пронёсся над садом и стих. Плоть монстра разлетелась на куски, удивительно похожие на труху и щепки. Вместо кишок изнутри выпали три человеческих тела. Это выглядело, как безумная насмешка над родами. Две обнажённые, бледные, обескровленные фигуры были взрослыми, одна принадлежала подростку. Судя по невнятным воплям Ненки, это были её отец, мать и сестра. Рен наклонился к мёртвой женщине, и вдруг та распахнула глаза, содрогнулась всем телом и со стоном втянула воздух. Рядом пошевелилась Мерре, села и невидящими глазами обвела обступающих её людей. Мужчина, лежащий лицом в грязи, не двигался и не дышал.

– Эмиль... – прошептала садовница, приподнимаясь на дрожащих руках.

Штиллер подумал, что она зовёт мужа, но женщина смотрела сквозь него, вверх, туда, где стоял некромант. Тот, срывая плащ, шагнул мимо ключника, мимо Бретты, успевшей сбегать в дом за одеялом и закутывающей дрожащую Мерре. Родигер наклонился, чтобы поднять на руки садовницу, накрыв её своим серым плащом. Но женщина оттолкнула его руку и указала на тело мужа.

– Эмиль, прошу тебя, – произнесла она. Только это была совсем не просьба, а недвусмысленное «помоги или проваливай».

Родигер замер на мгновение, потом резким движением скомкал плащ и бросил его лежащей в грязи садовнице. А сам присел над трупом её мужа, перевернул его одной рукой на спину, а другой, не размахиваясь, вlepил пощёчину. Рен, Бретта и Ненка встрепенулись было с гневными возгласами, но мать остановила их повелительным жестом, кутаясь в плащ и подползая ближе. Некромант зачем-то помял садовнику горло, запрокинул тому голову, словно собирался сломать шею. Пальцем очистил покойнику рот от слизи и бурых листьев. Потом наклонился и, видимо, поцеловал мертвеца. И ещё раз, зажимая бедняге нос и глубоко вдыхая перед каждым новым поцелуем.

Все потрясённо наблюдали. У Бретты было такое лицо, будто её сейчас стошнит. Рен преисполнился уверенности, что некромант сожрал садовничью душу. И только тогда заметил, что грудь мертвеца приподнялась самостоятельно. Родигер снова ударил лежащего, и тот жалобно, защищаясь, вскинул руки.

Тогда некромант поднялся, брезгливо сплюнул в грязь.

– Теперь я вас, пожалуй, оставлю. Пальтишко с узелками сожги, теперь за тобой родители присмотрят, – равнодушно обронил он, глядя на младшую дочь садовников. Та попятилась, с отвращением оглядела свой наряд, точно впервые заметив его уродство.

Но Родигер удалился не сразу. Он подошёл к Штиллеру и внимательно уставился ему в лицо. Смотрел гораздо дольше, чем позволяла вежливость.

– Нам предстоит ещё по меньшей мере одна беседа, господин ключник, – сообщил некромант без всякой враждебности, странно крениась на бок и, похоже, собираясь прямо сейчас развалиться на части. – Я ведь, как и вы, «часть силы той, что без числа творит добро...»

И Родигер канул во тьму за воротами. Семья садовников, дети и взрослые, крепко обнимали друг друга, бормотали счастливые бессмысленные слова, плакали и возвращались к жизни. Мерре отнесли в дом и уложили спать. Её отцу удалось подняться на ноги и даже одеться самостоятельно. Мать горестно осматривала обломки древомонстра, чьи корни уходили в яму, а развороченное трухлявое нутро зияло бесконечной тёмной пустотой.

– На Остров нас доставила и назад отнесла, но выпустить не догадалась, бедняжка Эриноэ. Я позабочусь о твоих внуках, будь спокойна, – ласково приговаривала садовница, и умирающее дерево вздыхало болезненно и тяжело.

– ...всему желая зла, – растерянно продолжил ключник слова старомирского поэта, которого только что вспомнил некромант.

– Рен! – ласково позвала Бретта и похлопала Штиллера по плечу. Тот с усилием обернулся, замороженный трогательным зрелищем прощания с деревом. – Дай-ка я тебе ногу перевяжу. Не то в обморок хлопнешься скоро. Кровищи сколько, видишь?

Штиллер глянул и позорнейше лишился чувств.

Вырванная страница

Четверть

– Это маяк? – спросил мертвец, лежащий на столе.

Лорд Родигер убрал руку с пирамиды, которую хотел уже опрокинуть, чтобы отпустить жизнь утопленника. Вместо этого он повернул колесо, блеснувшее в лунном свете, и тишина наполнилась звуком падающих капель.

– Да, это Светлый Дом, – ответил некромант. – Помните?

Спасённый покачал головой, попытался что-то сказать и закашлялся. Изо рта у него выплеснулась серебристая струйка запретноводной жидкости. Всё тело, тощее, жилистое, содрогалось и корчилось в ознобе, так что пришлось придержать рыбака, чтобы не свалился, помочь ему сесть. Родигер накинул на спину гостя согревающую мантию.

– Я в-ваш слуга, – проговорил тот с трудом, – позвольте мне жить, я ничего не в-видел, – но тотчас же глянул на опутывающие его грудь пальцы и шупы неведомых созданий, прозрачные, наполненные светящимися и матовыми жидкостями, на жадные рты присосавшихся к его коже белоглазых тварей – и крепко зажмурился.

Когда рыбак отважился снова открыть глаза, комната показалась ему ещё страшней, чем раньше. Рядом обнаружился толстый железный шушун со стеклянным глазом, издающий мерный писк. Единственная лапа твари охватывала указательный палец рыбака. Тот осторожно вынул палец из мягкого холодного шушуньего кулачка, и шушун пронзительно, ритмично зарыдал, а стеклянное лицо его осветилось синим изнутри. Рыбак торопливо вернул малышу палец, и тот, успокоившись, показал ему таинственное «95». Спаситель стоял у окна. Сопровождающая его гнусная, непереносимая вонь гниющего мяса, от которой рот наполнялся кислотой, немного отступала, смешиваясь с запахом моря и ночного осеннего ветра.

– Я был на Острове, – сказал рыбак.

– Невозможно, – прошептал некромант, отвернувшись. – Как?

– Сам не знаю, – после короткого молчания признался спасённый. – Бартоломео меня зовут. Барч.

– Барч, – повторил лорд Родигер медленно, будто бы услышав нечто неприятное.

– Но как?! В чреве Морской Змеи?.. – утопленник раскачивался, сидя на столе. Позабывшее причиняло ему настоящую боль. – По лабиринту буролесских могильных червей? Момент... Я летел? На гриф...

– Животные не летают через Запретные воды. Никакие. И даже не начинай мне про драконов, метательных рыб и прыгучих медвежат!

Рыбак поднял на некроманта измученные глаза.

– Значит, меня забрали на Остров, – твёрдо произнёс он. – Прислали лодку.

– Ну, разумеется, – участливо отозвался Родигер, поворачиваясь к спасённому. И тот сразу понял.

– Нет! Нет, господин! Я ничего не помню! – рыбак вскочил, обрывая магическую мишуру, озираясь, как загнанный зверь.

Вязкая тёмная жидкость, до сих пор вливающаяся под его кожу, растеклась по полу. Загрели неведомые ритуальные сосуды: стекло и металл. Рыбак заметил в плоской чашечке короткое лезвие, схватил его, сжал в кулаке и угрожающе взмахнул им перед лицом некроманта – умело, как это ему случалось делать на пристани Рипендам. Хозяин маяка не отшатнулся, только слегка искривил рот. Похоже, у него имелся некий туз в рукаве. Даже вероятно. Так что один удар – и бежать!

И пленник уже почти нанёс противнику опасную рану от подбородка до ключицы, почти прогремел по всем лестницам и галереям, да так, что любое ходячее мясо, любые вонючие выползны прыскали в тёмные углы, как шушуны от громкого смеха. Почти уже выскочил, слегка растянув лодыжку, за дверь, да и вниз по улице, на подножку вечернего троллея поезда – и на рассвете сети ставить в Рипендамской бухте... Но вместо этого почему-то оказался на липком полу, морда вся осколками исполосована, и не мог больше ни двинуться, ни даже выругаться от души.

Его рывком перевернули на спину. Ледяная маслянистая дрянь полилась в горло. Краем глаза удалось заметить ещё троих, одного даже узнать: Констант Понедельник, владелец книжной лавки, тот ему картинку срамные в лавке на Змеиный день предлагал.

– Что вы сделали? – спросил букинист убийцу.

– Вывел эту четверть из игры, – невнятно, жутко, как из глубокого колодца, донеслось от тёмного силуэта над самым лицом. – Ждать... – услышал рыбак, кругами-кругами блуждая по дому без света и без надежды, – покорный... свадьбой, ваше величество...

Потом они сыграли в шахматы. Барч выиграл.

Глава 2. Игра в прятки

1.

«Находясь в здравом уме и твёрдом рассудке, настоящим передаю дочь Алисию Нойн в полную собственность Хозяину Болот под Оомеком – в обмен на моё освобождение от всех долгов перед ним. Подпись: Марк Нойн по прозвищу Прово. Поручителем назначается Гильдия Наёмников города Лена Игел, а так же мастер Ю, мой старый учитель».

Бретта опустила пергамент и оглядела присутствующих сердитым взглядом. Рен на него не ответил. Ключник сидел, вытянув замотанную ногу на скамью, и всем своим видом показывал: я объездил весь мир, меня никакое людоедство не удивляет. Остальные реагировали с подходящим ситуации возмущением.

Рыжий гигант, обладатель впечатляющих шрамов, свежих синяков и криво зашитых порезов, дёргал себя за бороду и бранился. Штиллеру он напоминал плохо замаскированного тролля или хорошо замаскированную повозку, поставленную на попа. Никакого оружия, во всяком случае, заметного, этот колоритный тип не носил. Для успешной атаки ему хватало, например, грозного взгляда. Или его чудовищный топор просто не помещался в гостинной.

Тощий высокий субъект в длинном плаще качал головой с такой брезгливостью, словно на его глазах съели живого, умоляющего о пощаде щушуна. Телосложением и повадками напоминал он ярмарочного акробата. Но вместо пёстрого трико и рогатого колпака носил дорогую ткань из Города Ночь, чёрную и светло-лиловую одновременно. В остальное время с вытянутого лица его не сходило выражение весёлого превосходства, от чего физиономия казалась ещё длиннее. Штиллер мог представить модника с двумя кривыми пустоземскими саблями – а ещё вероятнее, с одним аккуратным отравленным кинжалом. Или наёмник просто содержал финансовые книги гильдии в порядке.

Его приятели, два лучника, тоже хлопали себя по ляжкам, смачно плевались, отряхивали рукава от мелких бесов и сочувственно смотрели на черноволосую кокетливо одетую горожанку. Широкое лицо её с мелким остреньким носом, крошечным ртом и большими глазами навывкате напомнило ключнику обиженного совёнка с подрезанными крыльями. Таких предлагали порой в Городе Ночь в качестве опытных наблюдателей за темнейшими ритуалами. «Ты и понятия не имеешь, насколько мне нехорошо», – убеждал весь облик дочери беспринципного должника.

Бретта вернула ей пергамент, держа на расстоянии двумя пальцами, как ядовитого «еремейского сновидца». Так делают, чтобы избавиться от смертельно опасной твари, не разбуждая её.

– Я так понимаю, это незаконно, непристойно и невообразимо, – уточнил Рен. – Почему же просто не бросить расписку в воду? И забыть о недоразумении?

Все обернулись к нему. Но прежде, чем кто-то успел ответить, заговорила сама Алисия.

– Это папино письмо. Последний раз мы виделись, когда мне было шесть месяцев, говорит мать. Понятно, что я его совсем не помню. Но и выбросить документ не могу. Может, отец в беде, ему нужна помощь?

Чёрно-лиловый взял в руки пергамент и снова внимательно просмотрел его, хотя письмо только что раз пять читали вслух. Зачем-то понюхал и колупнул янтарный штемпель на уголке.

– Думаю, что помощь, скорее, понадобится вам, госпожа Нойн. Долговое письмо заверено истинной печатью Буро, демона-нотариуса из Элмша. Обязательства по договору такого типа трудно оспорить. Король имеет право отменить его, оплатив долги Прово, а иначе вам придётся всё-таки навестить Хозяина Болот и выяснить, как он себе представляет... ваши отно-

шения. Продавать людей в рабство запрещено, а вот передача ребёнка в пожизненную службу кредитору – вполне легальная практика.

– Не улавливаю разницы, – Бретта прижала кулаки к нахмуренному лбу.

– Неужели? – удивился её приятель. – Разница в том, что дети признают такого рода обязательства. Элемент насилия отсутствует. Между прочим, я и не знал, что у тварей из оомекских трясин есть предводитель. В мои времена каждый клык был сам за себя.

– Пожалел, Минц, что сам их не возглавил? – предположил пожилой боец с лёгким посохом, натяжением тетивы превращающимся в лук. Непримечательный, седеющий, с конопатой физиономией еремайца, наёмник выглядел, как бродяга, за жильё и провиант выполняющий простые поручения вроде закупок амуниции. Если Рен вообще что-нибудь понимал в людях, этот – убийцей не был. Да что там, остальные тоже на профессиональных бандитов не походили, даже рыжий великан. Того проще было представить участником душевного трактирного мордобоя.

И Штиллер всё меньше понимал, чем занимаются здешние «специалисты».

– В Оомеке до сих пор предлагают награду за поимку Минца Буролесского, – с насмешкой заметил лучник. – Немного, правда. Десять рыб.

Разыскиваемый самодовольно усмехнулся в ответ.

– Я теперь к колодцам и в Злую Чашу только по делу. Задержишься там надолго – шерстью обрастёшь, потянет в берлогу. Последний раз звали по поводу крыс, а потом – из-за пропавших подростков. Слышали про них? – все закивали, кроме Штиллера. – Моя работа. В смысле, крысы ушли сами, как в воду канули, с ними я быстро договорился. А из малышей собрал команду охотников, и мы немножко погуляли по окрестностям. Ребятишки тосковали по приключениям в их скучном гоблинском городишке. Монстров в Буролессе достаточно: хочешь – режь, хочешь – братайся и совместно проезжих гоняй. Но в сторону болот мы не ходили. Нечего там делать! Топко и сыро, никакого героизма, глупость одна. Оомечи, кстати, рассказывают дикое количество сказок про болота, и всё врут.

Наёмник говорил пафосно, будто цитировал сам себя. Рена он бесил до икоты.

– Ох, времена... Простой оомеч трясины и дохляков боится больше, чем живого Минца, – елейным тоном посочувствовала Бретта.

– Награду за мою преступную задницу уменьшили вдесятеро, когда стали замечать, что их пропавшие оболтусы живут себе по соседству, просто показываются редко, – возразил охотник, недовольно размахивая руками и чуть не заехав стоящей рядом молчаливой Алисии по носу. «Этого воспитывали безухие ящерицы Сухозема, – раздражённо подумал Штиллер, – иначе откуда бы привычка показывать каждое слово на пальцах?!»

А ведь именно буролесец Минц недавно заштопал и перевязал бедро Штиллера, когда того угораздило повредить артерию в бестолковой схватке с деревом-гоблином. Услуги целителя в столице оказались запредельно дорогими. Бретта моментально выяснила, что Штиллеру их не оплатить: сразу обшарила карманы ключника, как только тот, истекая кровью, свалился к её ногам. Поэтому наёмница убедила приятелей в гильдии, что им позарез нужен собственный ключник. Похоже, Бретте здесь неохотно отказывали.

Эх, лещ-кривобок!

Когда Бретта с Реном на спине ввалилась в Дом, глава гильдии мастер Ю как раз собирался на Королевский Совет. Первым, что увидел Штиллер, мающийся головокружением и тошнотой, была стройная блондиночка в эльфской тунике, семящая с медвервольфовым тулупом в нежных ручках. А седой коренастый мужик с кустистыми на манер морковной ботвы бровями отмахивался от неё и пытался самостоятельно завязать жёлтый шарф. Вскоре на шее деда красовалась растрепанная удавка цвета гильдии, а на лысине волшебным образом мате-

риализовалась широкополая шляпа – идеальная защита от дождя. Тулуп так и остался у расстроенной эльфки.

Могущественный старик на ходу принял решение. Да, гильдия может себе позволить ключника. А занесите-ка этого в список да и вылечите уже, наконец... Но жильё получит, как заработает. И толковое прозвище тоже потом. Нет, не «Рен Хромоножка»: парень, между прочим, важную информацию добыл о лорде Родигере.

– Какую ещё информацию? – удивилась Бретта.

– Эмиль зовут его, я позабыл уже, – пояснил глава гильдии.

Так что ключника после ухода мастера Ю принимали доброжелательно. Называли свои имена (Штиллер не запомнил ни одного). Расспрашивали о ремесле.

– Нет, не грабитель... Да, практически любые замки... И всё-таки не вор... Почему – «ну и дурак»?

Поили целебными настоями и яблочным сидром, но сначала, конечно, вылечили рану. Сказочно вылечили, надо признать. Ключник должен был, по идее, преисполниться благодарностью и умиротворением.

Вместо того он куксился в углу, нянчил перевязанную ногу и пытался проанализировать собственную неприязнь к местным боевым магам. Письмо о продаже Алисии Нойн, объявляющее наёмников гарантами сделки, добавляло мрачных красок к общей картине. Чем эта странная банда привлекала замечательную, поражающую воображение Бретту?..

Тем временем её приятели, размахивая руками и наскакывая друг на друга, спорили, как следует поступить дочери должника. Только что бородачу явилась «блестящая идея» посвятить девушку Храму Морской Змеи. Жрицы ритуально освобождались от всех мирских обязательств, в том числе и родственных.

– У слуг Морской Змеи эм... омманитет от всего, даже от ночных кошмаров, – убеждал великан, – а болотное чудо пусть едят селёдки. Тем более, что родитель ваш давно выписался из гильдии. Народ уже и не помнит, что он был за тип, с каким оружием ходил, за какие дела брался. Лет десять назад Марка видели в охране у Погонщика Псов в Городе Ночь. Но последний раз, когда я туда заезжал, на Годовой Поворот, Прово в тех краях тоже успели позабыть. Я к тому, что в Храм – надёжно, там братство вроде нашего. Всё помнят, за всеми присматривают, никто не тронет.

– Что вы... Слуги Морской Змеи по-настоящему забывают своих родных, а у меня мама... – прошептала Алисия Нойн. В голосе её послышались слёзы. – Вы же знаете нашу лавку амулетов на Узкой Улице, напротив «Книги Судьбы» господина Понедельника. Мама всегда у окошка сидит, старые неработающие амулеты разбирает. Иногда какой-нибудь пробудить удаётся. Если колдуем вместе.

Все смутились. Рен решил, что для большинства присутствующих тема родителей была не слишком приятной для обсуждения. «Потомственный наёмник» казался ему настолько же невероятным, как гордый предками «вор-карманник в четвёртом поколении».

– Это ещё не всё, – дрожащим голосом произнесла «собственность Владыки Болот». – За мной уже который день кое-что ходит.

– В форме кота? – уточнила блондинка, оставшаяся без дела, когда мастер Ю удалился в Совет. Нежное создание выглядело на фоне брутальных приятелей совершенно нелепо: тоненькие, прозрачные ручки-ножки, копна невесомых волос цвета куриного пуха, туника, при внимательном рассмотрении больше напоминающая полотенце... Рен напрягся и перестал рассматривать внимательно. Так или иначе, смертоносность этой особы, вероятно, заключалась в паре-тройке преданных, постоянно её сопровождающих защитников. Поистине разношерстное братство!

– Почему кота? – удивился бородач. Штиллер тоже не понял. По столице чего только не бродило: от заблудившихся пьяных рыб до тролльных механических носорогов.

– Если бы! – Алисия махнула рукой. – Вон оно. Ходит.

Все, кроме Штиллера, прилипли к окну и замерли, рассматривая нечто из ряда вон выходящее, достойное Майских Театральных Игрищ. Не хватало только гномок с лотками, разносящих жареную мандрагору. Рен не выдержал, поднялся, опасливо перенёс вес на раненую ногу: невероятно! Даже хромать необязательно. Ключник, испытывая всё большее раздражение вместо благодарности, сорвал повязку, подкатал новые штаны, оскорбительно-длинные, подарок рыжего. Потом демонстративно, без спешки подошёл к остальным и увидел: ходило.

Прямо напротив ворот, слоняясь из стороны в сторону, находясь в непрерывном движении, ожидало существо. Оно было похоже на... выглядело, как... В первый момент разум отказался дать чёткое определение тому, что предстало взгляду. Штиллер хотел отвернуться, но не мог, хоть и был уверен: чем дольше он наблюдает, тем хуже становится то, что он видит. Как будто страх необъяснимым образом участвовал в сотворении этой креатуры. Нужно было заставить себя опустить взгляд. Ключник заметил, что остальные, с посеревшими лицами, пытаются сделать то же самое.

Но, как только Рен моргнул, отвратительный образ замаячил под веками.

Тварь была вроде жирной капли одушевлённой грязи, поднимающейся от мостовой, колеблющейся в неуловимом ритме. Человека напоминала тоже – едва различимого в тумане. Но никакого тумана не было. Утро сияло прекрасным осенним солнышком, согревало крыши и желтеющие яблони... но не существо за окном. Оно не отбрасывало тени и казалось плоской паутиной в прозрачном воздухе.

Рен видел, как «голова» создания внезапно оторвалась от «тела». Перемычка отсутствовала, но струящееся марево всё ещё связывало две части твари. В том месте, где полагается иметь рот, в парящей капле надулся пузырь и открылось рваное отверстие. Штиллер ожидал, что сквозь дыру станет видно спускающуюся вниз кривую улицу. Но внутри была абсолютная темнота, как в глубине Запретных Вод. Кажется, креатура что-то сказала и двинулась поперёк мостовой под фонарь. Потом назад, как гвардеец на карауле, устремив внимательную морду в сторону окна, из которого за ней наблюдали. Чёрный лоснящийся котяра, со значительным видом выступивший из-за угла, почти носом к носу столкнулся с тварью – и сразу вздыбил шерсть, зашипел, по плещу на каменной кладке ушёл в небо, пропал между шпилями крыш. Тут-то у Штиллера достало сил отвернуться, отступить на шаг.

Ему положили руку на плечо, настойчиво уводя от окна. Это был Минц. Неприязнь к нему отступила, её вытеснило потрясение от невиданного до сих пор чистого воплощения чьей-то злой неотступной воли.

Рядом оказалась Бретта – хмурая, как рыбак, возвращающийся в пустой лодке. Штиллер взял её за руку повыше кисти, и девушка уткнулась свирепо и жалобно ему в плечо. Рядом, прижав ладони к лицу, замерла Алисия Нойн.

– И давно оно ходит? – уточнил Минц. – Вы очень стойкий человек или могущественная ведьма, если вытерпели присутствие существа более суток.

– Не оно, она, – шепотом ответила Алисия. – Передала мне расписку отца сегодня на рассвете. Говорит, звать её «поганая мелочь». Создатель приказал привести меня в оомекское болото. Но можно не торопиться, сперва уладить дела. Чем я сейчас и занимаюсь.

Мастерица амулетов вынула из вышитой сумочки соблазнительно позвякивающий мешок.

– Две сотни плотвы, всё, что осталось. Мне пришлось нанять гномку для работы в лавке. Вёска Виттемун понимает в нашем деле, но берёт недёшево, так что хотелось бы поскорее вернуться. Может, отец решился на крайнюю меру в большой беде. Или он подлец. Мы посмотрим.

– Обязательно, – согласился Минц. – Самому интересно. Прово был моим наставником и первым учителем фехтования. Мы за ним, малыши, таскались, как козлята за мамкой. Прямо отряд сопливых таких гвардейцев. Настоящие солдаты нас гоняли, конечно. Кое-кому от них серьёзно по ушам доставалось, особенно за хулиганство в порту или на базаре. Прово подначивал: «Лучшие гребцы сразу бросают гребсти, как только получают в руки весло». Уж мы гребли и гребли – при любом урагане, истинная правда! Каких только сказок про Марка ни ходило... Только про то, как он глаз потерял, имелось по меньшей мере четыре совершенно разные истории. Словом, я – обязательно в Оомек.

– Проигрался, что ли? – уточнил лучник, косясь всепонимающим глазом.

– А хоть бы и так, – Минц развёл руками. – Зачем честному охотнику деньги? Натурально, играть. Времени у меня, кстати, тоже немного: неделя-две. Потом в Еремайе звали на змеины. Так что предлагаю отправиться прямо сегодня же, вечерним троллем. Бретта?

Бретта вынула нос из уха Штиллера и кивнула.

– Согласна. Чем скорее начнём... Рен?

– Кто? Ах, Рен! – ненатурально изумился Минц, и ключник снова возненавидел его.

– Да, вот этот самый, Штиллер, – ошетибилась наёмница, тыкая ключника пальцем в бок. – Он уже пару минут в списках, значит, имеет право.

– Пожалуйста-пожалуйста, я против, что ли? – охотник замахал руками, точно его с моста толкнули. – Дело такое, что неясно, кому и за какое место браться. Жаль, что Прово попался. Вот был мастер неожиданных решений! – Минц скосил глаза на пресловутый «договор». – Похоже, сей талант ещё при нём.

– «Прово» – от слова «проводник»? – предположил вполголоса Штиллер.

– Нет, «провокаатор», – Бретта всё ещё находилась в области ключникова уха и немедленно воспользовалась этим. Минц с кислой улыбкой наблюдал, убеждённый, наверное, что его уши лучше.

– Кать, пряников нам в дорогу найдётся?

Штиллер был уверен, что ответит девчоночка в тунике, всё ещё разглядывающая креатуру под окном. Однако кивнул второй лучник. Средних лет, плотный, одетый как горожанин с достатком, он за всё время не проронил ни слова, лишь ковырялся в потрёпанной рукописной книге без переплёта, приводя в ещё более нечитаемый вид. Похоже, за пряники тут отвечал именно он. Заметив, что ключник смотрит, «Кать» поднял правую ладонь без мизинца: поприветствовал.

– Катер моё имя, – представился он. – Я с вами не пойду. На мне и так дело невыносимое: картина Марион, помните?

– Начали забывать уже! Сколько ты с нею возишься, год? Два? – немного оживилась Бретта. – Сам виноват, жадина, в одиночку тебе её не найти. Возьми хотя бы Хигга.

И показала на хозяина штанов, который сразу закивал с насмешливой ухмылкой, поделившей рыжую бороду поперёк, как ручей – траву. Видимо, он уже не раз предлагал свою помощь.

Катер помотал макушкой, выстриженной аккуратно, по-горски, кружком. И снова погрузился в чтение.

– Пряников от вас не убережёшь, проглоты, так хоть награду себе оставлю.

– Я тоже остаюсь, – нежным голоском высказалась эльфвидная блондинка. – Справитесь и без меня. На болоте только остороженько.

– Постараемся ножки не промочить! – пискляво, с ненатуральным воодушевлением пообещала Бретта и, не удержавшись, хихикнула басом.

– Так в полдень, у Константа! – объявил Минц, неожиданно ставший компаньоном Штиллера, и вышел, уронив плащом стул. Хотелось бы надеяться, что мантию он сменит на дорожную, попроще, а то в глазах рябило. Ключник проводил его усталым взглядом и простился

с мечтой о неторопливом, обстоятельном исследовании пустых домов Лена Игел. Он обнадёжил себя, что до зимы ещё два месяца, вспомнил, что осенью на болоте особенно гнусно, решил сменить на базаре запасной камень-искатель на толковые сапоги... и заметил, что молчание затянулось.

– Минц в порядке, зря ты василиском смотришь, – шепнула Бретта, и Штиллеру стало неловко. – Я у него в Буролесье охоте училась, правда, недолго. Нам повезло его встретить, разыскать ведь специально невозможно, котопередачей буролесцы почти не пользуются. Как нога?

Рен открыл рот, чтобы пожаловаться.

– Получше? – не дожидаясь ответа, обрадовалась наёмница, и пришлось согласиться: конечно! – Если у тебя в городе нет срочных дел, тогда идём прямо к Понедельнику поискать что-нибудь поновее об Оомеке и болотах.

– А четвёртый? – удивилась молодая хозяйка амулетной лавки. – Разве вы не берётесь за дела всегда вчетвером?

– Только если сумма гонорара нечётная.

Штиллер подумал, что ослышался.

– Обычно по пути приходится примерно четверть потратить на проводников, информаторов и сахарных петушков для троллей... Что ты кудахчешь, Хиггище, ты попробуй подари петушка на палочке железнодорожному троллю и увидишь, что будет, – с трудом сохраняя серьёзность, посоветовала Бретта. И добавила: – На самом деле, дурной знак, если награда делится поровну. Товарища потеряешь. Знаете... давайте-ка через чёрный ход? Неохота встречаться с этой штуковиной, с мелочью поганой! – предложила Бретта, и все закивали. – Рен, ты куда?

– Я в «Рыбу», инструмент прихватить, переодеться да и Ребекку успокоить. Она уверена, что из меня получился тихий, скромный труп, не нуждающийся в жилье и личных вещах.

– Фу, Штиллер, шушун тебе на язык. Давай, я тебя и госпожу Нойн дворами выведу.

– Вы идите, а мне бы на болотницу глянуть, – помедлив, признался ключник. – Я ей не нужен, так что опасности нет. Всё равно ведь увяжется.

– Увяжется, – подтвердила Бретта. – Вы, ключники, удивительный народ или ты сам по себе такой отважный? Я вот думаю: мы ведь раньше где-то встречались. Будет время – посидим, подумаем?

– Подумаем, – согласился Рен, и поморщился, припомнив, что то же самое ему пообещал некромант. А может, и лучше – на время исчезнуть из столицы?

– Иди к Константу, как сможешь. Или уже сразу на поезд. Отправление на закате.

2.

Штиллер отворил дверь Дома Наёмников изнутри – и остановился на пороге. Оставалось только гадать, каким видела его тварь да и видела ли вообще. Зачарованный порог обманывал, скорее всего, исключительно человеческий глаз, а у болотца ничего, напоминающего зрительный орган, не было.

Тем не менее, существо почуяло его и обернулось. Сначала «голова» приблизилась по воздуху, потом подтянулось и «тело». Непропорционально короткие ручки повисли на месте, затем дёрнулись вслед. То, что сотворило болотницу, совершенно не позаботилось придать ей хоть какое-то подобие людской моторики. Даже некроманты не пренебрегали этим, с затратой сил и магии получая прямоходящие объекты, а не ползающее мясо. Их немёртвые летучие мышцы представляли собой шедевры маневренности.

Тварь же перед ключником – ждала. И больше ничего.

– Злодей он, тот, кто тебя вылепил, – доверительно сообщил чудовищу Штиллер. – Думаю, ты ещё и удачу ешь, не только личное могущество. Я прав?

Существо судорожно, неритмично кивнуло несколько раз. А может, ветер затеребил грязевую каплю, раскачивая её из стороны в сторону.

– Иди сюда, – приказал ключник. – Хочу посмотреть, что у тебя внутри. Больно не будет.

Оно не двинулось, и тогда Штиллер сам подошёл поближе. Костяной нож Хоффхарда скользнул ему в ладонь, ключник уже взял хирургический инструмент наизготовку, но передумал и вместо этого применил пальцевый метод. На ощупь существо было, как он и ожидал, оклизлым, но не холодным. Вроде подогретой для младенца каши. Смущённо игнорируя всякое сходство процедуры с тайно подсмотренным в детстве акушерским исследованием, Рен расширил пальцами отверстие и заглянул в суть креатуры.

Ключ Хоффхарда позволял увидеть случайную, но важную часть личности любого существа. Авторитеты категорически не рекомендовали применять его к людям. Те слишком сложны, чтобы не ошибиться с выводами. Кроме того, треть подобных попыток вызывала нездоровое слияние с чужой личностью, чреватое острым психозом или необратимой кататонией. Ключник читал об одном усердном гвардейце: для облегчения допросов тот применял подобную магию и «заглядывал в сердца» своих подопечных, надеясь если не понять их поступки, то отделить правду от лжи. В конце концов бедняга спятил, попытавшись тем же способом проникнуть теперь уже в собственное сердце. И оказался в пыльном мешке, набитом иглами, булавками и другим пыточным инструментом.

В существе напротив Штиллера не было ничего человеческого, так что ключник мог работать без опаски. Искусственные твари, кому бы они ни принадлежали, представляли собой простые вещи. Дьявольски умные, чрезвычайно хитрые, но сотворённые лишь с одной целью, для определённой миссии, за пределы которой выйти им не дано. «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...» Хм, а это откуда взялось? Ключник попытался вспомнить, но не смог.

Тьма, наполняющая поганую мелочь, расступилась, как плотный занавес. Штиллеру предстала картина безрадостная, но мирная. Дикая тёмная роща, редкий подлесок, буро-зелёная трава... идеальная иллюзия безопасности, в действительности – смертоносное болото. Если бы все покойники, жертвы оомекских топей, одновременно поднялись на поверхность, держась за руки, наблюдатель не увидел бы ни пятнышка зелени. Всё заполнил бы интенсивный чёрно-коричневый цвет костей нетленных болотный мумий: людей, животных, птиц. А также уродливых механизмов троллей, на которых эти смешные ребятишки пытались проложить через трясины свою вездесущую железную дорогу.

К счастью, мумии дремали на дне и не показывались. Пустые унылые ландшафты пронесились мимо зачарованного взгляда Штиллера с неестественной быстротой. Вдали показался особенно густой лес, где стволы, живые и упавшие, оплетённые вьюнком, задыхающиеся под одеялами мха, походили на руины древней крепостной стены. Нет, там и вправду была какая-то старинная развалина, даже колокол под аркой ещё ржавел в напитанном дождём воздухе. Рен надеялся рассмотреть строение поближе, но тут существо нырнуло, и ключник от неожиданности чуть не выпустил своё наблюдательное окошко. Некоторое время перед глазами колыхались ил, грязь и сети из мёртвых ветвей. Затем вязкая среда перед ним стала прозрачной, хоть это, конечно, было абсолютно невозможно. Тактильные впечатления ключ переводил в видимую картинку. Штиллер оказался лицом к лицу с творцом поганой мелочи, Хозяином Болот.

Огромное, величиной с королевский фрегат насекомое. Рен с гадливостью, которая совсем не пристала профессионалу, рассматривал мощный экзоскелет, рога и гребни, тонкие волоски, несомненно, ядовитые, окружающие три пары челюстей монстра, а также длинные коленчатые усики, вяло покачивающиеся в мутной воде. Из-под плоских надкрыльев были заметны прилипшие к телу крылья. Полёт этого ужаса представлять себе не хотелось...

Мысль о любом движении твари сопровождалась гусиной кожей и болями в животе. Возможно, гигантский таракан пребывал в анабиозе, во сне управляя своей армией чудовищ.

Монстр развернулся молниеносно, пара неподвижных фасеточных глаз уставилась прямо на наблюдателя. «Он меня видит, – подумал в панике Штиллер. – Нет, исключено!»

– Фин? – произнесло чудовище. – Финбицаро?

Нервы Штиллера сдали, он оборвал связь, отскочил в сторону, стиснул кулаки, сунул их в карманы. Финбицаро – незнакомое имя. Да, кажется, незнакомое. Монстр говорил с ним без применения телепатии. Всё это не имело никакого смысла.

Он медленно, осторожно, чтобы не спровоцировать нападение, стал отступать от Дома Гильдии вниз по мостовой. Тварь не преследовала. Отойдя на достаточное расстояние и завернув за угол, ключник быстро пошёл прочь, время от времени переходя на бег. Теперь он знал ответ на вопрос товарищей. «Взаимоотношения» Хозяина Болот и бедняжки Алисии Нойн могут строиться исключительно по схеме «едок-еда».

Спуск по крутым столичным улицам, перерезанным мелкими косыми ступенями, казался проще, чем подъём, зато через некоторое время напоминали о себе колени. Мол, привет, хозяин! Ты о нас и не думаешь, а ведь мы всё время здесь. Вечером будем ныть перед сном.

«Слепую рыбу» Штиллер не узнал: в ней было так многолюдно, что пришлось отложить минуту торжества до следующей встречи. Он пошёл проведать свою комнату, забрать сумку с парой дорогих безделушек на продажу и на лестнице чувствительно столкнулся с Ребеккой, чуть не уронив трактирщицу и погубив несколько кружек. Ребекка не обиделась – обрадовалась и потребовала подробностей схватки с некромантом. Штиллер еле вырвался: времени в обрез, вернусь из Оомека – расскажу обязательно! Хозяйка прокричала вслед, что в отъезде комната ему обойдётся в половину стоимости. М-да, а ключник-то понадеялся, что даром.

Комната ему понравилась: чисто, ватерклозет, вышитая наволочка... Камень-искатель переместился в потайной карман куртки. Штиллер передел штаны. Затем не отказал себе в удовольствии и уничтожил этот подарок наёмника-великана с помощью редкого, дорогого «ручного пламени». Ключник посидел немного на кровати, глядя на пылающие штаны, посвистывая сквозь зубы и наслаждаясь тем, что всё идёт не так, как задумано...

Пора! Он схватил сумку, выскочил на порог – и снова врзался в Ребекку: она собрала ему небольшой запас провианта на дорожку.

– Только пусть у тебя не войдет в привычку, – проворчала невидимая хозяйка, полу-серьёзно рассчитавшись с гостем лёгким подзатыльником. Кредит хорошего отношения Рен на том не исчерпал: в ответ на его просьбу Ребекка рассказала, как пройти от таверны на Узкую Улицу, к лавке букиниста. Голос хозяйки «Рыбы» показался ключнику недовольным и даже встревоженным, но, может быть, у Ребекки просто болел ушибленный бок.

Выходя из таверны, Штиллер махнул рукой Ларсу, но трактирщик, изнемогая от наплыва гостей, так его и не заметил.

У «Книги Судьбы» ключника никто не ждал: ни на пороге, ни внутри. Превосходно! Значит, оставалось время подготовиться к походу.

Лавка букиниста представляла собой книжные трущобы, строй горбатых часовых из тяжёлых фолиантов и сталагмиты из древних инкунабул. Владелец знал, где лежит каждая из них, и какая страница заложена высохшей ромашкой. Констант Понедельник был демоном. Король сам выдал ему грамоту на право жить в столице и вести гешефты – в награду, кажется, за усмирение запретноводного народца. Говорят, демон дико хохотал, внимательно рассматривая бумагу, а потом ответил Королю: «Не беспокойтесь, ваше величество, я этот документ

никому не покажу». И не показал. Но злые языки предположили, что будто бы разрешение составили неграмотно, позволяя всем демонам селиться в Лена Игел.

Сразу распространились слухи, что Король допустил оплошность намеренно.

Так или иначе, Понедельник служил бесценным источником информации обо всём. То, что демон был ещё жив, уже говорило о его фантастической компетентности.

– Здравствуй, Констант!

К демонам принято было обращаться, как к старым приятелям. Штиллер ошибся однажды по незнанию в Городе Ночь, столкнувшись с Однорогим А. Названные на «вы», адские твари становились убийственно серьёзными: интересовались частями тела на продажу, поработали, как могли, – словом, вели себя не по-людски.

– Взаимно! – после короткой паузы радостно проорал демон откуда-то изнутри. – Слышал, слышал уже, на болота намылились! Удушающая атмосфера, редкая флора, непредсказуемая фауна! Вот... – букинист перебрал ключнику книгу, а затем ещё одну, потолще, в тиснённом переплёте. Штиллер поймал и, присев на маленькую гостевую табуреточку, начал читать:

– Взмолился купец: «Не губи меня, чудище болотное, отпусти меня домой, к жене молодой, к дочерям-красавицам». И ответил царь тёмной трясины: «Отпущу тебя, если исполнишь волю мою трижды. Сперва приведи мне коня ночного, демоницу, что по диким топям, как посуху, ходит, – то прекрасной девой, то чёрной кобылицей безногою, то змеёю холодной, ядовитой. Потом достань из глубины тёмной, из самого места проклятого, топкого клад цены непомерной. И ещё спрячься от меня, от моего глаза волшебного, всевидящего, да так, чтобы не нашёл я тебя, не поймал и не съел. Справишься – останешься жив».

– Не то? – Понедельник, материализовавшийся за левым плечом, выхватил из рук Штиллера книжку и небрежно засунул в ближайшую стопку. Та закачалась, но не обрушилась. Зато Штиллер против воли обратил внимание, что за приоткрытой на другом конце лавки дверью сушится связка освежёванных шушунов. «Когда они ели шушунов, я молчал: я не шушун...» – неприязненно припомнил Штиллер фразу из старой отцовской книги. Он сосредоточился и выкинул её из головы. А букинист тем временем совал ему в руки потемневший от времени свиток:

– Не давайте имени болоту, что лежит за хребтом Амао в землях оомекских, – прочитал ключник, – Не ходите туда, не селитесь на берегах. Не то зловещая бездонная топь придёт ввечеру под окошко и постучится в дверь. Голос из трясины позовёт вас...

– Нет, не то! Всё не то! Погоди-ка... – демон жестом базарного чародея выхватил из раскачивающегося нагромождения книг криво сшитую тетрадь, этакий рукописный дневник. На обложке из единорожьей кожи выжжено было: «Путешествия Эрика Цвикерата Михинского».

«Я бывал на оомекских болотах и ни разу не встретил ничего экстраординарного. Блуждающие огни не показывают, где лежат проклятые клады, это глупые суеверия местных жителей, а может, тролльи легенды. Так называемый „Хозяин болот“ – я часто беседовал с ним – вполне разумный человек, хотя и выбрал непонятное нам, жителям городов, отшельничество. Он – образованнейший маг, знаток языков и древних старомирских традиций. Требуется послушания от своих творений, но не заставляет их страдать. Всё, что нужно так называемому „подводному владыке“, – чтобы его оставили в покое. К сожалению, пересечь трясины через руины времён Войны Городов вошло в обычай проверки мужества у местных и приезжих рыцарей. То и дело открывается сезон охоты на так называемую мелочь поганую. Её загоняют большой группой, потом окуривают над костром и лепят из получившейся глины домашнюю утварь. Считается, что одушевлённые капли, если их не „исцелить огнём“, насылают болезни и порчу, от них скисает молоко, а у девок высыпает простуда на губах. Вместо того, чтобы просто не приближаться к...»

На странице рядом с текстом Штиллер увидел рисунок, изображающий монстра. Прежде их делали гораздо более человекообразными.

– Старьё, дневникам триста лет в обед, а ведь у меня кое-что и поновее найдётся, – букинист уже держал обещанную находку в лапах.

Штиллер поднял голову от текста и с благодарностью посмотрел на Константа, впервые получив возможность разглядеть торговца литературой с небольшого расстояния. Ключник слышал о демонах и немало ерунды, и поистине ужасные вещи. Видел следы нападения одного из них на Опрокинутую башню Города Ночь. Тем не менее, оснований для беспокойства не было. Понедельник выглядел, несмотря на весь арсенал клыков, двухметровый рост, рога и когти по предплечьям, не страшно, а, скорее, значительно. Вызывал почтение и в какой-то мере сочувствие: габариты букиниста совершенно не соответствовали размерам лавки. Словом, он был совсем как книги. Таинственный, могущественный, но уютный и свой.

– Эрик Цвикерат! – хохотнул Констант, показав на затейливую виньетку-ропись на обложке дневника. – Знаменитый путешественник и создатель наименее достоверного bestiaria Оомека! – демон подмигнул, отобрал у Штиллера записки прославленного бродяги и добавил:

– Цвикерата съел Амао, и мне в какой-то мере понятно, почему. Не понравилось, что его без разрешения рисуют. Вот ещё раритет, смотри!

«Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь: поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза...»

– А эт-то ещё откуда здесь взялось?! – демон с неописуемым выражением морды отобрал у Штиллера очень старую, до дыр зачитанную книгу с изображением героя в забавной шляпе и с трубкой. Ключник был уверен, что Констант пошутил, а он шулки, к сожалению, не понял.

– Можно, я что-нибудь возьму с собой? – попросил ключник, ощущая в голове хорошо промешанный салат с капустой.

– Тридцать монет. За десять получишь взаймы, вернёшь в том же виде, что брал, за любой дефект заплатишь кровью... шутка! Как нервны современные люди! – Констант снова хихикнул своей непонятной остроте. – Вот, кажется, сгодится.

Книга называлась скромно «Общая теория болота».

«Болота эпохи Заселения возникли в результате попытки магов Приводья добраться до Острова посредством возведения дамбы. Образовавшаяся бухта, отрезанная от основного резервуара, радикально изменила свои свойства. В ней завелись уникальные существа – агрессивные, обладающие собственной злой волей, тогда как сама вода потеряла токсические свойства и теперь вполне годится для питья...»

– Токсищ-щ-щские свойства! – проорал демон с восторгом. Рен заглянул в конец страницы и нашёл там следующий пассаж:

«...любая стоячая вода привлекает стирающих баб: в таком водоёме можно полоскать бельё, не опасаясь быть унесённой течением. А где бабы, там злаязычие, наговоры, привороты, чёрная магия. Против собственных подруг и сестёр без стыда плетутся «венки зависти» (Рен не представлял себе, что это такое, и знать не хотел), на ветви ив подвешивают кукол, заманивающих маленьких детей. К воде становится небезопасно ходить, по берегам вырастают недобрые травы, ядовитые цветы. Кто-то в уединённом месте находит невиданное мёртвое существо или непонятный, пугающий предмет. Водоём объявляется проклятым.

Нечисть, обитающая в окрестных лесах, переселяется в оставленный край под защиту проклятья. Пищевая потребность у монстров, как правило, значительно скромнее челове-

ской при аналогичной массе: чудовищу редко требуется кормить семью, ему незнакома концепция лакомства при отсутствии голода, оно не практикует приятельское угощение. И всё же нападения время от времени случаются. Запрещённые Гильдии Некромантов и Охотников, которых следовало бы звать Браконьерами, проводят на холмах сезонные праздники и тайные ритуалы, складывают костяные алтари, ставят ловушки. Этот неразумный труд уничтожает дикую красоту местного ландшафта. Зарождается иной биотоп. Его твари уже не способны выжить больше нигде и жрут друг друга, не уважая никаких союзов, даже семейных и клановых. Наконец, на дне водоёма строит себе уединённое жилище какой-нибудь могущественный чернокнижник, берёт под контроль творящиеся в окрестностях бесчинства. Результат: полноценный некротический «организм», гигантский паразит сложного состава, питающийся мясом и духом своих жертв.

Хуже того, паразит, наделённый разумом и способный к чародейству».

Демон выхватил у гостя книгу и стал бешено листать её. Найдя нужное место, он вновь сунул фолиант под нос ключнику.

«Дом болотного волшебника расположен на дне. Найти его просто, следуя каменному лабиринту. Обычно жилище погружено в темноту, обитатели его пренебрегают зрением в пользу слуха и осязания. Но, когда владыка Чёрной Трясины принимает гостей, его дом наполняется приятным мерцанием гнилушек и странными звуками: далёкими криками, глухими вздохами, которые тут, в глубине, называют музыкой».

– Был полезен? – поинтересовался хозяин лавки «Книга Судьбы».

– Весьма, – степенно ответил ключник, со вздохом протягивая хозяину лавки последние свои десять монет. Книга устроилась в сумке между гостинцем Ребекки и «пустотой» из Города Ночь, редким инструментом для отпирания дверей под водой. Рен хотел бы сообщить господину Понедельнику, что знает, как выглядит «болотный маг», и потому с трудом представляет себе гостеприимство такого существа. Но права не имел: метод, которым была получена информация, являлся частью цеховой тайны.

3.

– Рен! Ты здесь? Пора! – Бретта ворвалась к букинисту. Взметнулся рой неприкаянных страниц, но сразу улёгся на свои места. – Нашёл что-нибудь?

– Да, в поезде почитать...

– Мы едем? – из-за плеча у Бретты выглянула глумливая физиономия Минца, выражающая саркастическое нетерпение. – Или бежим следом? Закат скоро.

И они действительно чуть не опоздали. Дольше даже, чем Рена, пришлось ждать Алисию Нойн. Явилась она совершенно без багажа. Минц сообщил, что многие заказчики пребывают в заблуждении: раз наняли команду, та обязана их кормить и заботиться о комфорте. А на самом деле – наоборот! Дочь Прово, глядя в зеркальце и осторожно массируя опухшие покрасневшие веки, ответила: заблуждений на этот счёт у неё не имеется.

Заход на базар за сапогами был поистине молниеносным делом. Минц повёл сразу к знакомому мастеру, командующему целой оравой шушунов. В считанные минуты у них получились простые и надёжные сапоги, достаточно уродливые, чтобы их не жаль было по завершении миссии немедленно в болото и выкинуть. Хозяин лавки, стыдясь топорной работой своих безглазых подмастерий, подарил Штиллеру две неплохие медные пряжки для ремня. «Здорово! – подумал ключник очень мрачно, переобуваясь и засовывая подарок в карман. – Так и вижу некролог в «Минихском листке»: остались от Штиллера пряжки, сапожки...

Покидая столицу через Тролльи Ворота, путешественники заметили и поприветствовали чету вернувшихся с Острова садовников, вчерашних знакомцев. Мать и отец, всё ещё бледные, но с решительными, сосредоточенными лицами, куда-то спешили в компании Фенны-ясновидящей. На пожелание здоровья они не ответили, лишь взглянули встревоженно, как на назой-

ливых незнакомцев. Бретта приготовилась задать им не менее сотни вопросов. Но Минц протонал и с энтузиазмом голодного вурдалака повлёк спутников к Вокзалу.

Железнодорожных троллей можно упрекнуть в принципиальном отказе от мыла, в прожорливости (порой даже по отношению к пассажирам и рабочим частям механизмов), в неуклюжести на поворотах – справедливо и громко упрекнуть. Но только если с утра маешься зубной болью и мечтаешь расстаться с её виновником незатейливым и brutальным способом.

Надо отдать им должное, тролли пунктуальны. И только они способны управляться с невообразимой конструкцией – железной дорогой, случайно попавшей в Новомир. Тролли, гениальные механики (к счастью, это никак не проявлялось наружно), происходили из тайного поселения «Депо». Там они ремонтировали поезда, раскрашивали их, расписывали охранными рунами – и кто знает, что ещё. Утверждалось, что ни один нетроль ещё не входил в Депо.

Да и зачем бы?

Когда команда наёмников с заказчицей явились на Вокзал, поезд уже стоял: стреноженный, накормленный, воняющий ядом, во всей своей безумной красе, готовый к отправке незадолго до исчезновения Солнца. Троль по имени Машинист с виду напоминал мохнатый камень в халате. Он сидел, поджав лапы, на платформе и «продавал билеты».

Бесмысленный, но красивый ритуал очаровывал пассажиров. Они охотно делились с Машинистом сладостями, рыбой, яблоками и пивом. Всем было интересно, что делает троль с их подношением. Одно он засовывал в отверстия на теле: например, в ухо вместимости изрядной. Другое немедленно съедал. Третьему оказывал знаки трогательного уважения: сажал в своё кресло внутри локомотива, благодарил за честь совместного путешествия. Взамен выдавались маленькие квадратные кусочки пергамента. Ловкие, гнущиеся в немыслимых направлениях пальцы Машиниста придерживали кучу подарков одновременно, справляясь и с раздачей «билетов». Монеты предлагать троллям было бесполезно и скучно. С ними Машинист поступал всегда одинаково: с размаху, со свистом зашвыривал вдалёк.

Штиллер нетерпеливо ждал, когда очередь дойдёт до него. У ключника имелся свой, особый способ попасть на поезд. Когда тролья лапа выжидательно раскрылась перед ним, он продекламировал:

– Если деньги нашёл, утром двинувшись в путь,
Ты ленивых засонь не спеши упрекнуть.
Ведь бедняк, что кошель потерял на дороге,
Знать, ещё до рассвета отправился в путь!

Троль некоторое время молчал, выкатив глаза, улыбаясь всё шире и шире, а потом довольно забулькал и протянул Рену билет.

– Просрочено, – прокомментировал Машинист. – Рассветным ехать с таким билетом надо было, а теперь закат. Ничего, в одну сторону повезу. Сам придумал?

– У кого-то подслушал, – честно признался Штиллер. На Станции Нигде, на тролльих ежегодных бранных поединках, ключник слышал всякое, порой рифмованное. Такой стих, кажется, назывался хайям.

– Отправляемся, – пробормотал троль и, не вставая, отворил дверь в вагон. Все желающие ехать, с билетами и без, поспешили внутрь. Машинист полез в локомотив, стал тянуть за цепи и рычаги – словом, колдовал, как мог.

Поезд выпустил облако радужного дыма, затрубил и побежал, набирая скорость. Рен почувствовал резкое, как удар, ощущение неустойчивости и потери – нехарактерное для пассажира. Обычно ключник, наоборот, был беспричинно счастлив внутри надёжного, забавного

тролляего механизма. Потом он вспомнил о возможной причине и заметил мелочь поганую, прилипшую к заднему окну вагона. Штиллер окинул сочувственным взглядом хмурые лица попутчиков и молча указал им на монстра.

– Так, я вынужден... – Минц не договорил, несколькими шагами одолел расстояние между их скамьей и задним окном, рывком сдвинул стекло и, не колеблясь, спихнул тварь на рельсы. – Прошу прощения у женщин и детей, – присовокупил наёмник коротко, садясь на место. Плащ он, кстати, так и не сменил.

Штиллер надеялся, что наглец Минц не имел в виду его, упоминая о детях. Видимая разница в возрасте у них была некритической, в рамках одного поколения. Пора бы уже понять, что возраст – результат личного могущества и вкуса. Апеллировать к нему обожали только идиоты.

Но после исчезновения болотницы сердиться на попутчиков расхотелось. Все выдохнули с облегчением, заулыбались и завертели головами, любуясь на живописную долину между Хребтом Амао и столицей. В сумерках широкое поле, расшитое затейливым узором тропинок, озарял глубокий сиреневый свет Вод. Время Луны должно было настать позже, в Оомекской области.

– Рен, что это было? – Бретта подскочила с воодушевлением. – Тролли берут плату за проезд стихами. Кто бы мог подумать, что они в таком разбираются!

– Не слишком уж разбираются, – скромно признал Штиллер. – А то сидеть бы мне на Вокзале. Сейчас будет красивое место, так называемая Яма, – ключник сменил тему, не дожидаясь, что Минц подтвердит его поэтическую несостоятельность.

Поезд загремел по мосту. Под ним на мгновение раскрылся бездонный провал, наполненный туманом. Сам мост, держался, видимо, на уверенности пассажиров, что катастрофа произойдёт не сейчас, а со следующим поездом.

– Красивое место? – Алисия отшатнулась, прикрыв глаза, подождала, пока туман остался позади, и поезд заскакал по извилистому пути у подножия гор. – Скорее бы Оомек!

– Ждёшь не дождёшься увидеть своего владыку и повелителя? – Минц мог быть ядовит не только для ключников. Штиллер тоже удивился: амулетное дело, понятно, требует присмотра, но торопиться на болота стоило, только имея хороший план. Общую стратегию. Пусть бы тень замысла. Если имелись таковые, от ключника их тщательно скрывали.

– Ха-ха, – произнесла нанимательница угрюмо. Глаза её снова припухли, но девушка проявляла беспримерное самообладание. Расстроенной её видели, в слезах – никогда. Штиллер решил, что Алисия в полной мере полагалась на компетентность спутников и мечтала поскорее вернуться к повседневным амулетным хлопотам. В Оомек и назад, чего уж проще...

– Минц, с чего начнём, как прибудем? – Бретте наскучил однообразный предгорный ландшафт, лужки и нагромождения камней, неустанно повторяющееся в низком вагонном окошке. – Ищем Прово? Попутно режем всё, что встанет у нас на пути, на удобные ломтики. Идём к чародею, воздействуем на него словом и оружием, он отказывается от претензий, мы отправляемся домой? – для Бретты задание было практически завершено.

Штиллер пожал плечами и закрыл глаза. Поезд плясал, читать оказалось невозможным. Поганая мелочь висела под вагоном. Ключник знал об этом, остальные тоже, но что оставалось делать?

Бесконечно тянулся хребет Амао с крепостью Элмш на недостижимой высоте. Штиллер там не был. Наверх возможно было попасть, только если за тобой послали грифона, слугу Островитян, построивших крепость вдали от чужаков. По-настоящему в Баронство Элмш и не хотелось. Рассказывали, что горцев настигло какое-то проклятье. Сами элмшцы почему-то связывали неприятности со скалой-основанием, на которой возведён был баронский замок.

И всерьёз искали героя, способного убить скалу. Минц рассказал, глядя на серебристые шпильки Элмша в облаках, что мастер Ю получил как-то письмо с предложением уничтожить камень за десять тысяч монет, то есть, за всю казну баронства. Старик ответил вежливо, что не видит смысла в убийстве скалы: если её не станет, крепость сорвётся вниз, все элмшцы погибнут.

– Нужно будет взяться за это дело на обратном пути, – закончив историю, предложил буролесец без улыбки. Алисия посмотрела на него так, словно только что впервые задала себе вопрос, кто же они такие, её попутчики.

Пещеру дракона снизу увидеть не удалось. Ключник бывал в её нижнем наружном уровне, открытом для осмотра приезжими. Хозяин, разумеется, не показался, никто и не ожидал. Пещеру украшали портреты, панно и мозаики, изображающие фантастическое создание в полёте, лежащим на груди золота и рыбы, под водой и в малой ящероподобной форме на троне города его имени. Дракон владел Амао уже лет пятьсот. Кому территория принадлежала прежде, никто не помнил. Жители освоили драконье наречие, кормили монарха рыбой из Запретных Вод. Когда гости из столицы позволяли себе нескромные вопросы о жертвах-девственницах и жёнах владыки, заключённых будто бы в легендарную Белую Башенку внутри пещеры, смотрительницы мечтательно заводили глазки и вздыхали томно.

Путешественники обсудили личную жизнь Амао.

– Он же хладнокровный, буэ, ящер! Как он с ними вообще? – Бретта выглядела преувеличенно-рассерженной. Было похоже, что кто-то её возмутиться попросил – и даже плотвы подкинул соответственно.

– Ну, как... Медленно, вероятно, – усмехнулся Минц, – как крокодил какой-нибудь.

– Фу, нет, я не о том. Не могу поверить в любовь к ящерице, пусть и богатой до тошноты. Нацепила ты все цацки из сокровищницы, в золоте от пяток до кончиков волос, по три кольца на каждом пальце на ногах, – наёмница высунула из-под лавки сапожки и поболтала ими для убедительности. – И всё равно в Башне сидишь. Кому любоваться, завидовать, кроме, может, шушунья под лавками? Смысл? И дракон к тебе, чешуйчатый гад, под одеяло лезет. Представь себе...

Собеседник, похоже, так сделал, потому что вытянул шею, высунул язык и приготовился для совершения известных телодвижений. Алисия, не раздумывая, треснула его по шее. Физиономия Минца приобрела удивительное сходство с тунцом, заметившим, что по невнимательности забрёл на пристань. Буролесец с изумлением и интересом подождал, но младшая Нойн не извинилась.

– Хватит поросячиться, – попросила Бретта, одобрительно, по-дружески косясь на дочь Прово. Похоже, идея рукоприкладства по отношению к хамоватому наставнику казалась до сих пор заманчивой, но невоплотимой. – Представь себе: редуцирующий амулет отказывает в самый неподходящий момент...

– Да, это было бы страшно неудобно для обоих супругов, – серьёзно подтвердил Минц, очарованно улыбаясь Алисии. – Причём господину Амао – дольше, чем его избраннице. Ему пришлось бы чиститься...

Нанимательница попробовала произвести ещё одно оскорбление действием, но на сей раз наёмник был начеку и перехватил её ручку. Все обратили внимание на поцарапанные, в тёмных пятнах пальцы младшей мастерицы-амулетницы. Поразительно: руки столичной моднице полагались по канону белые, нежные, может быть, с парой-тройкой лишних пальцев с учётом профессии. Буролесец хотел задать какой-то бестактный вопрос, но передумал, ладонь нанимательницы отпустил и рассказал древний непристойнейший анекдот про оомечку и бугоя. Ему возразили, что драконы гораздо противнее любых болотных чуд, даже безногих бугоев. Пока народ пререкался и ехидничал, ключник помалкивал. Он был недоволен темой разго-

вора. Амао внушал Рену уважение и ребячий восторг. Ещё в детстве Штиллер изо всех сил пытался превратиться в дракона, но не смог.

На станции «Амао» вагон почти опустел: три дня назад в городе завершился так называемый «Осенний танец», но горожане по традиции доплясывали на улицах аж до следующего полнолуния. Те, кто стоптал башмаки до дыр, отправлялись по домам. На платформе стояло немало народу. Гномы с сумками настолько огромными, что неясно было, кто кого везёт. Ночеградцы, время от времени вполголоса напоминающие друг другу, как только что выглядели. Семья неверцев с ручной брюквой через плечо.

Но никто в вагон не вошёл. Такая тяжкая тоска исходила из распахнутых дверей и сидела под каждой скамьёй, что народ потолкался, поглядел – да и отошёл. Решил подождать следующего поезда.

Город окончился строем маленьких избушек, похожих на охранников границ Амао в Приводье. Оомек приближался невидимо в кромешной тьме, пока Луна, вспыхнув, не осветила совершенно переменившийся ландшафт. Горы остались позади, в окошках с обеих сторон замер неопрятный осенний лес. Попутчики перекусили хлебом с сыром и печеньем Ребекки. У Бретты в сумке нашёлся чудовищно кислый эль и Катеровы пряники, твёрдые, как тролльи рога. Разговоры постепенно стихли, команда задумчиво обзревала предстоящее «поле битвы». Машинист гнал, как безумный, словно стремясь обогнать ночь. Ясно, ему тоже не нравился этот рейс.

Рен задремал, и снова оказался в Михине. Мать, он знал, ушла на Рыбий базар, отец работал на чердаке. В доме было пусто, книги перешёптывались между собой, и нечто чудовищное, непохожее на привычных портовых монстров, тихо приближалось со стороны Вод. Штиллер уронил голову на плечо Бретты и рывком выскочил из тяжкого сна, изнемогая от усталости и боли в недолеченной ноге. Девушка смотрела на него с сочувствием, но не обидным, а ободряющим. Сама же выглядела на удивление свежей, ничуть не уставшей. Казалось, она превосходно выспалась прошлой ночью, а не сражалась с одержимым деревом. За окном погасла Луна. Воздух медленно наполнялся серым и розовым светом утра.

Постепенно поезд замедлил ход, точно болезненное оцепенение мало-помалу овладевало им, а уныние проникло в сердце механического чудовища и грызло там колесо за колесом, клапан за клапаном. Вагон тащился, спотыкаясь и кашляя. Наконец, всё затихло, пассажиры качнулись вперёд... назад...

– Оомек! – крикнул тролль.

4.

Четверо спрыгнули из вагона прямо в грязь. Здешние тролли, похоже, не слишком много внимания уделяли комфорту пассажиров и даже не положили платформу, не построили хоть какой-нибудь плохонький вокзал.

– Хей, господин Машинист, где тут болота, а где город? – крикнул Минц из-под капюшона. Снаружи моросил гнусный ледяной дождик, все четверо старались показать ему как можно меньше кожи.

– Город? Та-а-ам... – тролль вытянул палец вперёд, за холмы.

«А ведь верно, – вспомнил Штиллер, – был в Оомеке вокзал, был! Паразит мохнатый нас попросту раньше высадил!»

– А болота-то? Они повсю-у-уду! – прогудел Машинист, протяжный гудок слился с его голосом, вагон тронулся. И сразу в грязь шмякнулось что-то ещё, растворилось в ней.

– Э, как тебя... пакость мелкая, что ли, – пробормотал Штиллер. – К ноге! Дальше ты поведёшь.

Но существо вставать не торопилось. Оно соскучилось по родной грязи, и теперь с наслаждением отдыхало в большой холодной луже.

Минц громко прокашлялся. Ключник тоже заметил, что здешняя сырость хватается его за шею, как убийца в переулке. Не пройдет и двух дней, как пропадет голос, захлопает нос, а главное – под воду лезть еще. Он вспомнил таракана и вздрогнул – промозглый воздух был лишь отчасти повинен в этом. Минц покрутил головой, разбрызгивая воду с капюшона. И предложил:

– Поднимемся вон на тот пригорок, там обзор поинтереснее. Я к Оомеку с этой стороны не подъезжал. Осмотримся. Может быть, поймем, куда идти.

И они, конечно, полезли вверх. Взобравшись на холм, ключник согрелся и больше не ощущал неприязни к предстоящей миссии. Вдали посверкивал редкими огнями Оомек, небольшой городок, точнее, деревеньки, сбившиеся вокруг здешних легендарных источников. Вода – питьевая, целебная, приворотная, живительная, пьяная – составляла уникальное и единственное богатство оомечей. Ее экспортировали повсюду, особенно вглубь, в Пустозем, до внешних пределов Новомира.

Ключник повернулся и увидел цель их путешествия. Бесконечные трясины везде, куда доставал взгляд. Вдали за редкими кривыми осинами возвышалась над топью бесформенная тень. Руины древней крепости.

– Думаю, нам туда, – сказал Штиллер. Остальные не возражали.

– А змеи тут водятся? – Бретта осматривала холмы и зеленоватые озера, темнеющие у ее ног.

– Змей тут хватается, – задумчиво пробормотал Минц, все еще изучая ландшафт, измеряя пальцами расстояния. – А воды питьевой у нас маловато. Болотную мы, чтоб сразу стало ясно, пить не будем.

– Почему? – сварливо поинтересовалась Бретта.

– Не исключено превращение, например, в лягуху. Впрочем, ты пей, тебе пойдет.

Наёмники вяло переругивались, прохаживаясь по холму. Штиллер обернулся на Алисию. Та стояла на краю травяной площадки и... улыбалась до ушей. Кажется, впервые на виду у спутников.

– Какие же они замечательные! – воскликнула она и отвернулась от распахнувшихся ртов и непонимающих взглядов. – Болота! Зачарованная земля моего детства. Мы родом из здешних мест, понимаете? Я уж думала, что узнаю каждую травинку по рассказам, по маминым воспоминаниям, а нет. Ни цветов, ни ягод. Хотя – осень! Знаете, по дороге к топям мы встретим один источник, сможем напиться и переночевать. Тут издавна строили у воды, рядом с каждым родником – по несколько дворов. Где Оомек, там дома стоят кучно, потому что колодцев много. Если не путаю... меня последний раз к деду с бабкой в пятилетнем возрасте в гости возили... в той стороне, – Алисия показала немного в сторону от далёких руин, – должен быть их дом. За высокими ольхами. Навестим?

– А почему тебя потом к старикам больше не возили?

Дочь мастерицы-амулетницы пожала плечами.

– Мама с родителями поссорилась. Дед меня потерял на болотах. Наверное, сама отошла цветочки рвать. Какая-то лошадь приبلудная меня домой привезла. Мама ужасно кричала, мы сразу уехали обратно в Лена Игел. И потом совсем редко разговаривали через котов. Я каждый раз на Годовой Поворот посылала весточку, что мы здоровы. Или к нам кот заходил в лавку, передавал привет взамен на обереги. Мама не возражала.

Алисия закончила шёпотом:

– Она в последнее время ни с кем не спорит. Сидит себе в углу и в окошко смотрит. Как будто ждёт чего-то.

Минц, вышагивающий впереди, остановился, ухватил кривоватую, но крепкую берёзку, забрал у Бретты топорик и срубил деревце.

– И вам тоже советую! – наставительно произнёс он. – Ищите крепкую длинную палку, примерно раза в полтора повыше вас, лучше с рогатиной на конце. Эта штука вам ещё жизнь спасёт!

Поганая мелочь, подёргиваясь на ветру, тащилась шагах в двадцати позади группы, не отставая, но и не приближаясь.

Расстояния в оомекском краю вводили в заблуждение даже бывалых бродяг. Минц надеялся уже к полудню добраться до родственников Алисии. Но пришлось тащиться целый день, прежде чем приятели вышли к посёлку у родника. Древние, крепкие постройки окружали простой каменный колодец с журавлём. Ворота всех дворов выходили к нему. А к болотам повёрнута была глухая стена, ни окошка не смотрело в ту сторону. Алисия подвела наёмников к одному из домов. Красили и подновляли его очень давно. Три большие грязные собаки выбежали навстречу, коротко облаяли для порядка, но к дверям подпустили, присели, наблюдая за приезжими, готовые в любой момент попробовать их на вкус. Алисия стукнула в окно. Оттуда на четверых приятелей уставилась невообразимо древняя старуха.

Сам вид её способен был напугать или вызвать недоумение.

Все женщины тратили немалую часть личной магии, чтобы выглядеть моложе. Для большинства такое поведение было чуть ли не инстинктивным – кроме лесных ведьм, убеждённых сторонниц «натуральной красоты», усатых леди с бородавками на носу. Таким образом, шутка о трёх возрастах женщины («девушка – молодая женщина – бабушка умерла») описывала почтенную многовековую традицию. Так сказал бы Штиллер, объясняя, почему ему стало неуютно при виде бабушки Алисии. Он сразу подумал: «На что растратила своё могущество ведьма, если у неё не осталось даже на прямую спину и ясный взгляд?»

– Бабушка! Это я, Алиска.

– Хорошо, – спокойно ответила старуха. – Ты – маленькая Алиска. С друзьями твоего отца. Погодите, открою дверь. А вы мне пока воды из колодца наберите, ведра у крыльца стоят. Окно захлопнулось. Из-под крыльца показали ушки четыре ведра.

– В колодец долго-то не смотрите... – донеслось едва слышно, – утянет...

– Спасибо! – крикнул Минц и буркнул угрюмо: – Думал: предупредит или нет?

Он осторожно, оценивая опасность, подошёл к колодцу и сдвинул крышку в сторону.

Вода плескалась на глубине трёх-четырёх локтей. Жердь-стрела журавля закричала жалобно, протяжно. Наёмник быстро перелил воду в старухино ведро и снова потянул цепь вниз, не заглядывая в воду. Рен подставлял ведра, чтобы дело шло быстрее. Только на мгновение он не выдержал, заглянул внутрь – и его взгляд встретился с чужим. Казалось, сама вода смотрит на него из колодца, а солнышко плещется в ней маленьким ненавидящим зрачком. Но день был облачным и клонился к закату...

Минц ловко снял с края деревянного сруба последнее ведро, перелил, задвинул крышку и только тут перевёл дыхание. Бретта и Алисия подхватили по ведру. Они осторожно, стараясь не расплескать, внесли воду в дом. Старуха посторонилась, пропуская внутрь, зажгла светильники, махнула рукой: проходите, не заблудитесь. А сама сразу ушла.

– Где дедушка? Он здоров? – крикнула вслед Алисия, но ответа не получила. Компания молча прошагала по неосвещённому коридору в гостиную. Дом пришёл в полное запустение. Похоже, даже шушуну оставили его. В гостиной оказалось светло, тепло, но странно. Повсюду свисала паутина, кое-какие ставни держались на одном гвозде. Широкий стол был завален кусками дерева, стружкой, опилками, среди них прятались столярные инструменты, обрывки веревок, кусочки дублёной кожи, пятна олова, поблёскивающие камушки. Один конец стола

был освобождён от хаоса. Там на прожжённом в нескольких местах полотенце стоял кувшин молока среди хлебных крошек.

За столом сидел старик – высокий, широкоплечий, бородатый, одетый по-оомекски в длинную рубаху по самое «больше некуда» – и вытаскивал из деревяшки то ли небольшую тарелку на ножках, то ли маску без прорезей для глаз.

– Дедушка!

– Алиска приехала, – удивился старик. – Настоящая.

– Они все четверо настоящие, – доложила старуха с порога комнаты. В руках у неё был горшок с чем-то горячим. – Я проверила. Болотные твари хотят не хотят – сразу в колодец сигают, – объяснила она доверительным шёпотом, и вдруг объявила громко: – Ужин! – Бретта и Рен аж подпрыгнули. И не только они. Вся утварь, весь бедлам на столе подскочил под тёмный потолок – да так там и остался висеть. Минц присвистнул с уважением.

– Долго ведь не продержится? – осторожно спросила Бретта.

– А нам долго и не надо, – довольный произведённым впечатлением, ответил дед. – Работы много, через неделю явятся гномы из Еремае, а у меня половина амулетов не готова. – Так что за дело! – и он раздал каждому по ложке.

Ели по очереди из горшка какую-то сытную овощную мешанину. Рен этот оомекский обычай знал, а потому и не удивился. А вот Алисия такие нюансы предпочла не запоминать, выловила ложку-другую сбоку и объявила, что сыта. В заключение полагался сладкий травяной чай из гигантских кружек, их пришлось брать на колени: на стол со звоном и стуком уже опускались амулетные заготовки.

– Рассказывайте, чего притихли! – потребовал дед тоном королевского гвардейца, поймавшего на базаре торговца иллюзорной рыбой.

И ему выложили всю историю о сделке зятя. Старик долго читал договор через толстое прозрачное хрустальное яйцо. Затем, строго взглянув на Минца, сидящего напротив, спросил об их намерениях. Тот ответил: собрались с утра на болота. Поговорить. Откупиться. Пригрозить...

Дед хмыкнул:

– Ага-ага. И как вы на болото попадёте?

Этого вопроса никто не ожидал.

– Э-э-э, вы об опасностях, связанных с переходом через трясины? – уточнил Штиллер.

– Нет, я о том, каким образом вы туда попасть-то задумали?

Выяснилось: уже некоторое время топи для путешественников недоступны. Самая гиблая, зловещая территория за Оомеком однажды спряталась, удалилась в легенды и страшные сказки. Знакомые тропинки незаметно сворачивали к чужим колодцам. Где прежде проезжали целые неверские телеги, вырос кустарник с ядовитыми цветами и такими же манерами. Болота никуда не делись: останки башни в их тёмном сердце хорошо видны были с любого холма. Просто подойти к ним поближе стало невозможно.

Что, по сути, совсем неплохо, заметил дед. Меньше трупов и пропавших без вести. Подоомекская область с её родниками и ягодными оврагами становится привлекательной для гостей. Доставка воды упростилась. По окрестностям водят группы «охотников». Поймать им, правда, удаётся разве что лягушек-алмазниц. Да стадо бугоев разглядеть вдали, если повезёт. Но приезжие, особенно столичные и ночеградцы, всё равно остаются довольны.

Если гости не верят, могут поутру отправиться на болота. Внучку же старики задумали свозить к тётке, живущей по соседству.

– Нет, я с остальными пойду, – нерешительно возразила Алисия.

– А сходи, деточка! – ласково согласилась бабушка и подмигнула мужу. – Погуляйте кругом, цветочков соберите...

Минц фыркнул.

– А если выйду к болотам? – язвительно спросил он.

Старики помолчали, не поднимая глаз. Очевидно, тайный ход к трясине был им известен. Однако делиться секретами дед с бабушкой и не думали.

– А если... Нет, Маруш, не говори, кто его знает? Вдруг? Тогда будь начеку! Легко ходи, будто чтоб спящих в трясине деток не разбудить, – страшно сказал дед. – Наступил – сразу вторую ногу вслед тяни, как зимой по льду. На топком месте не стой, не то увязнешь, устанешь. Деревьев, кустов, кочек держись, зелёнь-мох на воде обходи. Палкой тропинку перед собой пробуй. А идёшь – держи палку поперёк, – старик показал, сжав пальцы в кулаки перед грудью. – Провалишься – удержит, по ней и выберешься. Знай кати, вперёд перебрасывай, за кусты цепляй. Ноги увязли – не бейся, не ори, не топочи без толку, ещё вернее в трясину уйдёшь. А лучше упади на колени али даже плашмя в грязь – и змеёю назад ползи, туда, где ещё на крепком стоял. Что я забыл, Маруш?

– Дорогу отмечай, чтоб назад воротиться, – пожала плечами бабка. Похоже, она совершенно не верила, что советы пригодятся. – Гурьбой не толпитесь, разойдитесь шагов на десять друг от друга, след в след за первым ступайте...

– Но не там, где под ногой трясина рвётся, дрожит, – поправил старик. – Есть верёвка у вас? Если нет, дам: первого обяжете, чтобы вытащить. Если что.

– Под водой много старых гнилушек, ноги себе о них переломаете! – вспомнила старуха. – Сумки несите так, чтоб их легко сбросить было. Вот и всё. Спать пора. Я вам в большой гостевой спальне постелила. Выспитесь, а поутру и болото ваше, небось, найдётся.

5.

Штиллер ещё успел подумать, что прошлой ночью чуток подремал в поезде, а до того не спал, обморок не считается, – и сразу задремал. Минц тоже дисциплинированно занялся просмотром сновидений, как и подобает буролесцу перед охотой. Бретта и Алисия проболтали далеко полночь, выяснив, что по невероятному совпадению родились в один день. Алисия, зевая, объявила, что Рен – совсем как братишка, а Минц вполне ничего. Бретта – что наоборот. Обе сошлись на том, что в слухах о скорой свадьбе Короля с принцессой-вампишкой из Города Ночь правды ни на полшушуна. У ночеградки такой дикий, нелепый смех!

Пытаясь имитировать странное принцессино хихиканье, они тихонько хрипели, кудахтали, повизгивали почти до самого рассвета. Когда их разбудила бабушка, у обеих подружек от смеха побаливало горло. Сырость тоже была тому виной.

Напились молока. Неподалёку, рассказали старики, бил молочный источник. Дед попросил гнома, чтобы тот со следующего раза доставлял две дополнительные фляги. Внуки из столицы гостят. Может, и до весны.

Услышав про «до весны», Минц озабоченно подскочил и предложил немедленно отправиться в путь. Они пошли по ориентирам, ещё вчера замеченным с холма. Бродили весь день, но к болотам так и не вышли. И завтра тоже.

На третий день Минц заставил команду влезть на крышу дома гостеприимных стариков. Буролесец всматривался в даль, монотонно ругаясь на трёх языках, включая троллий. Болото предстало вдали, как на ладони. Кривые сосенки, узкие озера, яркие пятна мхов и древние полузатонувшие камни. Там, где начинались смертоносные топи, четверо заметили сломанное дерево, старую дуплистую ветлу.

Приятели бродили целый день, нашли три похожих дерева. За каждым почва некоторое время казалась топкой. Под ногой с чавканьем расступались небольшие лужицы, кузнечики

прыскали в траву, мошкара донимала не по-осеннему. Вдруг из-за куста или камня показывался колодезный журавль и крыша дома стариков-амулетников.

За дни бессмысленных блужданий команды дед расправился с беспорядком на столе, собрал два внушительных сундука берегов.

Штиллер починил в доме все замки и двери, а также ставни на окнах. Минц сдружился с соседскими псами и сколотил новые перила на второй этаж. Ему постепенно удалось побороть свою смешную привычку «разговаривать руками»: в доме стариков всё было очень хрупким, и наёмник едва успевал чинить то, что сам уронил.

Алисия и Бретта победили паутину и плесень, разнообразили меню столичной кухни, дважды простудились и вылечились. Несколько раз они вчетвером прогулялись до города и притащили целый котёл оомекского мороженого. И всё равно на душе у каждого становилось тоскливее с каждым днём. Может, из-за чудовища, скитающегося неподалёку. Присутствие твари ощущалось, будто вой запертого в подвале пса. Друзья старались не говорить о ней, не оглядывались, когда чувствовали, что тащится следом. Казалось, они никак не очнутся от странного кошмара.

Пытались, конечно, использовать мелочь поганую как проводницу. Но создание висело в воздухе на расстоянии шагов десяти от Алисии, отодвигаясь, если его пытались схватить, и сразу возвращаясь на место, как только о нём забывали. Бретта предполагала, что Хозяин приказал монстру явиться с дочкой Прово без спутников. Минц считал, что тварь забыла дорогу. Штиллер опасался, что чудовище ждёт момента, когда они по-настоящему отчаются.

По вечерам старики и их внучка охотно рассказывали гостям страшные сказки. Про мори, пняжей и кочников – беспощадную болотную нечисть, одинаково жадную до крепко просоленной собственными слезами человечины. Про злоглаза-наоборотца, то ли призрака, то ли оголодавшего оомеча, прячущегося в стоячей воде. Чего у людей два, убеждали оомекские предания, то у наоборотца одно. Тощий сгорбленный старик, скачущий по болотам на одной ноге, приводил заблудившихся к жилью... или в опаснейшую топь. Загляни ему в глаз – и, сам не зная как, попадешь в его мокрый, тёмный дом под упавшим деревом в самой трясины. Говорили и про огромных диких бугоев, населяющих оставленные деревни. Сколько у твари ног и какой они формы – неизвестно, у скользящего по топям бугоя доводилось увидеть только рогатую башку и широкие мохнатые плечи. Бретте больше всего понравилась сказка «Бугой, который хотел видеть Короля». Как грязное болотное чудовище отправилось в столицу, не позволив себя остановить ни охотникам, ни Гвардии. Дошло до замка на Треугольной Площади, поглядело на Короля – и удалилось к себе в болото. Ноги монстра и на суше разглядеть не вышло, столько мха и тины налипло на его пузо! Некоторые гвардейцы клялись, что бугой носил юбочку.

Старики поведали и про ядовитый белый цветок – «Корону бледной девы». Под ним совсем близко проклятый клад лежит. Но не достать его ни багром, ни черпаком, клад всё глубже в чёрный ил уходит. Если знаешь, как заставить деву бледную одарить гостя, то можно добыть сокровище. А ночной порой явится к смельчаку болотная тень, и найдут поутру в его постели только чёрный ил и мёртвый мох. Со временем сказки стали казаться довольно однообразными, и Штиллер отыграл у Минца с Бреттой два десятка плотвичек, безошибочно предсказывая, чем закончится история, уже после первых слов рассказчика.

Дед изготовил для Штиллера дудку, изгоняющую незваных гостей из пустых домов. Играть на ней ключник не умел. Каждый обзавёлся оберегом от змей, хотя ещё ни одной не встречал. Бретта бабушкиной метлой с удовольствием гоняла «ненастоящих» – пришельцев из трясины, имитирующих оомечей.

Алисия трижды навестила тётку. В последний раз та настолько обеспокоилась моральным состоянием племянки, что дала ей редкой «весёлой водицы» на дорожку. Дегустировали вшестером: хватило ненадолго, да и голова поутру гудела, будто изнутри по черепу гонял троллейный поезд в натуральную величину.

Штиллер во второй раз перечитывал «Общую теорию болота», разыскивая намёк на решение их странной проблемы. К сожалению, написано было задолго до того, как болота «спрятали».

Книга содержала несколько поразительных фактов.

– Знаете, болото засасывает только живых существ! – объявил ключник за ужином. Ему не поверили. Пришлось объяснять.

– Болотная вода – особенная субстанция. Смесь. Или взвесь?.. – он перевернул пару страниц, но не нашёл. – Не суть! В воде всё тонет, в смысле, опускается вниз, пока не установится равновесие. И висит вещь, как шушун в янтаре. Или на дне лежит, смотря по тому, плотная ли, тяжёлая ли. А болотная жижа... во! Жижа – правильное слово!.. Засасывает то, что движется.

– А если совсем замереть?

– Не сможешь. Дышать будешь. На помощь звать. Высунешь руку – и так сам себя подтолкнешь в глубину. Оттого у палки или бревна больше шансов остаться на плаву. Болотная жижа под ней будет вести себя, как твёрдая поверхность. Не тонет же колбаса в хлебе! Не то получился бы довольно подозрительный бутерброд.

– Сказки какие-то, – Алисия попыталась отобрать у Штиллера книгу.

– Погоди, дорасскажу. Становится ясно, почему не получается лежать на болоте, если устал, как рыбак, которому подводная нечисть утопила лодку. Кроме того, жижа – штука вязкая, липкая, все попытки вырваться, оттолкнуться запикивают жертву глубже в топь. Получается, утопающий срывается на стороне врага. Против самого себя.

– По-простому, по-людски: болото голодное до живой плоти, – подвёл итог дед.

– Für einen Leichnam bin ich nicht zuhaus... Котам нужна живая мышь, их мёртвую не соблазнишь, – пробормотал Штиллер.

– Ух ты, старомирский язык! Тебе бы в Университете Лиода лекции читать, Штиллер! – насмешливо, но не без уважения заметила Бретта. – Славное местечко было, этот Университет, говорят. Сожгли его, Рен, ещё до нашего рождения. Сейчас там довольно уныло, на пепелище, но Король обещал Лиод заново отстроить. Может, ещё увидим тебя за кафедрой.

– Разве что в кладовой, если там старый ключ заклинит, – смутился Штиллер.

Одним ничем не выдающимся утром снова пошёл дождь. Мелочь поганая моталась на крыльце, заглядывала в окна. У неё то и дело отрастали три-четыре небольшие ножки, но ветер налетал, и существо снова висело над порогом. «Голова» его, отдельная от «тела», внимательно следила за происходящим в доме. Наконец бабушка, кутаясь в зимний плащ на медвервольфовом меху, вышла за порог и прогнала тварь лопатой в колодец.

Тут Штиллер вскочил, чуть не опрокинув чашку с молоком. Все обернулась к нему, кто с интересом, кто с укоризной.

– Всё! – заорал счастливо ключник. – Я понял! Как нам попасть на болота!

– Чтоб тебя! – буркнул дед. – Я думал, хоть до весны задержитесь.

– Нет! – улыбаясь, будто уже одержал победу, заявил Рен. – Мне до первого снега в столицу вернуться нужно.

– Говори, – попросила Бретта, в нетерпении перебирая лезвия своих ножей.

– Колодец! – произнёс Штиллер, подняв палец.

Минц хлопнул себя по лбу, плюнул, покивал и лишь затем отправился искать свою берёзовую палку-рогатину. Алисия не произнесла ни слова, только подошла к бабушке и обняла

за плечи. Рен перестал ухмыляться и поглядел на стариков виновато: ясно, что развитие событий их не радовало. Однако... сгнил зуб – пора драть! Приятного мало, но выждать и маяться гораздо глупее, думал Штиллер.

– Эй! – Бретта подёргала его за рукав. Он обернулся. Наёмница выглядела очень смущённой. – Что – «колодец»? Колодец-то при чём?

Ключник объяснил:

– Заглядывать подолгу нельзя, утянет. Все болотные твари в колодец уходят, хотят этого или нет. Куда же они деваются?

– Ага-а... – драматично шмыгая носом, согласилась девушка. И тут глаза её расширились: – Стой, стой, ты, никак, нырнуть собрался?

– Да и тебе придётся, – Штиллер похлопал Бретту по её курточке из пёстрых лоскутков. – Глаз наоборотца, про который Алисия нам рассказывала, – наша единственная надежда попасть на болота.

– В тёмный дом под гнилую корягу?

– Как получится.

– А обратно?

Штиллер не ответил. Судя по тому, что «болотцы» то и дело проникали во внешний мир, запрет был односторонним. В благородство мотивов чародея, наложившего такие чары, верилось с трудом.

Приятели обступили колодец, мечтая об одном: чтоб догадка Рена не подвела. Перед тем они получили недовольное благословение стариков и совет «вернуться с малышкой, а не то!...»

Крышку сдвинули, подождали в тишине.

– Вот он, – прошептала Бретта.

6.

Они столкнулись в тесной грязной яме и, отплёвываясь, отряхиваясь, подпихивая друг друга, выбрались по корням и свисающим веткам наружу. Наоборотец на всех сразу напасть, видимо, не решался. Он сидел на коряге, бесформенный, облепленный многослойной грязью, зыркал мокрым глазом и скалил зубы. Штиллер вылез последним, огляделся и покачал головой, никаких слов не находя.

Кругом, куда ни глянь, простиралось болото, заросшее высокой бурой травой, журчащее ручьями. За спиной в сотне шагов чернела поломанная ветла. А вдаль среди зелени, под скудным осенним солнышком лежали останки крепости, как пенёк выбитого тролльевого зуба. То ли опустевшее святилище это было, то ли фундамент разрушенного с воздуха строения. С применением требушета, а может, драконьего огня. Посёлок отсюда, наоборот, был совершенно не виден. Замечательно!

– Предлагаю держать путь на развалину, как и планировали с самого начала, – хриплым, будто давно не использованным голосом произнёс Штиллер. Он снял со спины верёвку, молча обвязался ею вокруг живота на манер столичного кота-телепата, а другой конец верёвки протянул Бретте. Никто не возражал и с момента перемещения вообще не произнёс ни слова.

Ключник пошёл вперёд, проверяя путь жердью. За ним Бретта, Алисия. Замыкал шествие Минц. Наоборотец провожал их взглядом, рядом замерла мелочь поганая. Она стала намного тоньше, прозрачнее и вскоре могла прекратить быть.

Прилива бодрости мысль не принесла. Наёмники и Алисия шагали всё дальше, взяли и вытаскивали друг друга. Вскоре выработали «лёгкий шаг», хватались за колючки, как за новообретённую родню, скакали по кочкам, обходили замшелые лужи. Несколько раз Штиллер уходил в трясину по колено, валился плашмя или соскальзывал с коряги. И тут же снова

вставал, перемазанный, но спокойный. Приятели шли следом, волей-неволей повторяя фигуры его танца. Даже Минц никак не комментировал. Буролесец быстро устал, хуже всех освоил «лёгкий шаг», часто отставал, «чтобы осмотреться», а на самом деле, чтобы повисеть на пне, перевести дух. Алисия и Бретта терпеливо ждали, стоя на кочке, держась друг за друга. Они самостоятельно выяснили, что мостик из двух параллельно лежащих палок позволяет лучше ползти дальше. Часто непроходимые зелёные озера перекрывали им путь. Приходилось идти в обход, стараясь не упустить цель из виду.

Руины медленно приближались. Ближе к закату приятели остановились, ещё раз напились воды. У Бретты было ещё достаточно сил, чтобы шутить над чудовищно измазанными физиономиями спутников. Минц мог только швырять комками грязи в ленивых жаб. Алмазницы, окружая чужаков, пучились огромными хитрыми глазищами – прямо как таможенники на незнакомые лодки в столичном порту. Алисия выглядела бодрой и готовой идти всю ночь без передышки, но помалкивала, не поддерживая беседы об отлетевших подмётках и червяках в карманах. Нанимательница напряжённо что-то обдумывала. Может быть, подбирала какие-то слова, чтобы сказать их отцу. Как его там? Марк Нойн. По прозвищу Прово.

«Моего отца называли Арвид-ключник. А потом – Арвид, безумный ключник. После того, как он попытался прямо у себя в мастерской открыть дверь на Остров». Штиллер тряхнул головой и выкинул оттуда посторонние мысли.

Последним, отнимающим силы маршем приятели выбрались на осклизлый ледяной камень развалины. Под полуобвалившейся аркой беззвучно раскачивался ржавый колокол.

И тут всё пошло очень быстро. Из воды выкинулись длинные упругие лапы. Схватили сразу троих. Бретта отскочила прочь, но верёвка, которой она обвязалась, остановила, повалила ничком. Тут и её схватило, повлекло в тёмную топь.

«Я жив! Под водой! – подумал Штиллер, когда к нему вернулась способность соображать и видеть. – Роскошно. Может, я ещё и сапоги тачать умею, просто не пробовал?»

– Еда в дом! – проскрипело гигантское насекомое напротив. – Мне бы хватило одной дочки Прово, но приятно заполнить троих, конечно.

«Троих?!»

Штиллер испуганно оглянулся: нет, их было всё ещё четверо. Минц сидел прямо в тине и торфе, гадливо рассматривал нависающее над ним слизистое брюхо членистоногого. Бретта лежала на боку, её только что вырвало. Рен помог ей отвязать верёвку и сам аккуратно вылез из петли, стараясь не делать резких движений. Он помнил, как быстр Владыка Топей. Алисия самостоятельно поднялась на дрожащие ноги, опираясь на палку, которую ей каким-то образом удалось не выпустить из рук.

– Почему... троих? – прохрипела Бретта, сплюнув розовым. Даже в таком состоянии её не оставила потребность спорить.

– Трое из вас – Финн Биццаро. Один – нет, – любезно пояснил монстр. – Финна Биццаро я буду жрать, неважно, какую часть. А ты, – таракан скосил глаз на буролесца, – проваливай.

– Неправда! – дурным голосом заорала Бретта. – Никакого финнбиццаро не знаю, не слышала о таких! – в руке у наёмницы возник ножик, которым в столице разделявают большую рыбу.

– Когда мне проваливать, я сам буду решать, – очень холодно объявил Минц и стал обходить ногу чудовища, одновременно подавая приятелям загадочные знаки. Бретта его, впрочем, сразу поняла. Штиллер надеялся, что она возьмёт в расчёт вязкость, если соберётся метать ножи. К тому же насекомые такого типа обладали крепчайшим панцирем.

– Сколько шума... – невнятно произнёс таракан.

Он щёлкнул челюстями, и Минца схватили уже в прыжке, и Бретту, подкрадывающуюся снизу, со стороны мягкого брюшка, тоже. Цепкие маленькие ручки вцепились в них, Бретта визжала и отбивалась, потому что не переносила шушунов. А ведь это были именно они, крошечные тварюшки с надутыми щеками, где хранился воздух. Некоторых удалось отправить в нокаут, и они медленно улеглись ей под ноги, колыхаясь и выпуская пузыри. Другие обездвигили Бретту. Самый вредный шушун подплыл к её лицу, вывалил язык, словно его тщедушное тельце было мало для такого внушительного органа, и от души дёрнул наёмницу за нос. Та притихла с выражением отчаянья на перемазанном лице.

– Ваше... лордство, – раздался встревоженный голос Штиллера. – Алисия признаёт договор, подписанный отцом, иначе бы её здесь не было.

Морда насекомого оказалась прямо напротив младшей Нойн и ключника: те не пытались атаковать гигантское насекомое, поэтому их не схватили. Ключник говорил медленно и чётко, неуверенный, что враг его понимает.

– Согласитесь, Прово должен был себя назначить вашим рабом на вечные времена. Но раз уж ему позволено откупиться дочкой, значит, и девочке полагается шанс на спасение. Еды в болоте хватает. Куском больше – куском меньше... Могу ли я предложить нечто сравнимое по пищевой ценности?

– П-пха... – вырвалось изо рта существа, звук лёгкого насмешливого сомнения. Таракан отодвинулся. Грязь заколыхалась, шушуны ещё крепче вцепились в Бретту с Минцем, оставляя царапины. Штиллер забеспокоился, что запах крови приведёт монстра в бешенство. Алисия молчала. Рен глянул ей в лицо и понял: девушка совершенно парализована страхом и уже не слышит, о чём идёт речь.

– Я где-то читал, – предложил он, – что три загадки или сложных поручения могли бы...

– Одно, – прервал монстр и картинно, по-людски опустил нижнюю челюсть, позволяя полюбоваться его трёхстворчатой пастью. На обездвигенного наёмника оттуда закапал какой-то мерзкий белый секрет. Минц зажмурился. – Одного поручения вполне хватит, Финн. Если не справишься, я тебя съем. Думаю, за это мне вручат королевскую медаль или всю оомекскую область пожалуют.

– А как вы заметили, что я Финн, как его... Биццаро? – осторожно спросил ключник. Он наслаждался ни с чем не сравнимым ощущением стоящего под петлёй при известии, что казнь откладывается. – В смысле, разве бросается в глаза?

– Если присмотреться, заметно, – промямлил таракан, словно у него во рту была каша. – Ты же не дышишь. Не обращал внимания?

Нет, не обращал. Товарищи покосились с ужасом. Действительно, провалившись в трясины и не двигаясь, Рен сразу оказывался лежащим на поверхности. Ерунда, не может быть! Штиллер несколько раз вдохнул и выдохнул содержимое воздушного пузыря, наколованного болотником. Видимо, не любителем жрать падаль. Таракан наблюдал, потирая усики.

– Испугался? Ха-а. Ты не покойник, дышать можешь. Но не должен, в отличие от нас. Так что бы поручить такого особенного? Не в Оомек же вас за мороженым посылать...

– А остальные? Тоже не дышат? – голос Штиллера дал петуха.

Владыка Болот поглядел с упрёком, но беззлобно. Проблема гостя его забавляла.

– У остальных своё. Не отвлекайся. Ещё раз помешаешь – передумаю!

Вдруг морду чудовища перекосило от попытки выразить нелюдской мимикой чисто человеческое злорадство.

– Придумал, – объявил болотник. – Я ещё Прово поручал. Но жизнь в темноте сделала его глупым и печальным, стратег из него теперь никакой. Слушай загадку, Финн. Болото принадлежит мне. Я знаю в нём каждую кочку и поваленную корягу, каждую ведьму в домике из детских костей, каждую жабу и чёрную мумию на дне. Когда оомекская торговка, набирая по капле «молодильную водицу», роняет кружку или новорождённую дочь в ил, я решаю, взять

или отпустить. Всякая тварь здесь такова, как я пожелаю. Болото – моя непобедимая армия, верный раб и преданный друг. Найди, Биццаро, в этой «крепости» уязвимое место. Нечто, моему чародейству неподвластное. Куда мне ход заказан. Понимаешь, о чём я?

– То есть, нам спрятаться? – осторожно уточнил Штиллер.

– Что такое? – удивился таракан. Потом проскрипел довольно:

– А, ну да. Вот именно. Спрячьтесь в моих владениях, чтобы я вас не нашёл. Ухитритесь – отпущу. Найду... – Владыка Болот задумался как-то невесело, – придётся сожрать всех четверых, без исключений. Постепенно, конечно. Аппетит уже не тот. Стариков твоих тоже съем, – пригрозил он, наклоня голову к девушке. – Воду только мутят на границе.

– Т-три попытки! – дрожащими губами попросила Алисия.

– Обойдётесь. Не в сказке! Времени дам до полуночи, то есть – немного. Зазвонит колокол – я иду искать. И прошу прощения заранее.

Существо помедлило, будто бы не вполне довольное условиями договора.

– Как бы мне за вами проследить, чтоб всерьёз за дело брались и не глумили. Например, сбежать не пытались. Подглядывать – невкусно. А отдам-ка я вам Прово! На что он мне теперь?

Водяной метнулся на поверхность и тотчас возвратился, в лапе – одноглазый наоборотец. Если приглядеться внимательно, монстр из колодца напоминал человека со слипшейся бородой, в невообразимо загаженной одежде. Похоже, он и был злосчастным отцом Алисии. То, что Штиллер принял за вторую голову, оказалось присохшей дохлой жабой. Были, наверняка, и другие принципиальные отличия, которые следовало заметить прежде.

Одноглазый Прово озирался совершенно безумным взглядом, но постепенно заметил дочь. А узнав, стал подкрадываться, как пугливый уж, готовый спрятаться при малейшей угрозе.

– Удачи, Финн! – весело пожелал водяной. – Увидимся в полночь.

И пропал, только воронка из грязи да ила завертелась. Шушуну сразу бросили пленников и с визгом поплыли в разные стороны, пуская гирлянды пузырей.

– Да-а-а, – протянул Минц и пытливо оглядел растерянные лица спутников. – Не верю, что вы сговорились, злодеи. Интрига, конечно, в стиле старого Прово – затащить буролесца в болото в компании трёх сущностей, позабывших себя. И полюбоваться, как охотник выкрутится. Но не верю. Несмешно.

Он прищурился на отца нанимательницы. Бывший наставник пялился в пустоту и молчал, явно не соображая, о чём речь.

– Как прятаться будем, друзья?

Бретта молча подошла и поднесла ладонь к носу Штиллера. «Ничего мне с девочкой больше не светит», – подумал ключник очень грустно. Сестричкой Бретту представить не удалось, даже если водяной не соврал. А уж частью самого себя – и подавно. Слишком уж тянуло к ней. С самого начала.

Интересно, а с Бреттой что не так? Видимо, отличие должно бросаться в глаза... Ах ты, рыбий пуп, теперь кажется, он подозревает её в чём-то мерзком, неестественном! Девушка вздохнула и отошла, а Рен так и не нашёл слов, чтобы объяснить, насколько ему безразлично, чего ей не хватает до обычного человека.

– Алиска... – хрипло выговорил Прово, – большая выросла... красавица, – и заметив, как исказилось её лицо, добавил быстро: – Ударить меня хочешь? Бей, заслужил.

– Пап! Мне страшно! Что я тут делаю? – спросила дочь и зарыдала странно, без слёз. Прово хотел обнять её, но остановился. Бретта стала брезгливо обирать его от гнилого вьюнка, потом бросила это бессмысленное занятие.

– Эм-м... Когда появится желание подумать, куда прятаться, зовите, я тут, неподалёку, – искусственно-бодрым голосом объявил Штиллер и пошёл, куда глаза глядят, по илистому ковру. Остальные переглянулись – и поспешили за ключником.

Приятеля нашли его на ступеньках лестницы, уходящей вверх. Она вывела к гнилому проваливающемуся фундаменту разрушенной крепости с колоколом. Каменные глыбы, вросшие в землю, светились тусклым зачарованным сиянием, наводящим тоску. С них за чужаками внимательно наблюдали разнообразные шушуну: от совсем крошечных, бесформенных, до солидных пняжей-людоедов.

– Лучше вернуться, – неуверенно предложил Прово, ковыляя следом за дочерью. – Болото большое, за многие месяцы не обойдёшь. А тут его сердце.

– Вот как! – Минц глядел на своего старого товарища, будто бы ожидая, что тот крикнет: «Шутка!» – и одним махом осушит трясину, всем раздаст по бодрящему щелбану, а злодею-таракану целых два отвесит.

– Есть идеи? – спросила тихонько Бретта. – Не может же гад быть повсюду?

– Может, – поспешно возразил Прово. – Глупо недооценивать его могущество! Я все годы пытался укрыться от него...

– Что, если отворить новую дверь? – всё так же потерянно предложил Штиллер. И, видя непонимающие лица, достал «пустоту», устройство для открывания дверей под водой.

Вскоре приятели оказались перед забавной расписной аркой с воротами в половину человеческого роста в скале под лестницей. Когда Рен отворил её, прозвучал нежный мелодичный звон ярмарочной шарманки.

За игрушечной дверцей обнаружился аквамариновый сад с поющими цветами, летающими деревянными лошадками, белыми мышками в старомирских нарядах, под кружевными зонтиками. Бретте встретился неравномерно исчезающий кот, отказавшийся передать сообщение мастеру Ю. Приятеля, нервно посмеиваясь, прогулялись до водоёма, где им попался на глаза усатый морской зверь с золотым моноклем, в смокинге, но без штанов – и с вилкой в крепком трёхпалом плавнике. Затем гости сбежали назад, в трясину, под колокол.

– Найдут уже потому, что такого тут никогда не было, – безапелляционно заявил Прово. – Это как ткнуть медвервольфа рогатиной в пузо и ожидать, что тот, может, и не заметит.

– Понял, понял уже, – хмуро отозвался Штиллер. Он снова выдал себя старомирскими сказками. Только глупые мечтатели интересуются далёким прошлым.

– Нет ли тут какой-нибудь бездонной ямы? Кого-нибудь большого, чтоб проглотил нас понарошку? – Бретта предлагала и более нелепые варианты. Прово качал головой, говорил коротко: «Найдёт!»

– Минц, ты же охотник! Нас какие-нибудь знакомые звери не спрячут?

– Скорее уж деревянные лошадки Штиллера, – невесело отвечал буролесец.

И, когда надежды уже не осталось, когда больше никакие идеи не приходили в голову, и отчаянье подступало к горлу, как слёзы...

7.

Они устроились в мягких креслах и допивали красное вино из лёгких бокалов. Бретта сидела за чёрным с позолотой древним роялем и нежно прикасалась пальцем к клавишам. Вдали гулко прозвенел колокол. Штиллер отложил в сторону пергамент с незнакомыми старомирскими стихами.

За дверью по торфяному лабиринту слышались чавкающие шаги.

– Спокойно, – произнёс ключник, даже не понизив голос до шёпота. – Он сюда не войдёт. Понимаете, здесь начинался путь. В этом доме Владыка Топей был человеком. Тут он принял

решение, превратившее его в чудовище. Подробностей я даже знать не хочу. Ясно, что чародей не сможет столкнуться с воспоминаниями о выборе снова.

– Расскажу вам, – продолжал Штиллер, – одну старомирскую историю. Не сказку, а быль. В королевстве моих предков коренное население методично уничтожило практически всех рыжих. Серьёзно! Отделили рыжих, бросили в котёл, сварили суп и сожрали. Потом главный людоед помер, и его сотрапезников призвали к ответу. Оправдывались те разнообразно. Например, страхом перед гневом тирана-брюнета. Опасениями за будущее детей, под влиянием рыжих способных пойти по неверной дорожке. Убеждением, что волосы такого непристойного оттенка служат опознавательным знаком зла и скрытого уродства. Многие просто говорили: «Я не знал, что рыжих едят. Сам не пробовал, только свеживал и толкал в мясорубку».

Но каждый понимал, когда, в какой момент превратился в чудовище. Никому не хотелось вспоминать о своём решении выдать перекрашенного соседа. О плевке в светловолосого ребёнка. Как побил окна лавочнику, дочь которого, говорят, в прошлом году встречалась с рыжим. Мысль о том, что был человеком, а после – бесповоротно превратился в монстра, непереносима. И мои предки заперли свои воспоминания в сундуки, снесли на чердак и сожгли дома вместе с чердаками, чтобы больше не знать о прошлом.

Так что допивайте вино, друзья. Болотник сюда не войдёт.

Бледные лица обернулись к двери, пламя свечей задрожало.

Дверь не отворилась.

Вырванная страница

Пряники с корицей в декабре

Наступил этот самый вечер.

Хося намотала на голову пёстрый платок со звёздами, рыбами и ягодами, подкатала зелёные рукава, позвала мешки из-под лавки, склянки из подпола и коробочки с дальней полочки. Ни михинские гномы, ни мыши из Невера, ни мрачные горцы-эльмшцы не подвели: доставили, что заказано. Даже соль Хося не позабыла купить, заглянув ещё с утра на Рыбий Базар. Она готовила в последнее время совсем без соли (из-за суставов, само собой, но и не желая провоцировать снеговиков в саду). Еремайка высыпала лучшую неверскую муку горкой на стол и принялась колдовать.

Когда стало темнеть, всепокоряющий ласковый аромат корицы и патоки наполнил холмы Приводья, пополз за опушку.

Вскоре под окном появился гость. Стукнул в стекло, старательно отёр свои грязные рыбацьи сапоги за порогом, согнувшись, тихонько повесил куртку-трёхрукавку на гвоздь, присел, будто человек, и сделал вид, что задремал. Хося недовольно глянула на пришельца: воды с него уже натекло немало, пару маленьких уклеек выплеснуло из сапога под лавку. Но ничего не сказала: занята была.

Второй гость вошёл не в дверь, не в окно – влез через заслонку из подпола. Тенью скользнул в угол, затаился в ожидании. Только взгляд его чувствовался безошибочно, как острие кинжала у горла.

– Это же... Я с ним за стол не сяду! – заявил первый, привставая.

Хося погрозила ему скалкой:

– Сядешь. Сегодня ты и не с таким сядешь.

В горницу втиснулось нечто уж совершенно невообразимое, чуть не разворотив косяк, выкатило кольчатое тело, аж шагнуть некуда. Из таких, как первый гость, да и таких, как второй, лесное диво охотно заказывало ожерелья, приносящие удачу в бою. Точнее, из их желчных

камней, ежели таковые в зубах застрянут. В тот вечер пришлось и ему поджечь сегмент-другой, чтобы поместиться за столом вместе с остальными.

Хося вынула из печи на лопатку и ссыпала на расписное блюдо свои легендарные пряники с корицей. Глубоко в чаше злой голодный охотник опустил лук, потянул носом, произнёс вполголоса: «Сегодня, значит, день рождения...» – и помчался домой, ломая подлесок. И добыча за ним.

Стемнело, хозяйка зажгла свечи, сняла вышитое полотенце с блюда и выставила пряники на стол.

– Ешьте, дети, – разрешила Хося.

Гости принялись запихивать угощение в пасти, глотки и полости. И счастливым одобрительным мычанием благодарить хозяйку. А та, покусывая последний, кособокенький пряник, глядела во все глаза и старалась на целый год вперёд нарадоваться. Удивительно разные выросли, не ожидала! Взять хотя бы младшего: помыться не загнать его было, а теперь сутками в воде сидит, дом себе на дне оомекской трясины построил, говорят... Жаль, что не пришёл. Соседскую дочь, Леську-Хвостик, можно было позвать, девочка ему нравилась когда-то. А то ведь так и не женится, внуков не дождусь.

Лучше уж раз в году, чем совсем никогда, думала Хося, обнимая опоздавших за шеи и щупальца, вынимая припрятанные лакомства. Ясно, завтра одни помчатся рвать других на части, и, наверное, даже успешно. Сидишь потом под окошком и слышишь, как они друга грызут. Невесело, конечно. Вот и хочется вытащить детей за уши из повседневной свары – хоть на пряники.

Говорят, глупо отмечать день рождения старомирского дядьки. А ведь он был добрый, наивный и беззащитный, за что и пострадал. Хося считала его тоже родственником, очень жалела и старалась жить так, чтобы ему было приятно. Ну, если бы он вдруг посмотрел на неё... откуда-нибудь.

Дети дохрустели выпечкой и заботливо подобрали крошки. Тогда из тёмного угла, из глубокой тени кто-то робко заиграл на дудке. Хося заголосила тоненько грустную песню о юной рыбачке и её пропавшем женихе.

Под заунывную мелодию гости расходились по трясинам, логовам и окопам. Обсуждали ночеградские гонки механических носорогов и катуниц из Михина. Стемнело так, что ни шушуна не увидеть. Над Еремайе возшла яркая звезда.

Констант Понедельник, демон-букинист из столицы, называл её Вифлеемской.

Глава 3. Уязвимое место

1.

Штиллер повернулся на спину, принял свою любимую сновидческую позицию «счастливый мертвец». То есть сложил руки на груди, улыбнулся и поджал пальцы ног. Он подозревал, что покойники тоже так поступают, но не мог объяснить почему. Это казалось таким естественным делом!

Жизнь была, пожалуй, даже чудесна.

Он заплатил хозяевам «Слепой Рыбы» за комнату на три месяца вперед. Съел целиком чёрную курицу на вертеле – ночеградский деликатес, только обеспеченный человек мог его себе позволить. А также послал старой тётке Агниссе пятьдесят плотвичек. Пусть не гундит, что ключник – не ремесло.

И ещё нашёл в «Михинском листке» объявление о сдаче внаём лавки подходящего размера. Над этим стоило подумать. Завтра. Завтра он мог спать хоть до полудня. А потом – подумать. В конце концов, от столицы до Михина шушуном докинуть.

Нечто загадочное внутри Штиллера назойливо упрашивало остаться в столице. Рен согласился принять во внимание сколько-нибудь логичные аргументы. Загадочное заткнулось.

Грызущую тревогу, что всё идёт подозрительно прекрасно, ключник постарался подавить в зародыше. Мамина школа, подумал он, и беспокойно перевернулся на бок. Мама научила маленького Рена «закону сохранения удачи». Смысл его таков: если повезло в одном деле – обязательно проиграешь в другом. Получил прибыль – жди убытков. И наоборот. Мамуля по-детски радовалась неприятностям – вестникам грядущих побед.

Чем хуже шли их дела (семья катастрофически обеднела, затем последовал ряд профессиональных неудач, в результате которых отца пришлось держать взаперти), тем веселее и спокойнее выглядела эта удивительная женщина. Уверенность, что теперь-то сыну не угрожает ни ветрянка, ни понос, ни заикательное проклятье, делало её по-настоящему счастливой. И действительно, Рен оставался здоров. Послушен. Прилежен. Не это ли главное?..

Зато, когда они внезапно получили королевскую пенсию, мама от беспокойства потеряла сон.

Чтобы выбросить из головы то, что случилось дальше, Штиллер резко перевернулся на другой бок. И подумал: «Сейчас наш дивный мир проглотит пробегающий мимо мироглот. Мироглотус вульгарис. Нет, не так. Небольшой такой мироглотик. С ушками. Неудобно ему будет аж до лёгкого несварения желудка. И большие товарищи будут глядеть с укоризной, как он, обжора, мается...»

Хватит. Паранойя разрешена только при исполнении заказов... Пара-нойя! Слово-то какое. Откуда оно мне известно, хотелось бы знать?»

Сквозь раскрытое окно не доносилось ни звука, даже назойливый ветер умолк. Яблоня у дома напротив застыла, воздев ветви, словно для приветствия. Штиллер с удовольствием погружался в тёплую волну молока меж кисельных берегов...

– Барч! – произнёс высокий требовательный женский голос у него в комнате. – Выходи! Пора!

Штиллер зажмурился и выговорил с невыразимой печалью:

– Вы, несомненно, ошиблись комнатой, уважаемая. Здесь есть только Рен Штиллер и ещё некий Финн... э-э, не так важно. Барча тут нет. И сегодня вечером уже не будет. Потому что я спать хочу, а кровать тут только одна. Доброй ночи!

Наступила тишина. Потом раздался короткий, знакомый смешок. Усталость пропала бесследно, точно став добычей опытного карманника. Штиллер открыл глаза, сел и обернулся к окну.

Там стояла принцесса.

Не узнать её было невозможно. Девушка обладала странной красотой, которую старомирские предки называли «северной». Таких охотно брали в рабство, использовали в качестве дурного примера для подрастающих дочерей, кроме того, в давние времена чаще других при большом стечении народа жгли на кострах.

Принцесса была невысокой медноволосой девчонкой с почти прозрачными глазами, бледной до синевы, как и полагалось ночеградцам. Рен уже не раз видел её издалека. Вся столица могла наблюдать выезд будущих супругов в маленькой лодочке с крыши Королевского Дома на Треугольной площади. Каждый день в новом ярком платье, с беспорядочной копной волос, не уложенных в причёску, дикое дитя антистолицы улыбалось толпе горожан. Лодка из кожи Морской Змеи некоторое время висела над площадью. Иногда Король приказывал кормчему спуститься пониже и выполнял горожанам их заветные желания. Порой просто раздавал камешки с забавными свойствами, наделяющие владельца свечением или прекрасным голосом на неделю. Невеста сидела молча по левую руку его величества и переводила заинтересованный взгляд с одного лица на другое, не вступая в беседу, даже если обращались прямо к ней. Отвечал жених.

Иногда какой-нибудь гном в надежде на неформальную аудиенцию подсакивал к лодке на петухе, в бочонке из-под пива или на летучей рыбе. Бывало, железнодорожный тролль, размахивая суповой костью на манер дирижёрской палочки, запевал снизу серенаду, сложенную им самим. Тогда принцесса хлопала в ладоши и раздражалась хохотом.

Наверняка девушке не сообщили, что звуки её «милого, непринуждённого смеха» напоминают брачный крик морских буйволов по весне. Или монарху с невестой было наплевать на такие мелочи. Так или иначе, оглушительное визгливое хихиканье доносилось из лодки регулярно, в последнее время даже чаще обычного. Столичные хулиганы изобретали новые и новые способы рассмешить принцессу.

Штиллер смотрел и думал глуповато: «А говорить она вообще умеет?»

И ещё: «Правда, что одежда вампиров – их мимикрирующая кожа?»

– Правда, – сказала принцесса, разглаживая складки на простом свободном платье цвета неверских бегучих настурций. – Показать, как я выгляжу на самом деле?

Штиллер улыбнулся, сел, спустив ноги на пол, и почесал висок, незаметно запретив чтение мыслей простым ключом Фёта.

– Сперва лампу бы погасить, – предложил он. – С улицы видно. Его величество разгневаётся.

– Только если представление будет бесплатным, – усмехнулась метаморфка. – Да не лезу я тебе в мысли, я же не кот! – она всё же заметила движение его пальцев, ведьма.

Гостья подошла к выходу, внимательно осматриваясь, зачем-то выглянула из комнаты, вновь притворила дверь, подошла к Рену, села сбоку на кровать, подвернув ногу. И объяснила:

– Все в первую очередь интересуются именно этим. Про одежду.

– А потом?

– Что – потом?

– Чем все интересуются потом?

– Обычно после этого, – будущая королева пожала плечами, изумляясь причудливому полёту человеческой мысли, – меня спрашивают, буду ли я пить их кровь. Твою – однозначно, нет.

– Ладно, – растерянно произнёс ключник. И спросил, как дурак:

– А почему?

Вампирка не ответила и быстро, гораздо быстрее, чем он умел двигаться или даже воображать, заглянула под кровать. Когда принцесса снова уселась прямо, лицо её было по-настоящему расстроенным и, кажется, немного напуганным.

– Там его тоже нет, Барча? – догадался Штиллер. – Он что, жил тут до меня?

– «Жил» – неправильное слово, – нахмурилась она. – Знаешь, давай представимся друг другу по-хорошему. И тогда я попробую тебе помочь.

– А не наоборот? – Рен говорил с принцессей несколько минут, и уже испытывал лёгкое беспокойство за государство.

– Зови меня Хет, – сказала она, игнорируя его замечание. – Это домашнее имя. Коронуют меня, понятное дело, под другим каким-нибудь. Я из первого поколения Новомира. Теперь твоя очередь.

– Рен. В Городе Ночь назывался Ренольд. Мне в «сером квартале» объяснили, что «рен» на местном воровском коде означает приказ бежать («Надо же, не захохотала: может, не совсем безнадежна?») Мне двадцать четыре. Твоя очередь. Кто такой Барч?

– Надо же, всего двадцать четыре, да и то, если не врешь! – драматически прошептала Хет. – Я-то надеялась, тридцатник. А выглядишь моложе, потому что у вас там воздух, погодка, овечки для простых радостей, в деревне...

– Я из Михина!

– Вот именно... Барч – рыбак Бартоломео, он труп, – заявила принцесса после небольшой паузы, позволив собеседнику поверить, что так ничего и не услышит. И похвасталась:

– Я его украли для тебя.

– Для меня! Спасибо... – Штиллер оказался настолько за пределами своей способности изумляться, что лишь на робкий сарказм его и хватило. – Труп по имени Бартоломео – мечта всей моей жизни. Но, по-видимому, у покойника были другие планы, потому и сбежал. Я прав?

– Частично, – не моргнув глазом, подтвердила она. – Бартоломео, рыбак с пристани Рипендам, – твоя четвёртая часть, Финн Биццаро. К сожалению, я слишком поздно узнала об этом, практически уже во время самого «ритуала разделения». Убить Барча наши всемогущие маги Совета, надутые главы гильдий, психованные вояки и старичья, не решились. Не могут договориться, что тогда произойдёт!

Лицо ведьмы выражало крайнюю степень презрения. Штиллер готов был уже посоветовать ей сплюнуть яд в тазик для умывания.

– Родигер, – продолжила Хет, – единственный уверенный в том, что делает, отделил Бартоломео дух от тела. Куда он девал личность – я не поняла, хотя смотрела прямо в руки. Расспрашивать не решилась... Но теперь всё равно придётся, – размышляла гостя вслух. – От Барча осталось тело в низшей посмертной форме. На некромантском жаргоне – «шагающая плоть». Насколько понимаю, такой труп разлагается, но очень медленно. И способен выполнять несложные приказы типа «убей», «принеси», «укуси». Кстати, про «укуси»: нужно ли такому питаться – не знаю, надо выяснить. Я Барча потихоньку вывела из Маяка и оставила здесь, в «Рыбе».

– Из маяка?

Про него болтали в городе. Шёпотом, замолкая в присутствии чужаков. Рен был до сих пор убеждён, что речь об огненном шаре над пристанью. Его поддерживали змеиные жрицы, чтобы помочь рыбакам прикинуть расстояние до линии Запрета. Перестал видеть свет – поворачивай назад.

Хет показала вверх, где никакой пристани быть не могло.

– Некромантам принадлежит башенка рядом с кладбищем Белые Холмы. Ты не знал? Родигер её купил. Дрессированные покойники старинное портовое здание разобрали и снова

собрали по камешку в Верхнем Городе. Там на первом этаже теперь уютная такая харчевня, напитки замечательные со всего Приводья. Мясо готовят вполне достойно...

Ключнику стало нехорошо, хотя он на Маяке никогда не обедал.

– Так вот, о мясе. Барч не разваливался, слушался меня, но не волочить же его на Треугольную площадь! Отведу-ка его к другой четверти, думаю. Все знают, что ты тут остановился. Ждут, когда ты Армию Тьмы набирать начнёшь или Ребекку во что-нибудь неприличное превратишь. Мимо «Рыбы» проезжали, вижу: в одной комнате темно, обнюхала – пустая, но твоя. Остальное ты знаешь.

– Куда же ты с ним собиралась теперь?

– Как куда? – удивилась Хет. – Под воду, конечно! Понадобится – вынешь.

Штиллер недоверчиво уставился в сумасшедшие светлые глаза принцессы. И представил себе очень неприятную картину. Беспомощный, не умеющий толком умереть кусок плоти, способный осознавать своё нелепое положение, на дне Запретных Вод. «Тут не клад под платаном зарыть: место не отметишь, а вернёшься – не найдёшь. А если привязать поплавков?.. Ох, шестиногий карп, я начинаю думать, как эта ночеградская бестия!»

– Не нравится? Странно, – вздохнула принцесса. – «Концы в воду» – традиция почтенная, древняя. Мертвецам такого типа вода не вредит, я немного понимаю в некромантии, так, в общих чертах, как все в Городе Ночь. Моя очередь спрашивать. Как ты готовишься к войне?

2.

К войне!

Она права, подумал он мрачно, я никак не начну относиться к проблеме всерьёз.

Про Финна Биццаро впервые упомянул чудовищный Хозяин оомекских болот. Штиллеру и его команде удалось уйти от него без потерь, никакой морок не встретился на обратном пути. Более того, ночное болото устроило им на прощанье удивительный спектакль с участием блуждающих огней, плавучих светящихся гнилушек, в сопровождении необъяснимых пугающих звуков. Но команда в тот момент была слишком измучена, чтобы по-настоящему оценить представление.

На обратном пути, засыпая в вагоне, ключник усомнился, что взаправду одержал победу над чудовищем. Владыка Болот наверняка отпустил добычу по своим соображениям.

Алисия Нойн, их нанимательница, простилась с приятелями вежливо, но сухо. Рен несколько раз заходил в амулетную лавку на Узкой Улице – поговорить. То есть, он полагал, что им есть, о чём побеседовать. Но Алисия была явно другого мнения. Едва Штиллер появлялся на пороге, та с вежливыми оправданиями исчезала внутри. А за стойку выкатывалась колоритная пожилая гномка, известная Веська Виттемун, и раздражённо выкладывала перед ключником самые дорогие новинки. Госпожа Нойн, мать Алисии, уже не сидела у окна, да и отец где-то пропадал. Надежды наёмников, что спасённый Прово вернётся в Гильдию, не сбылись.

Бретта, к счастью, общества ключника не избегала. Именно она на обратном пути без усилий освоила игру на стариковой дудке. Одну-единственную приятную и незатейливую мелодию можно было извлечь из выдолбленной деревянной палочки – Штиллер не совсем понимал, почему. После настойчивых просьб сыграть что-нибудь другое ключник получил дудку тычком в зубы с требованием «самому попробовать». Но сколько Рен ни маялся, ничего, кроме жалобного хрипения, не вышло. И потом целый час звенело в ушах.

Когда Бретта перестала дуться и снова согласилась играть, им удалось за считанные дни выгнать всех «незваных гостей» из опустевших домов Лена Игел. Бретта дудела, Штиллер работал ключами. Надо было видеть, как безобразная морская братия – двухголовые трескопауки, батальоны сельди на шушунных ножках, безумные полулюди с ножами из акульего зуба в каждой из многочисленных рук – мчится переулками, теряя всякий облик, мечтая только о том, чтобы залечь под воду. Бретта была совершенно в своей стихии, щедро раздавая пинки

«по мокрым задницам». Штиллер наблюдал, улыбался – и мечтал, чтобы пустые дома Лена Игел не закончились никогда.

Разумеется, их оказалось гораздо меньше, чем потребовалось бы ему, чтобы найти повод сказать компаньонке что-нибудь нежное.

Король заплатил баснословные пятьсот монет. Точнее, письмо Риште, цехового председателя, содержало пятьсот плотвичек. А сколько Смо оставил с королевской премии себе, думать не хотелось... Пусть бы треть. Но не половину же!

К награде прилагалась грамота, наделяющая правом открыть собственную лавку с Золотым Ключиком на вывеске в любом городе Приводья или крепости Сухозема.

Лопающийся от гордости Штиллер, признанный мастер-ключник, пригласил главу Гильдии Наёмников с подопечными на ужин. И в «Слепой рыбе» попытался обсудить с Бреттой их принадлежность к таинственной общности под названием «Финн Биццаро».

Наёмница заявила, что уже навела справки. Назвать кого-то финнбиццаро – как гоблином-клизмой обругать или троллем безрогим. Звучит таинственно, по-староземски: эй ты, ф-ф-финнбиццаро! Правда, сейчас уже так не говорят, а вот раньше!..

Где же она, Бретта, получила такую интересную информацию? А у господина Понедельника, где же ещё! Что, так прямо и выразился? Хм, нет, он Бретту почти сразу из лавки выставил. Как-как, ласково! Но решительно. Не успела произнести: «Финнб...», и уже стояла снаружи, на мостовой. С синяком от тычка когтистой лапы в районе поясницы и запомнившейся фразой, что... момент... Вот: «Рукописи, вопреки авторитетному мнению, горят!»

– Ты понимаешь, Рен? – уточнила Бретта, и не дожидаясь ответа, призналась: – Я нет, но оно и необязательно. Пока мне хорошо не заплатят за то, чтобы в огонь соваться, пусть они горят себе где-нибудь подальше, рукописи всякие.

– Ешь свою чёрную курицу, Штиллер, пока она сама тебя не съела, – многозначительно посоветовал пьяный мастер Ю, сидящий напротив. – Твари Города Ночи умеют удивлять. Даже жареные.

Ю охотно принял приглашение в таверну. Он обжирался и не спускал эльфовидную блондинку с колен. Наёмники ухаживали за ним, как за любимой бабушкой: подносили, подливали, ржали над каждым его словом, как михинские единороги. Штиллер был и сам не прочь оказаться в центре внимания, особенно если платит за ужин. И вскоре увлёкся проверкой, сколько старомирских сортов выпивки способен наколдовать Ларс из дешёвого еремайского вина. Пить чудеса приходилось быстро. Вкус сохранялся считанные секунды.

В момент, когда Рен, выпучив глаза, под аплодисменты приятелей глотал трансформированный «вискер», мастер Ю пересел поближе и предложил:

– Смотри, парень, вот тебе «Михинский листок». Кажется, сдаётся внаём в Пекарском Переулке...

Всё это Штиллер вдумчиво, в подробностях поведал её высочеству. Включая информацию о чёрных курах.

– То есть, у тебя нет никакого плана, – задумчиво подвела итог Хет. – Ничего, у твоих врагов тоже. Вот я и предлагаю – не стратегию, а что-то вроде, для начала. Поищем то, что осталось от Барча. Далеко он, дохлый, от нас уйти не мог. Да и слышно было бы, если б такой по городу бродил. Встретитесь, поговорите.

«С покойником?..»

– Слушай, прошу прощения, но я просто обязан спросить. У тебя какой в этом деле интерес, принцесса?

Хет усмехнулась и поднялась на ноги.

– Король владеет всей территорией, населённой людьми, и большей частью нелюдской области. Только Город Ночь до сих пор был свободным. После нашей свадьбы он статус чер-

нокнижной вольницы теряет, что меня, разумеется, радовать не должно. Как тебе такое объяснение? По-моему, довольно-таки неплохое.

– Да, – недоверчиво протянул Штиллер. – Весьма правдоподобное!

Но принцесса и не думала убеждать, просто наблюдала с интересом: мол, проглотишь или подавишься?

– К браку тебя принуждает, вероятно, родич-тиран?

– Почему же? – красноволосая ведьма улыбнулась уголком рта. – Я обожаю столичную жизнь! Тайны, плащ и кинжал. Противоречит основной идее? Возможно, но если подумать, заметишь, насколько всё коварно.

– А если серьёзно и, по возможности, правду?

– Зачем? Откровенность ценится незаслуженно высоко, – принцесса перекинула ногу через подоконник. Лодка ждала её, покачиваясь на ветру, время от времени бодая замшелую стену просмолённым бортом. Кормчий, понятное дело, отсутствовал. Равно как его величество. Лодка без них казалась чрезмерно огромной.

«К чему словами укреплять взаимное доверие?» Рен задумался, пытаясь найти ответ в духе Города Ночь.

– Чтобы создать иллюзию собственной уязвимости в глазах другого?

Хет ухмыльнулась:

– Давай пока предположим, что мне просто нравится нарушать правила и портить игру семейным. Лезь в лодку, ты мне нужен для равновесия. Я раз пять чуть не перевернулась по дороге.

– Погодите, – раздался от двери голос Ребекки. – Не надо никого искать.

Тут – только на одно мгновение – Штиллер увидел настоящую Хет. Сидящая на узком подоконнике женщина совершенно утратила цвет, её кожа слилась с полуночным воздухом. Волосы приобрели интенсивный рубиновый оттенок и встали дыбом, словно от ураганного ветра или в грозу, когда молнии бьют над Водами в далёкий Остров. В раскрытой пасти существа обнаружился великолепный арсенал хищника – волчьи клыки и даже двурядные преобразованные моляры, чтобы рвать мясо и размалывать кости. Это подтвердило бы предположение неизвестного обоим профессора Лиода о том, что основой рациона аристократии Города Ночь служит плоть, а не кровь... если бы профессор опубликовал результаты исследований до того, как стал добычей собственных лабораторных животных.

Но принцесса быстро взяла себя в руки.

На подоконнике, демонстрируя идеальную осанку и безукоризненные манеры, словно бы не она готова была сожрать трактирщицу, восседала королевская невеста.

– Ребекка, не провоцируй. Я ещё молодая, неопытная, ни разу в жизни не пила невидимой крови, а посему могу совершить что-нибудь необдуманное. О чём потом, конечно, пожалею. Объясни, пожалуйста, почему нам не надо искать Барча? Но только без шуток, ведь я тебя хоть и не вижу, но чую теперь очень хорошо.

– Знаю, – послышалось из угла. – Мне кучу личной магии отдать пришлось, чтобы до сих пор не дать себя унюхать. Маскировка – дело затратное, но на такое не жалко. Я и мёртвому парню помогла спрятаться.

Хет вздохнула и завела глаза со стоном.

– Где он? Что ты сделала? Знают ли на Маяке? Нет, погоди, будь добра, начни с ответа на последний вопрос.

– Не знают.

– Отлично!

– Но я уже почти пожалела о том, – голос Ребекки был полон яда. Стул, до того мирно стоящий напротив кровати, подпрыгнул и повернулся к окну.

Рен удивился: Ребекка казалась ему неутомимой, как прибор. Похоже, мерзкая некромантская история была на самом деле ещё хуже, чем ему сперва показалась, раз эту стремительную женщину уже плохо держали ноги.

– Барч, – сказала трактирщица тихим голосом, – идёт в Университет Лиода. Такому существу, как он, там проще затаиться. Я ему подарила вещь, которая его спрячет от некромантов. И... не только от них.

– Так это же неплохо! – обрадовалась принцесса.

– Я тоже так считаю, – подтвердила Ребекка очень осторожно. – Штука, которую я ему надела, шляпка-спрятка... У неё фокус такой: хочешь ты найти Барча – не найдёшь. И если ты не захочешь его найти – тоже не найдёшь.

– Хочу – не найду. И не хочу – тоже не найду? – переспросила с отвращением принцесса.

– Точно, – подтвердила трактирщица, судя по всему, чрезвычайно довольная собой. Стул скрипнул и отскочил, дверь отворилась. Ребекка сварливо добавила:

– Я бы на вашем месте оставила, как есть!

И дверь захлопнулась.

– Язык не распускай, – мрачно посоветовала Хет после некоторого молчания, косясь на ключника, – она всё ещё здесь, трактирщица.

Штиллер захохотал. Принцесса внимательно наблюдала за ним, даже не улыбнувшись.

– Мне нужно подумать, – объявила она. – И тебе советую. Сам не умеешь – спроси кого-нибудь поумнее. Не знаю, стоит ли обсуждать происшествие с мастером Ю. Трудно понять, на чьей он стороне. Старичок в последние сто лет редко высказывается по существу. Завтра к полуночи я снова угоню лодку. Сравним наши планы, в Лиод слетаем, осмотримся. Только не усни, существо с дневной активностью!

– Попробую, – Штиллер с трудом взял себя в руки, нервный смех царапал горло. К счастью, дышать было необязательно. – Я бы и не пошёл к мастеру Ю. Наставник всегда занят спасением мира, производством маленьких эльфов и другими убийственно-важными вещами. Куда уж нам, смертным...

Хет уставилась в изумлении, словно получила ответ на некую загадку, о которой собеседник не знал. Но ничего не сказала, просто покачала лохматой головкой и выпорхнула в окно. Ключник босиком, не чуя камня под ногами, подбежал к окну, чтобы увидеть, как она неловко, но лихо размахивает веслом среди туч, громко браня сложность управления. Несколько вороньих теней шныряли поблизости, то ли из принцессиной свиты, то ли сами по себе.

Штиллер затворил окно и запер на всякий случай. Потом направился к кровати, размышляя о том, что спать, вероятно, не будет. И наконец, быстро накинув плащ, тёплую куртку и сапоги, он выскользнул за дверь, оставив предполагаемую Ребекку в комнате. Не удержавшись от маленькой мести, запечатал вход ключом Тав, чтобы трактирщица на вынужденном досуге поразмыслила над правом постояльцев на личные тайны.

Рен шёл к коту.

Коты зарабатывали передачей сообщений на расстоянии. Способность узнавать чужие мысли встречалась и среди других существ. Интервенты в разум создавались искусственно. Но только мохнатому народцу была присуща удивительная точность понимания вплоть до эмоциональных нюансов, сарказма и многослойных подтекстов.

Животные прославились также безупречной лояльностью, пока не выяснилось, что они физически не способны выдать тайну послания – даже под пыткой. Сообщение присутствует в памяти зверя исключительно в момент передачи, а затем бесследно исчезает. Для этого у котов имеется уникальная область памяти, называемая «одолженной». Словом, хоть некоторые маги-Островитяне и показывают неплохие результаты в телепатии, но до котов им далеко.

За времена кругосветного путешествия Штиллеру ни разу не приходилось воспользоваться услугами хвостатых специалистов. Близкой родни у него не осталось, компаньонов в далёких краях не завёл, был законопослушен и старался никому не наступать на мозоль. Если надо было что-нибудь сообщить другому, он подходил, хлопал по плечу – и сообщал.

Коты и их таланты казались ключнику до сих пор забавной, но излишней штукой. Вроде нароговника или лака для когтей.

Башенка лорда Хайнриха, его котейшества, была похожа на тающий торт со сливками. Возможно, прицельность или точность сообщений усиливалась таким образом. Но, скорее всего, хозяину просто нравились подобные вещи.

Чтобы попасть внутрь, требовалось влезть по опасной лесенке, виляющей, как хвост сытого волколака. Или взлететь. Лорд Хайнрих мог себе позволить такие причуды. Он был лучшим из лучших, посетители у него не переводились никогда. Кстати, именно этот хулиган нечёсанный запретил связистам объединяться в гильдию. «Чтобы выживали талантливейшие, – говорил кот. – А бездарей пустить на воротники!»

Рен не без труда одолел подъём. Дверь отсутствовала, вместо неё был люк без крышки. Жилище мага-связиста ничем не отличалось от лавки ковров. Здесь имелись ковровые деревья, висячие ковры, широкие пушистые лежанки. На одной раскинулось что-то вроде серого дымчатого мехового дивана. Рен мог бы трижды уместиться на нём, если бы имел склонность к самоубийству. Маг-связист, гений коммуникации, охотно пускал в ход зубы.

– Защиту убери, – проворчала лохматая знаменитость. – Возиться с ней ещё...

Рен торопливо снял с виска ключ Фёта, о котором уже успел позабыть.

Лорд Хайнрих спал всегда, когда не ел и не занимался важными делами. Под ними его котейшество подразумевал любовь. Хайнрих предпочитал демониц Сухозема и Города Ночь. Потому его котята ещё не вытеснили основное население столицы.

– Сообщение для Бретты из...

– Знаю, – барственно произнёс кот и зевнул. – Уже передал.

– Что передал? – изумился Штиллер.

– Всё, что ты сказать хотел. Да не спит она, не спит, не то с утра получила бы. Сообщение немаленькое, оставь на пороге тридцать монет или одну настоящую рыбу. Я заберу, как проснусь, – объявил телепат, плавно перетёк из формы «холм с ушами» в форму «смятый плащ» и перестал обращать внимание на посетителя.

Рен проглотил всё, что хотел сказать мохнатому надутому мешку. В том числе старомирские ругательства с применением анатомических терминов, обозначающих органы, доступные для вылизывания. И потащился в Дом Наёмников, оставив на пороге плотву.

– Штиллер! Ты тоже не спишь!

Бретта ждала снаружи, закутанная в огромную, не по росту, накидку из меха водяного быка, вероятно, очень тёплую. Да и ключнику стоило обзавестись чем-нибудь посолиднее. Подходящее уважаемому мастеру, а не бедному подмастерью с отмороженным задом.

Тут Бретта повисла у него на шее, и ночной холод сразу отступил. К сожалению, она часто делала то же самое с другими знакомыми – и даже малознакомыми, не говоря уже о каждом мимо пробегающем кролике-оборотне. Её манера приветствовать поцелуями сбивала с толку. Рен уже вообразил, что Бретта влюбилась в него самым сказочным образом в тот самый момент, как он разгадал загадку про глухого хрюня. А потом с грустью понял: перед ним еремайский способ вести беседу. И горе тому, кто неверно поймёт!

Всё равно это было волшебно: ловкий захват в прыжке, приносящий очередную лёгкую победу. Рен еле устоял на ногах – накидка оказалась тяжелой, как целый водяной бык.

Штиллер получил мокрый поцелуй в нос, ему царапнули ухо острым браслетом. Ключник тоже обнял Бретту, вдохнул неповторимый аромат, напоминающий о мёде, летнем зное и стрихнине.

– Как тебе Хайнрих? Правда, замечательный?

– Кот? – не сразу сообразил Штиллер. Руки девушки как раз перестали обнимать его и всё заметнее принялись отталкивать. Он позволил Бретте ускользнуть. – Кот, конечно, выдающийся. Вежливый такой! Разговорчивый! Подвижный...

– Обиделся! – Бретта пришла в восторг. – На кота! Он же мягонький, кто же на мягоньких обижается? Брось, Рен. Вот я же не сержусь на то, что узнала не от тебя лично, а через телепата.

– О чём?! – Штиллер моментально сгорел дотла и поклялся самому себе запереть ушастую телепатическую бестию в очень маленькой табакерке.

– О принцессе, – наёмница шмыгнула носом и отступила на шаг, – о мёртвом Бартоломео...

Рен облегчённо выдохнул украдкой.

– О Королевском совете, что я тебе нравлюсь и про шапку-спрятку Ребекки, – прилежно перечислила девушка.

– Так что ты думаешь? – неловко спросил ключник.

– Я в деле, – улыбаясь до ушей, загадочно ответила ужасная Бретта.

И потащила его в дом, как умелый заклинатель – демона.

3.

Ночь клонилась к рассвету. В гостевом зале гильдии подогревались остатки вчерашнего ужина на маленькой жаровне, именуемой здешним народом «девка» («мамулей» звалась массивная печь на кухне). Хигг заботливо пошевелил угли, убедился, что бок горшка почти не нагрелся, тяжело вздохнул – так, что в оружейном зале загремели мечи и кольчуги на крюках, а с крыши посыпались нетопыри и коты.

– В Лиод! – выговорил великан после длинной паузы.

Штиллер кивнул. Стоящая рядом Бретта поблёскивала глазами в полумраке, чуя лёгкий аромат жареного: реальный – и запах предполагаемого приключения. Её фигурка неосознанно приняла стойку, удобную как для нападения, так и для открытия Врат Ада. Штиллер мог показать ей, как это делается. А возможно, и учить бы не пришлось.

– Хоть бы выспаться дали, мелочь непочтительная, взрослых не уважающая, – Хигг тёр глаза так безжалостно, будто в кармане у него валялась пара запасных. – Зачем вам в Лиодто? Туда Катер всё время ходит, картину Марион фан Бремерзе ищет с прошлого Годового Поворота. А толку никакого.

– Вот, – обрадовалась Бретта, – Катер тоже с нами пойдёт. Рен, поможешь мне его уговорить, да?

– Легко, – пообещал ключник. – Мы просто откажемся от своей доли вознаграждения за картину.

Бретта скривила недовольную рожицу, но не возразила.

– Кстати, давно хотел увидеть подлинную фан Бремерзе. У нас в Михине в ратуше висят три копии, в том числе и «Нарушение Запрета». Её полдня рассматриваешь – снова и снова на незамеченные детали натыкаешься. То вдруг видишь лицо тонущего рыбака из-под волны, то сундук скачет по воде, как бешеная единорожица... И ошибка в направлении ветров, раздувающих паруса! Она создаёт иллюзию, что все корабли плывут прямо к тебе в руки...

Штиллер понимал, что беспорядочный рассказ не передаёт глубокой печали, которую он ощутил, увидев три колдовские картины: от осознания, что ему не сотворить ничего подобного. Тоски бесталанного, способного понять, насколько обделён. Но всё равно размахивал руками, рисовал в воздухе волны и корабли. Так люди пытаются рассказать о том, почему полюбили.

– Говорят, копии не идут ни в какое сравнение с оригиналами! – завершил Рен свой рассказ. – Странно, что столичный Храм не выставляет их. Народ отовсюду приезжал бы поглядеть.

– Ведьма она была, Марион, – неожиданно заверил Хигг, и покивал мрачно, со знанием дела. – Злобная сумасшедшая ведьма. И картины у неё недобрые. По мне, так правильно, что Катер спалит эту дрянь.

И наёмник угрюмо наклонился к «девке», пытаясь толком «разбудить» её: сырые угли тлели, но жара совсем не давали.

– Спалит?! – испугался Штиллер.

– Именно: пожёт, порубит, скормит шушунам, как получится. Заказ такой: картину Марион уничтожить. А ты думал, Катер ищет, чтоб королевне в подарок к свадьбе поднести? – Хигг захохотал, но сразу получил от Бретты кулаком в бок: народ перебудить!

– Варварство какое, – ключник беспомощно перевёл взгляд на Бретту, но ту вдруг чрезвычайно заинтересовали лезвия на запястье.

Хигг продолжил громовым шёпотом:

– Мы, ученики, все её боялись, госпожу Бремерзе. Правда! Седая, косматая ведьма, визгливая и скорая на расправу. Опрокинул случайно баночку краски – хоп! – и ты уже ёрш-пескостоед. Где-нибудь в ручье под Оомеком. Как-то я неделю придумывал, как дно у лодки расписать, чтоб рыбам снизу смотреть веселее. Дурак, говорит: у воды переломление другое, что ли. Чему у воды ломаться, чай, не ребру! Рыбы иначе видят... А по-моему, нормально. Глазами луп-луп. Как все разумные люди.

Бородач заметно расстроился.

– Задвигала ставни Марион и рисовала почти в темноте. По мне, так её последняя картина совсем дурацкая должна быть, хоть её никто и не видел. Что в темноте намалюешь? Я вам точно говорю: наследники Бремерзе – не дураки. Узнает народ, что великая художница ерунду накорябала – сразу славы-то поубудет. Так что лучше концы в воду.

Штиллер вспомнил о Бартоломео и поёжился.

– Заказчик – внук Марион, Ян Форс. Половина всех лодок в округе – его имущество. Катеру так и было сказано: не приносить домой картину ни под каким видом. Сразу в печку.

Рен понял, что уже давно не дышит от возмущения, и напомнил себе о том, чтобы оставаться человеком, несмотря ни на что.

– А ты чему учился в Лиоде? – спросил он. Не то, чтобы Рен склонен был судить о людях и их занятиях по росту (Хиггу досталось два средних), характерной мимике («А в морду?!» – такое выражение почти не покидало физиономию гиганта) или даже речи (в данном случае – затейливая, но путаная). Но – Великая Рыба! – представить его студентом было нелегко. Мучительно. Как вурдалака-вегетарианца.

– Я-то... – Хигг смутился, словно его поймали на стихосложении. – От королевской службы скрывался, где никто не искал. У меня рост для гвардии очень подходящий. А я против. Мне приказы ни к чему, я люблю зо... со... су-ве-ренно подражаться!

Рен улыбнулся, а Бретта серьёзно покивала, как ученик лекаря, подразумевающий: недуг нам знаком, но лекарство ещё хуже болезни.

– Чему я у неё научился, так это пескарёй земляных рисовать, – неожиданно признался Хигг. – Во-во. Быстрых, весёлых, ни зубом, проклятьем не достанешь. Сгорели, конечно, со всем факультетом Преображения. Обидно, что и говорить... – он зевнул с деланным безразличием.

По окончании представления челюсти наёмника захлопнулись со звуком, с которым акула Голодная Тень перекусывает рыбацью лодку пополам.

– Сон на рассвете – лучший советчик! – доверительно сообщил Хигг, оставив попытки сотворить завтрак. – Проснусь – умнее стану. У-э-э-эмх... Поговорю с Катером, если он ещё здесь и не перехватил дельце попроще.

Великан уже поднялся на ноги – и снова сел. Штиллер и Бретта уставились на него в недоумении, раздосадовано: передумал он, что ли? Хигг выставил по пальцу в направлении друзей и заорал восторженно, игнорируя стоны разбуженных соседей:

– Х-ха! Ох у вас и рожи, когда мастер Ю не следит! – и не давая приятелям ощутить даже тень недовольства, продолжил: – Нет, не передумал. Говорите: где, когда... Нужно ещё выспаться про запас. В Лиоде нельзя.

– У меня в «Слепой рыбе», завтра... нет, уже сегодня перед полуночью, – ответил Рен. Он хотел задать вопрос, почему в Университете запрещено спать, но передумал. Может, просто не принято. Подремать и под мостом можно, незачем для этого на пепелище тащиться.

– Обязательно зайди к нашему оружейнику, ты же его не видел ещё, Горрина. Он тебе тоже понравится, хотя и не кот, – Бретта стала ненавязчиво подталкивать ключника к выходу. – Нет, не сейчас, он по ночам кормится, не догонишь. Домой, домой! В своей кровати спать надо. А то она обидится и сбежит в Бурый Лес, к родне.

Само собой. Вдруг, глядя на бодрое, весёлое лицо любимой без малейшего признака усталости, он спросил, чувствуя, как нечто безжалостное и неотвратимое медленными шагами настигает их.

– Бретта... А ты? Не устала?

– Я не сплю никогда, – ответила она. – Ты не дышишь. Я не сплю. Так до вечера!

– Да, «оно у нас» говорящее! – сварливо проскрипел ящер и поменял цвет на серебристо-бирюзовый. – Если собеседник достойный появится. Но народ сюда не поболтать ходит, а оружие по руке подобрать.

Незнакомый наёмник отыскал Штиллера в каком-то закутке. Ключник как раз осознал, что Дом – запутанное местечко. И успел не раз громко и настойчиво высказать пожелание, чтобы его нашли. Желательно, ещё до того, как сбесится. Иначе неспешный спаситель рискует быть загрызненным. Не с голодухи, а строго по требованию драматического сюжета.

Спас ключника молодой неприветливый гном. Не задавая вопросов и не представившись, сразу повёл к Горрину в оружейный зал. По-видимому, существо без видимых признаков обладания сталью длиной минимум с ладонь вызвало в нём потребность помочь. А может, в Доме терялись только те, кто искал встречи с Горрином.

Пришлось одолеть несколько крутых винтовых лестниц и остановиться в незнакомом полутёмном зале без пола. Гном без лишних слов предостерёг, указав на шаткие балки через пустоту в нескольких метрах над нижним этажом. Штиллер отпрянул назад и чуть не отдал лапу дремлющей рептилии. Наверное, решил он, ручному зверю мастера Ю. Ящерица недовольно метнулась по стене, темнея, приобретая бурый крупнозернистый окрас, характерный для здешней внутренней отделки. Тогда Рен спросил, говорящее перед ним животное или нет. И заметил, что гном пропал, не ожидая проявлений благодарности. Вместо него ответил ящер.

– Горрин, – представился оружейник, высунув язык и ухмыльнувшись так широко, что уголки рта почти сомкнулись на темечке. Ключник тоже назвал себя и стал рассматривать собеседника. Тот был плоским, похожим на весло, юрким существом с чрезвычайно низким голосом, вполне человеческим, несмотря на пасть в форме вафельницы. Не слезая со стены, ящер акробатически закинул лапу и почесал ею под лопаткой. Стало заметно, что оружейник был некогда крылат, но крылья ему неаккуратно обрезают. Или даже выломали.

Штиллер не мог себе представить существо, поступившее таким образом с врагом. Некоторые демоны, питающиеся страхом и страданиями, могли... Рен слышал, что в Буролесье живёт племя крылоедов, охотно поедающих именно крылышки в пикантном маринаде. Для

этого специально разводят некоторые виды птиц, безумные варвары. Хотя даже они, кажется, свою трапезу предварительно умерщвляют.

Горрин, не смущаясь молчанием визитёра, смотрел на Штиллера прямо, изучающе-внимательно, будто собирался сшить ему рубаху или гроб сколотить. Вдруг ящер метнулся со стены по тёмным балкам, изящно маневрируя над провалами в полу, и вынул из ниши в стене короткий меч. Штиллер поразился скорости существа – и сразу вспомнил ту же молниеносную грацию принцессы.

«Несомненно, в вампирах есть что-то от рептилий, – решил он. – Такой короткий и мощный бросок! Теплокровные на него попросту не способны».

А Горрин уже сидел на полу перед ключником и протягивал клинок. Рен почувствовал, как щёки заливаются краской. Он безобразно мало тренировался в фехтовании. И по-настоящему хорош не был никогда. Помедлив, Штиллер забрал у оружейника меч, выглядящий умеренно смертоносно. Вероятно, в диких краях и старых университетах без оружия не обойтись. До сих пор ключник применял для создания того же эффекта ломик или гвоздоёр.

– Я уж думал, не возьмёшь, – прокомментировал ящер, глядя на Рена задумчиво, без насмешки. – Пригодится! Прежний хозяин называл его «Сепаратор». Глуповато звучит, на мой вкус. Придумай имя получше. А почему «Сепаратор»? – спросил оружейник сам себя. – А вроде бы потому, что хорош в смысле отделения одного от другого. Головы от тела. Плоти от духа. Отличная вещь против сотворённой, неавтономной нежити и всяких паразитов. Часто одного удара достаточно. Добротная некромантская работа. Э, рожу зря кривишь, между прочим! У некромантов не обе руки левые. Если уж берутся, то делают основательно, грамотно и на совесть. Так что у тебя в руках раритет.

У ящера надулась шея: то ли от гордости, то ли от обиды за мастера.

– Клинок почти идеальный. В него бы ещё руны Отвращения всеребрить... Я советовал, есть ещё такие умельцы в Еремайе, а Кеннет – не-ет, говорит, испортят заточку.

– Заточку? – строго переспросил Штиллер.

– Да. Идиотство, – с величайшим презрением выкашлял Горрин. – Злого Охотника, ночеградца, Кеннет им даже не поцарапал. Позорная история.

– А от чего, если не секрет, пытался Кеннет отделить короля-вампира? – удивился Штиллер.

Ящер подскочил метра на полтора вверх по стене, высунул язык и выставил когти на передних конечностях, что, вероятно, должно было означать: «Вот это вопрос!»

– Не врут, значит, что ты Биццаро кусок, – с неожиданным пафосом провозгласил он. И продолжил доверительно:

– А ещё болтают, вы решили Катеру помочь. Не сходится!

«Почему?» – огрызнулся Рен, но про себя: имя, которым его в последнее время то и дело называли, принадлежало, похоже, редкостному мерзавцу.

– Прогуляюсь-ка с вами в Лиод, полвека там не был, – объявил вдруг оружейник. – Сдаётся мне, малютка Катер по незнанию влез в интригу семей Островитян, к которым принадлежала и Марион. Их свары никогда не кончаются! То и дело приходят талантливые новички с их уникальным способом попасть на Остров. И старичьё сразу кидается их душить...

– А ты сам никогда не хотел туда попасть? – стало интересно ключнику.

– Тот, кто утверждает, что его не тянет на Остров, – лицемер, – с абсолютной уверенностью изрёк Горрин. – Но я давно перестал искать пути. Пришлют за мной лодку на пристань Рипендам – не откажусь. А вот Катер отказался бы. Почему?

Штиллер находил манеру ящера задавать себе вопросы и самому на них отвечать забавной. Горрин явно предпочитал равного по уму собеседника!

– Катера сейчас интересуют только деньги. У него семья в Элмше. Понял? Жена, дочери. Нехорошо, если с ним что-нибудь случится на задании.

– Конечно.

Ящер снова послал ему загадочный взгляд.

Тут Штиллер, наконец, уловил смысл сказанного.

– погоди, я только что услышал «с вами в Лиод»?

– Вот именно, – подтвердил оружейник хладнокровно.

– Да тебе какая польза?! Удивительное дело. Все, кто слышат, что я иду в Лиод, сразу находят повод, чтобы присоединиться. Лежало себе пепелище, колючкой зарастало пятьдесят лет. Если там что-то ценное и было, мародёры всё уже повывезли. Знаю, – Рен повысил голос, видя, что оружейник готов возразить, – ходят слухи ещё про ведьму в саркофаге алмазном. То ли она пожар запалила у себя на кухне и до сих пор жжёт потихоньку. То ли наоборот, все годы против огненных тварей с метафизической лейкой воюет, отдыха не знает. Чрезвычайно занимательно для рассказчиков историй на базаре. И для архивариусов. В подвалах вполне можно попробовать обгорелые книжки поискать: я слышал, у Константа было несколько таких, демон хорошо платит за находки. Ещё целители шипы с кустов в августе собирают: сушат и колют ими народ в оздоровительных целях. Но у нас, вроде бы, зима на носу. Увы. И даже Катер, что найдёт, то сразу пожжёт и закопает. Я к тому, что, конечно, Горрин, присоединяйся! – Штиллер заметил, что почти орёт, и замолчал, сбитый с толку собственной патетикой.

Горрин отвернулся.

– Дело не в Лиоде, – признался он после паузы другим тоном.

– А в чём?

– В тебе, Биццаро. Ты сотворил вот это, – оружейник показал лапой за спину.

– Что? – не понял Штиллер.

– Крылья мне подрезал.

Штиллер как стоял, так и сел на деревянный брус, свесив ноги в темноту между этажами.

Удар оказался силён.

– Ладно, не убивайся, – ледяная лапа ящера хлопнула его по плечу. – Дело прошлое.

– Я не... Бред какой! – у ключника получился только жалобный хриплый шепот. Воспоминаний о собственных преступлениях не просто не было. Крепло подозрение, что ему придётся ответить за злодеяния незнакомого хитреца. Рен отказывался принимать вину на себя и никогда бы не сломал... не совершил бы ничего подобного! Точка.

Тогда почему «Финн Биццаро» сразу отозвалось в памяти? Казалось, так прозвали Рена в далёком детстве.

Откуда он знал то, что знал?

Отец говорил: вспоминая, мы каждый раз заново придумываем своё прошлое. До сих пор его слова казались смешным парадоксом в духе Арвида Штиллера. Неужто ведьма и болотный жук заставили вспомнить, точнее, выдумать врага – и стать им? Штиллер решил разобраться в загадке, не поддаваясь на провокации, без истерик. Горрин, судя по всему, лично знал Биццаро. Не провидел в чародейском трансе, не высчитал по таинственным знакам, а встречал и беседовал. Пострадал даже – но ненависти не сохранил. *Bemerkenswert*.

Рен с ужасом заметил, что последнее слово произнёс вслух, и сразу подобрал новомирский эквивалент:

– Поразительно!

– Вот и мне интересно, как из чернокнижника сделался порядочный ключник, – заверил оружейник, внимательно наблюдая, как Штиллер рассеянно суёт «Сепаратор» в сумку тут же забывает о нём. – В соучастие Рыжей, Бретты, я не поверил, и в твоё никак не получается. Не робей, я тебе в Лиоде на горло не прыгну. Имел бы такой план – здесь бы и привёл в исполнение. Несчастный случай на тренировке, – Рен глянул вниз и сразу согласился с оружейником. – Верь мне, Штиллер, в Лиоде тебе помощь пригодится. Любая.

4.

Перед полуночью в «Слепой рыбе», в комнате Штиллера шушуну негде было упасть. Ключник убедился, что его замечательное уютное жильё совершенно не приспособлено для тайных собраний. Сразу стало душно, как будто под кроватью лежал буролесский двубобёр и активно поглощал воздух многочисленными головами. Штиллер настезь отворил окно. Посвежело, но зверь, похоже, никуда не делся: гости то и дело обо что-то спотыкались. Может, о двубобра.

Первой явилась Бретта в сопровождении тоненькой светловолосой возлюбленной мастера Ю. Та оказалась самостоятельной персоной, а не личным наваждением старика. Штиллеру захотелось осторожно поинтересоваться, как такому существу, как она, живётся среди непрозрачных разноцветных людей, которые пахнут и издают звуки. Но ключник расспрашивать не стал. В конце концов, и у неё могли быть срочные дела в Лиоде. Например, воздвигнуть статую мастеру Ю в натуральную величину. И возложить к сандалиям Учителя цветы и конфеты.

Оказавшись на пороге, девушка воздела ручки в узнаваемом жесте, среди всех цивилизованных народов и волшебных зверей означающем: «Ты победил, я проиграл, пощади меня!» И провозгласила:

– Треан!

Рен только на мгновение усомнился в ясности своего рассудка. Потом понял, какой реакции требует такая ситуация. Он немедленно оказался на ногах, скопировал позу наёмницы и точно с той же интонацией выкрикнул:

– Треан!

Бретта хлопнула в ладоши и сложила пополам в пароксизме смеха. Но похихикать ей не удалось: следом ввалились Катер с Хиггом и отвлекли. Блондинка же воодушевлённо подлетела к Штиллеру, обхватила пальчиками ключников бицепс. Ей удалось так ловко не сомкнуть их, что ключник поверил, что бицепс у него имеется, и даже вполне достойный.

– Треан – моё имя, – проворковала эльфовидная девушка. – Но вы всё правильно сделали, уважаемый мастер ключей. Проявили старинную, почти позабытую формулу вежливости, когда используется только имя наиболее уважаемого собеседника, а о себе говорят опосредованно. Кстати, я всегда представляюсь по-буролесски, и только один из моих знакомых сделал такую ошибку... О, проявил вежливость подобным образом. Мастер Ю!

Штиллер покосился на Бретту. Но та самозабвенно обнимала Хигга, будто не видела великана двадцать лет. Тогда Рен кашлянул и предложил Треан общаться на «ты».

– О! – смешные звуки из её кукольного ротика не позволяли понять, довольна наёмница таким поворотом или не особенно. – Но ведь вас несколько!

Штиллер не нашёлся, что ответить, и снова обернулся к Бретте.

Та явилась на удивление многослойно одетой. Костюм её напоминал походную гвардейскую времянку или раковину улитки, но был мягким и не стеснял движений. Рен подумал: сшито для защиты от ледяных ночей наступающей зимы. Но целью было, скорее, нападение. «Начинку» плащей разной длины, надетых один на другой и сложно скреплённых между собой, составляли лезвия. Те самые, заточенные до хирургической остроты тонкие дротики, почти иглы, обращение с которыми требовало не только ежедневных многочасовых тренировок, но и таланта, и удачи, и немалых затрат личной магии. Поставщиками клинков были Виттемуны, семья гномов-ювелиров. Откуда те брали материал, как рассчитывали балансировку «летающей смерти», кто вообще предложил превратить лучника в лук, было, видимо, страшной тайной.

Роскошная амуниция наёмницы даже не звенела при ходьбе и прыжках на шею!

Бретта заметила заинтересованный взгляд Рена и вывернула уголок рукава. Допуск к осмотру был коротким, но ключник успел сообразить, что вся конструкция заряжается одно-

временно, длительно и кропотливо. Одна ошибка – и герой (в данном случае – героиня) остаётся безоружной.

– Надо же, показывает! А я который год выпросить не могу, – посетовали басом над ухом у Штиллера.

Горрин – это был он – медленно отодвинул лезвие, замершее напротив его плоского носа. Он отлип от стены, сменил окрас с серого на красно-коричневый, точно скопировав цвет хламиды Бретты.

– Если бы они были моими, – ящер с нежностью рассматривал клинки, – я бы попросил горца по имени Абама из Элмша (теперь его называют, кажется, Кишки) зачаровать лезвия, чтобы раны от них не заживали никогда.

Приятель переглянулся скептически.

– Дядя Горрин, надо так зачаровывать, чтоб били в цель, не промахивались, – убеждённо высказалась Треан. – Или я не понимаю в поединках. Ну, пусть возвращаются в руку. Собирать тогда не надо, возиться. Что хорошего в незаживающей ране?

Ящер поднял коготь.

– Ошибка! Кусок гниющей плоти укрепляет волю, приучает к чистоте. Регулярные болезненные перевязки вырабатывают привычку к аккуратности и точность движений. Надежда на выздоровление и последующие разочарования воспитывают смирение. Лихорадка...

– Ты не увлекайся так, – посоветовал Катер, роясь в сумке, пересчитывая, вероятно, пряники. – Обойдёмся без лихорадки.

«Надеюсь, я его по другой причине изуродовал», – сам себя испугавшись, подумал Штиллер. Незаживающие раны напомнили ему о печальных вещах, которые хотелось забыть.

– Слушайте, малютки, старика Горрина, – самодовольно закончил оружейник и показал ряд изрядно стёршихся зубов. – Какой урок может преподать врагу смертельная рана?

Бретта ласково похлопала оружейника по языку. Тот замотал плоской головой, внезапно выпустил коротенькие оранжевые уши, похожие на небольшие флажки, и пыхнул дымком.

– Хватит, хватит, я ещё не ужинал, – довольно прошипел он. – Рискуешь пальцем.

Хигг взгромоздился на стол (стула он просто не заметил) и стал сосредоточенно ждать, когда начнётся какой-нибудь мордобой. Его коллеге Катеру, наоборот, на месте не сиделось: тот заглянул во все углы, оценил обстановку за окном, даже заглянул наверх, точно ожидая нападения с крыши. Лук в виде расписного посоха с ненатянутой тетивой прятался за плечами под плащом, как тайный союзник.

– Поговорить можно и за воротами, – наконец не выдержал Катер, – а ещё лучше – на лужайке.

Все удивлённо уставились на него.

– На пустыре перед сгоревшими воротами. Хорошее место, там никогда не случается нападений – ни с неба, ни из-под земли. Небольшой такой... Остров, – Катер подмигнул. – Перекусить там, подумать. Если выйдем прямо сейчас, успеем до рассвета. Или ещё не все в сборе?

Интересно: как только он задал вопрос, Рен сразу почуял, что сейчас произойдёт ужасное. Он не мог предсказать точно, какая за беда явится вместе с принцессой. Но знал: удар отразить будет непросто.

В окне, словно на сцене кукольного балаганчика, возникла знакомая медноволосая фигурка. Глаза Хет были полуприкрыты: она дремала, повиснув в воздухе. Её движениями, несомненно, управляли. Встретаться с магом, который так обошёлся с юной вампиркой, совершенно не хотелось. Но выбора им не оставили. Злой женский голос произнёс:

– Неважно, что решат в Королевском Совете, Биццаро. Я остановлю тебя. Прямо здесь и сейчас.

– Фенна! – воскликнул Хигг расстроено, будто ему неожиданно запретили драться.

Штиллер не сразу понял, о ком речь. А когда вспомнил – не испугался. Пророки казались ему безобидными шарлатанами, а то и безумцами, пожираемыми собственными видениями. Он оглянулся и заметил, что остальные иного мнения о могуществе ясновидящей. Народ был серьёзно напуган. Даже на лице неукротимой Бретты заметно проявлялась мысль о том, чтобы не торопиться и всё хорошенько взвесить.

– Фенна! – повторил Хигг. – Что делать будем?

– Страдать и мечтать о смерти, – объявил жестокий голос, доносящийся отовсюду. Штиллер ещё успел недоверчиво ухмыльнуться – патетика казалась ему мелкой разменной монетой – и ощутил пугающее, как шторм, пробуждение могущественных чар. Упало тихое слово:

– Раскаянье.

5.

Рен сидел рядом с матерью, держал её окровавленную пятку в ладонях и ласково втирал в ступню жёлтую мазь, резко пахнущую морем, болезнью и безнадёжностью. Мать лежала, поджав вторую ногу и закрыв глаза, с выражением злого удовольствия на лице.

– Всё, чтобы вырастить из тебя достойного человека, душа моя.

«Душа моя» означало, что худшее ещё впереди.

– Мам, – попробовал он в который раз, – это и то никак не связаны. Мне кажется не слишком разумной магия жертв и обмена, гниющие пятки взамен на моё благополучие. Я буду успешен, но несчастен. Всю мою жизнь.

А получилось:

– Мам... мам... можно, я целителя...

– Ерунда! – оборвала она. – Зачем мне целитель, когда есть ты?

– Мне плохо, когда тебе больно, – слёзы кололи его глаза изнутри.

– Не смей ныть! Умру – тогда можешь.

Он неловко надавил на пятку, и трещина в коже разошлась, выплеснув кровь ему на ладонь. Мать даже не вскрикнула. Она привыкла терпеть боль уже давно, с первыми язвами. «Добрые знаки» назывались они. И сын верил – можно ли не доверять матери? Но не мог уснуть, представляя, что она ходит, как по ножам. Раздумывал над тем, с чего бы свалиться, чтобы исправить положение. Вечерами, втирая мазь в ужасные раны, слушал зловещие пророчества.

Например, змея-лихорадница заползёт ему в горло во время сна. Или соседка-ведьма обведёт голову мёртвой рукой, и Рен забудет людскую речь. Нет, пусть уж лучше гниющие ноги. Можно рассказывать подругам, мол: дела идут помаленьку, как у людей: сама хвораю, зато сынок – умница!

– Обуйся, – попросил Рен.

Мать пожала плечами.

– Ничего больше не налезает.

– Давай-ка я принесу тебе что-нибудь мягкое с базара? – он резко встал и отвернулся, чтобы она не видела его лица.

– Никуда ты не пойдёшь, уже поздно! Там сейчас кто только не шляется по базару! – чужим, противным голосом взвизгнула она. – Мне понадобится ещё больше крови потратить, чтоб всё обошлось. Хочешь, пусть я бы уже сдохла и оставила тебя в покое?!

Приступ невыносимой боли захватил его, как холодные кольца Морской Змеи – одинокого пловца. На краю сознания Рен знал, что мать сама сделала свой странный выбор. Что его отчаянные попытки помочь ей преодолеть страх разбивались о твёрдую, негибкую волю

к саморазрушению. Что не только он, но и отец боялся непонятной веры в равновесие удачи и несчастья на единицу человеческой судьбы. Едва Арвид Штиллер находил богатого покупателя для своих обожаемых гоблинов (гоблиноведение было его страстью), так сразу прятал от матери крысиный яд и острые кухонные ножи.

Не помогало.

Теперь же чувство вины, почти забытое за годы ученичества, странствий, побед и поражений, терзало, как адский огонь. Он погубил её тем, что принимал ежедневную аскезу, позволял жертвовать собой. Гнусность, какая гнусность!

Рен вспоминал. Чудовищное раскаяние пожирало его живьём.

Бретта держала на руках тёплый притихший комочек в одеяле. Он пах молоком и мерно дышал.

– Давай сюда, – сказала Вёска Виттемун и грубо, бесцеремонно отобрала у неё дитя, передала свёрток помощнице.

– Можно через неделю прийти ещё раз?

– Через неделю это уже будет гном. Нечего тебе к нему ходить, – жена ювелира смотрела без враждебности, но непреклонно, уперев мозолистые кулачки в широкие бока. – Или забирай обратно, или проваливай.

Бретта принялась всхлипывать, яростно размазывая слёзы кулаком по лицу. Гномка не пошевелилась, не сказала ни слова, просто ждала. Тогда Бретта, развернувшись на пятках, бросилась по ступенькам вверх, будто все псы Злого Охотника гнались за ней из глубины ювелирной лавки. Она проскочила под низкой аркой ворот, не задев её макушкой. И только пробежав без памяти два квартала, внизу, глядя на лунный серп, мерцающий в глубине Запретных Вод, она завывала, как волколучка над щенками, забитыми осиновыми кольями.

Через два года Бретта вошла в лавку гномки, нагнувшись. Немудрено: девушка выросла на пол-ладони, стала наёмницей, научилась охоте, слежке и магии маскировки. Она уже не носилась по Подмостью босиком. Поимка Белой Лодки в Еремайе, демона-распространителя эпидемии самоубийств рыбаков, а также усмирение духа Пустой Рыбы в Михине принесли известность среди боевых магов. Сам мастер Ю называл ученицу «изобретательной».

– Вёска! – приказала Бретта. – Скажи Дуну, деду твоему, чтоб мне лезвия изготовил, вот такие... – и показала рисунок в старом манускрипте. – Пусть все сам делает, каждое. Задаток! – и с размаху хлопнула на стол мешок с плотвой. Да не с простой, а с сотенными – монетами из кости Морской Змеи.

Гномка, подобострастно склонившись, понесла заказ деду, а Бретта вышла из лавки.

Даже не спросив о судьбе сына.

Раскаянье скрутило её в узел из боли, встать на ноги было невозможно, а воздух проникал в лёгкие, как иглы под ногти.

– Мне четырнадцать было! Куда бы я с ним!.. – орала она. – Ни ремеслу не обучена, ни семьи, ни родни. Разве что вместе в воду!

Но горечь вины не отступала. Её руки снова чувствовали тяжесть тёплого, родного, пахнущего молоком младенца. Бретте хотелось прилечь, накрыться с головой и больше не открывать глаз.

Хигг вспоминал поганую историю его юности: убитую семью рыбаков.

В стоящем на отшибе доме между Еремайе и Городом Ночь должен был скрываться чернокнижник, редуцирующий шушунов до невообразимо миниатюрных размеров и использующий их массово для нападения на врагов изнутри. Наёмники получили задание уничтожить секретную лабораторию в доме – все устройства, весь персонал. Нелюдей. Хигг, только что завербовавшийся в Гильдию, с удовольствием демонстрировал свои таланты по части выноса

стен плечом и принуждения маленьких креатур к бегству грозным рыком. Воодушевлённо выполнял приказы мастера Ю. Именно Хиггу, огромному, как тролль, но ловкому и проворному, как ночеградский демон-танцор, поручили войти в проклятый дом первым.

Он не сразу заметил ошибку. Рассеивание иллюзий и обманных сетей никогда не было талантом великана. К тому же хозяин дома сражался умело, отчаянно, применял для защиты чары, которых от него никто не ожидал. Потому Хигг проигнорировал его клятвы и просьбы о пощаде. Поскорее бы закончить малоприятную миссию! Хигг двигался вперёд быстро, оставляя груды бесформенного мусора.

Потом выяснилось: злодей был предупреждён, дом продан.

Мастер Ю нашёл тогда правильные объяснения, трюки, чтобы заставить забыть. Но Хигг подозревал, что эта дрянь к нему ещё вернётся. Потому что приказ там или нет, именно ты поджигаешь дом, выбрасываешь живого человека... давай уж честно, и его рыдающую жену из окна в море! Ты, а не учитель, не старинный фолиант, не пророчество. Жена рыбака проткнула убийце предплечье слабым «разрывающим словом», прежде чем погибла в воде. Её опухшее от слёз, ненавидящее лицо, едкий запах горящих волос заставили наёмника замедлить шаг. А как он увидел малышей, то, к счастью, отступил в сторону, позволил специалистам по наваждениям разобраться, кто тут чернокнижник, а кто нет.

«Лежишь ночью без сна, – думал Хигг, – смотришь на свои большие руки и мечтаешь о том, чтобы какой-нибудь палач из Города Ночь их на плахе оттяпал».

Катер вспоминал свою семью из Элмша.

– Мы никуда не поедем, – сказала ему жена, – Я потомственная грифонозаводчица, никто в них столько не понимает. А внизу грифоны вообще не водятся. Кто я там? Дай близняшкам немножко подрасти, выучить, что нужно, чтобы выжить здесь, в горах. Тогда посмотрим.

– Да не нужно им этому учиться! – уговаривал он. – Сианна, неужели ты не видишь, что тут происходит, какие силы в игре? Во что превращаются соседи?

– Ну уж... Хорошие люди пока ещё ни во что не превратились! – заявляла она, но глаза прятала. – Кому мы внизу нужны? Что ты там будешь делать, стрелок, на кого охотиться? В столице стрелять нечего, а в Буролесье тебя самого дичь сожрёт, если хотя бы половина из того, что рассказывают, правда. Да и мне поздно учиться рыбу разводить! Никуда мы не поедем. Кто знает, может, и придумаем, как наши края от проклятья избавить. Но только если вместе пораскинем мозгами, а не побежим, задрвав подол, прочь из родного гнезда.

Гнездо и вправду было замечательно-уютным, досталось им от звероптиц, прирученных женой. Странно и тяжело было покидать его. Милые рожицы близняшек маячили в уголке: одна, как обычно, сосредоточенно заплетала косички другой, и обе делали вид, что не слушают.

– Сианна, что-то дети молчат в последнее время, – встревожился Катер. – А ведь раньше болтали, не умолкая! Вы здоровы? – он заглянул в изумрудные глазки обеим попеременно. Малышки загадочно ухмыльнулись в ответ.

– А что тут говорить? – ласково отозвалась мать. – И так ясно. Мы элмшцы. Тут родились, тут... как повезёт.

И Катер не убедил, как ни старался. Тогда он удрал, не дожидаясь, что перьями обрастёт или начнёт грифонят сырыми жрать. Барон Элмш считал единственным средством от беды «убийство» камня, на котором возвели замок. Но Катеру казался очевидным иной путь: бегство. Лучше уж остаться человеком среди чужих людей, чем превратиться в животное дома.

Его Сианна... Кто знает, на кого или на что она теперь похожа. Несомненно, к лучшему, что он не был свидетелем метаморфозы. В памяти она, единственная любовь, осталась юной и прекрасной. Катер жил теперь в уютном, заросшем плющом столичном переулке, обедал и ужинал в «Рыбе», занимался гильдейскими заказами и бухгалтерией, мухлевал по мелочи

в свою пользу. Поначалу посылал наверх письма и деньги, но ни разу не получил ответа – и перестал. Зачастил к улыбочивой портнихе с Кошачьего фонтана.

До того момента жизнь казалась наёмнику приятной штукой. Для полной гармонии не хватало только найти картину Бремерзе, чтобы выйти из гильдии и купить дворик в Невере.

И вдруг Катер оказался в ловушке из зеркал. Отовсюду на него смотрела собственная жадная расчётливая харя. Проклятье настигло его тут, внизу... Или он сам и был проклятьем?

Ведь даже не взглянул на родные камни, оставляя крепость за спиной, не попытался отыскать тот, вредоносный, хоть немного раскочать его! Не просиживал бессонные ночи в архиве, разыскивая следы подобных несчастий в древних рукописях. Не прислушивался к бормотанию сплетников на базаре – да что там, даже мнения мастера Ю не спрашивал!

Сделал ли он вообще что-нибудь, чтобы спасти семью и родной город от беды?

А теперь даже посмотреть им в глаза не решился бы.

Где бы купить другую жизнь?

Ящер Горрин, обладатель двух обрубков на спине, самый известный коллекционер и продавец оружия, сертифицированный учитель фехтования, тоже взошёл на путь самообвинений и тоски.

Он видел перед собой легионы Морской Змеи, бесчисленное войско, в тёмном гроте на невообразимой глубине поджидающее врага. На сей раз противником выступал Левиафан, талантливый маг, вернувшийся с Острова в виде чудовища. По сути дела, ничем не примечательный случай, избери волшебник иную область для демонстрации могущества. Не Запретные Воды. Здесь издавна царила иная сила, враждебная чужакам. И вот изумрудная вода над гротом потемнела, над ним стрелой пронеслись тени полулюдей, армии Левиафана. Со скрежетом челюстей, с ужасным стоном, исторгнутым из тысяч воздушных пузырей, войско Морской Змеи, подняв адамантовые клинки, ринулось в бой.

Пронизанные золотом солнечных лучей Воды над гротом окрасились красным.

Горрин битву проспал, ему доложили о её исходе гномы-курьеры с мешками плотвы и камешков в руках. Это была, несомненно, лучшая сделка оружейника.

Он часто жалел, что не видел свои шедевры в действии. Теперь ему предоставилась возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.